

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
социологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ОСИПОВА Надежда Геннадьевна — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор, г. Москва, Россия, e-mail: ngo@socio.msu.ru, тел.: факс: 8 (495) 939-46-98

ПОЛЯКОВА Наталья Львовна — доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора, г. Москва, Россия, e-mail: polyakova@socio.msu.ru, тел.: +7(495) 939-45-39

ИЛЬИНЫХ Ольга Владимировна — сотрудник кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ответственный секретарь, редактор, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-08-54, +7 (903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

ДОВРИНСКАЯ Дарья Егоровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, редактор сайта, г. Москва, Россия, тел.: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

КАНЕВСКИЙ Павел Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель декана по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

НОВОСЁЛОВА Елена Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

СИНЯКОВ Алексей Викторович — заведующий учебной лабораторией по применению ЭВМ и технических средств обучения социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник редколлегии, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аверин Юрий Петрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7(495)939-27-95, e-mail: aur@inbox.ru; **Антонов Анатолий Иванович** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, тел.: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru; **Вельц Франк** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, г. Инсбрук, Австрия, тел.: +43 512 507 73405, e-mail: frank.welz@uibk.ac.at; **Бабосов Евгений Михайлович** — доктор философских наук, профессор, академик НАН Белоруссии, главный научный сотрудник Института социологии НАН Белоруссии, г. Минск, Белоруссия, e-mail: soccomsys@mail.ru; **Водолянов Павел Александрович** — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, профессор кафедры философии и права УО “Белорусский государственный технологический университет”, e-mail: rva1940@bk.ru; **Данилов Александр Николаевич** — доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Белоруссии, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, тел.: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by; **Желтов Виктор Васильевич** — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия, тел.: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru; **Ильхам Мамед-Заде** — доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан, тел.: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru; **Кенчи Охаша** — профессор социологии и культурной антропологии департамента культуры и туризма Университета Риккью, г. Токио, Япония, тел.: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp; **Скворцов Николай Генрихович** — доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель Социологического общества им. М.М. Ковалевского, г. Санкт-Петербург, Россия, тел.: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru; **Тай-Лок Луи** — доктор философии, профессор, вице-президент Университета образования Гонконга, директор Академии гонконгских исследований, Гонконг, тел.: +852 2948 7220, e-mail: tloukui@eduhk.hk; **Фарро Антонио Луиджи** — доктор социологических наук, профессор Римского университета “Сапиенца”, г. Рим, Италия, e-mail: antimolugi.farro@uniroma1.it; **Цинекер Хайрун** — доктор политических наук, профессор Университета Лейпцига, г. Лейпциг, Германия, тел.: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Редактор **О.В. ИЛЬИНЫХ**

FOUNDER

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University)

Editorial Board

Editor-in-chief: Nadezhda G. OSIPOVA, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-46-98, e-mail: ngo@socio.msu.ru

Associated Editor-in-Chief: Natalya L. POLYAKOVA, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Contemporary Sociology at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-45-39, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

Managing Editor: Olga V. ILINIH, phone: +7(495) 939-08-54, +7(903) 268-89-69, e-mail: ilinih@socio.msu.ru

Website Editor: Daria E. DOBRINSKAYA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-08-54, e-mail: dobrinskaya@socio.msu.ru

Editorial board: Inna A. VERSHININA, Candidate of Sociology, Associate Professor at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-21-37, e-mail: vershinina@socio.msu.ru

Pavel S. KANEVSKIY, PhD, Associate Professor, Associate Dean for Science at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-24-05, e-mail: kanevskiy@socio.msu.ru

Elena N. NOVOSELOVA, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495) 939-24-05, e-mail: nauka@socio.msu.ru

Aleksei V. SINYAKOV, Head of IT Laboratory at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495) 939-59-49, e-mail: alsin@socio.msu.ru

Editorial council

Anatoliy I. Antonov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology of Family and Demography at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7 (495)939-50-60, e-mail: antonov_ai@mail.ru

Yuriy P. Averin, Doctor of Sociology, Professor, Head of Sociological Research Methodology Department at the Faculty of Sociology (Lomonosov Moscow State University), Moscow, Russian Federation, phone: +7(495)939-27-95, e-mail: aup@inbox.ru

Frank Welz, Doctor of Sociology, Professor at Innsbruck School of Social and Political Sciences, Department of Sociology (Innsbruck University), Innsbruck, Austria, phone:+43-512-507 -73405, -73420 (secretary), e-mail: frank.welz@uibk.ac.at

Lui Tai-lok, Doctor of Philosophy, Professor, Vice President of the Education University of Hong Kong, Director of the Academy of Hong Kong Studies, phone: +852 2948 7220, e-mail: tllokui@eduhk.hk

Viktor V. Zheltov, Doctor of Political Science, Professor at Chair of General History and Socio-Political Sciences (Kemerovo State University), Kemerovo, Russian Federation, phone: +7 (384) 254-49-33, e-mail: politdekanat@kemsu.ru

Nikolai G. Skvortsov, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Comparative Sociology (Saint Petersburg University), Saint Petersburg, Russian Federation, phone: +7 (812) 710-00-29, e-mail: n.skvortsov@spbu.ru

Antimo L. Farro, Doctor of Sociology, Professor at the Department of Social and Economical Sciences (Sapienza University), Rome, Italy, e-mail: antimoluigi.farro@uniroma1.it

Heidrun Zinecker, Doctor of Political Science, Professor of International Relations at the Institute of Political Science (University of Leipzig), Leipzig, Germany, phone: +49 341 97 35614, e-mail: zinecker@uni-leipzig.de

Evgeniy M. Babosov, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of National Academy of Sciences of Belarus (NAS of Belarus), Chief researcher at the Institute of sociology of NAS of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: soccomsys@mail.ru

Pavel A. Vodop'yanov, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, professor at the Department of Philosophy and Methodology of Science (Belarusian State Technical University), Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pva1940@bk.ru

Kenichi Ohashi, Professor of Sociology and Cultural Anthropology at the Department of Culture and Tourism Studies (Rikkyo University), Tokyo, Japan, phone: +81-48-471-7447, e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Ilham Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, phone: + 99412-439-34-61, e-mail: Ilham_mamedzade@mail.ru

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Sociology Faculty of Philosophy and Social Sciences (Belarus State University), Minsk, Republic of Belarus, phone: +375-17-259-70-41, e-mail: a.danilov@tut.by

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

№ 3 • Том 24 • 2018

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

ИЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

- Молчанова О.И.* Формирование социологических взглядов на процессы медиаконвергенции 7
- Свищёва А.Н.* Теории референтных групп и революции: общая теоретическая матрица относительной депривации. 24

Социальная структура, социальные институты и процессы

- Трофимов С.В.* Трансформация типов религиозности в условиях глобализации. 41
- Карпова В.М.* Репродуктивная история как фактор репродуктивного поведения 62
- Новосёлова Е.Н., Лядова А.В.* Глобальное неравенство и особенности развития современной Африки 87
- Юань Сюнь.* Китайский опыт совершенствования миграционной политики: основные этапы, нерешенные проблемы 108

Социология молодежи

- Елишев С.О.* Спецслужбы иностранных государств, международные организации и СМИ, поддерживаемые ими, как субъекты манипулятивного воздействия на молодежь 121
- Шипунова Т.В.* Агенты социального контроля о рисках девиантности молодежи 133

Социология управления

Большакова Ю.М. Эффективность государственного управления и региональных институтов власти в оценках населения 150

Политическая социология

Габуев С.В. Эффективность политического управления в контексте внедрения “электронного правительства” 169

Рецензии

Сушко В.А. Качество жизни населения России в XXI веке: благополучные годы (2002–2012). Рецензия на монографию Ю.П. Аверина 189

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Established in 1946

Series 18

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Publishing house of Moscow State University

N 3 • VOLUME 24 • 2018 •

JULY — SEPTEMBER

Four Issues per Annum

CONTENTS

Theory, methodology and history of sociology

- Molchanova O.I.* Formation of sociological views on the processes of media convergence 7
- Svishcheva A.N.* Theories of reference group and revolution: general theoretical matrix of relative deprivation 24

Social structure, social institutions and processes

- Trophimov S.V.* Transformation of types of religiosity in the context of globalization. 41
- Karpova V.M.* Reproductive history as a predictor of reproductive behavior . . 62
- Novoselova E.N., Liadova A.V.* Global inequality and the main trends in development of Africa nowadays. 87
- Yuan Syun.* Chinese experience of improving migration policy: major stages, unused problems 108

Sociology of youth

- Elishev S.O.* Foreign intelligence agencies, international organizations and the media, supported by them as subjects of manipulative influence on young people. 121
- Shipunova T.V.* Agents of social control about the risks of youth deviance . . 133

Sociology of management

- Bolshakova Y.M.* Effectiveness of public administration and regional power institutions in population estimates 150

Political sociology

Gabuev S.V. The effectiveness of political management in the context of the introduction of “e-government” 169

Reviews

Sushko V.A. Quality of life of the population of Russia in the 21st century: prosperous years (2002–2012). Review of the monograph by Yu.P. Averin 189

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-7-23

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОЦЕССЫ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ

О.И. Молчанова, канд. пед. наук, доц., доц. кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, улица Садовая, д. 21, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023*

Цель данной статьи — рассмотреть процесс формирования взглядов зарубежных и российских исследователей на проблему процессов медиаконвергенции. Акцентируется внимание на социологическом аспекте данного явления. Указаны базовые понятия, формирующие тенденции и перспективы развития в изучении медиаконвергенции как современного феномена. Переосмысление понятия конвергенции началось с публикаций, в которых знания и информационные технологии были названы основными составляющими будущей экономики: конвергенция предстала явлением, с которым следует считаться, которое становится определяющим понятием в контексте глобализации. Рассматривая медиасреду как особую систему, состоящую из средств коммуникации, причем в синергетическом эффекте, зарубежные социологи кардинально изменили представление о современных медиа, об их возможностях, степени влияния на социум. Социологический аспект в исследованиях состоит в необратимом воздействии медиаконвергенции на жизнедеятельность каждого человека, на его состоятельность в обществе, его сознание, способы коммуникации, профессиональную сферу, досуг. В целом история развития социологических взглядов на процессы медиаконвергенции настраивает на поликонтекстуальность в изучении массмедиа. Сегодня их следует изучать в совокупности всех современных научных дисциплин, в теоретическом и практическом прикладном аспектах. Автором статьи была составлена таблица, в которой представлены этапы развития социологических взглядов на процессы медиаконвергенции с краткой характеристикой каждого из них. Выявлены основные направления перспективных социологических исследований, соответствующих вызовам настоящего времени.

Ключевые слова: медиаконвергенция, конвергентные процессы, медиасреда, массмедиа, социологические результаты, социальная среда.

* Молчанова Ольга Ильинична, e-mail: moi.2012@bk.ru

FORMATION OF SOCIOLOGICAL VIEWS ON THE PROCESSES OF MEDIA CONVERGENCE

Molchanova Olga I., the Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of international relations, media studies, political science and history, St. Petersburg State University of Economics, Sadovaya street, 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023, e-mail: moi.2012@bk.ru

The purpose of this article is to examine the process of emergence and views of foreign and Russian researchers on the problem of the processes of media convergence. Focuses on the sociological aspect of the phenomenon. Provided basic concepts, the trends and prospects in the study of media convergence as a modern phenomenon. Rethinking the concept of convergence began with the publications in which knowledge and technology have been named as key components of future economy, convergence has become a phenomenon to be reckoned with, which will soon become a defining concept in the context of globalization. Considering the media environment as a system consisting of means of communication, foreign sociologists have radically changed the view of modern media, of their possibilities, their degree of influence on the society. The impact of media convergence on the life of each person, his worth in society, his mind, the ways of communication, to the professional world, and to leisure is only a part of important research areas. In general, the history of the development of sociological views on the processes of media convergence adjusts to multicontextual in the study of media. Today should be studied in the aggregate of all modern scientific disciplines, in both theoretical and practical applied aspects. In the end, the author has compiled a table that presented the stages of development of sociological views on the processes of media convergence with a brief description of each of them. The main trends and promising sociological research relevant to the challenges of the present time.

Key words: media convergence, convergent processes, the media environment, the media, social views, social environment.

Трансформация медиасферы под воздействием медиаконвергенции и ее влияние на социальную среду – удивительный феномен, требующий глубокого осмысления. Для того чтобы видеть тенденции и перспективы социальных преобразований под воздействием конвергентных процессов, следует рассмотреть историю возникновения и развития социологических взглядов на данную проблему.

Следуя в рамках социологического подхода к пониманию процессов медиаконвергенции ее следует рассматривать как фактор необратимого влияния на жизнедеятельность общества, как совокупность идей, принципов, норм и правил, обеспечивающих баланс, при котором общество может успешно развиваться.

Понятие конвергенции в сфере медиа появилось не сразу, прежде оно активно использовалось в различных науках, в которых термин “конвергенция” обозначает интеграционные процессы по

основному значению латинского слова *convergere* “приближаться, сходиться”.

Первыми областями применения теории конвергенции стали экономика и социология. Немецкий экономист В. Ойкен¹ в первой половине XX в. обратился к теории конвергенции, применив ее к развитию человечества в целом, взяв за основу характер ее воздействия на цивилизацию.

Данная теория в следующем десятилетии нашла отражение в трудах таких ученых, как У. Ростоу, П. Сорокин, Р. Аарон, Д.К. Гэлбрейт, Я. Тинберген, П.Т. де Шарден, О. Флехтхайм. С середины прошлого века данное понятие стало употребляться в общественно-политических науках. Предполагалось, что мирное сосуществование двух систем, капитализма и социализма, вполне допустимо, и, более того, их синтез как “смешанное общество” должен быть лучше и эффективней как в экономическом, так и в политическом, и в идеологическом аспектах. Теория конвергенции выражалась в общности политических систем: при капитализме и социализме развиваются наука, производство, имеются общие проблемы в таких сферах, как демография, бюрократия, “массовая культура” и т.д.²

Американец У. Ростоу, голландец Я. Тинберген писали о сближении двух политических формаций – капиталистической и социалистической, а основной силой данного процесса назвали научно-техническую революцию³.

В 1960-х гг. тема конвергенции становится популярной у зарубежных социологов, которые сквозь призму конвергенции взглянули на устройство социума и его будущее.

В 1962 г. книга Д. Белла “Конец идеологии” стала настоящей сенсацией; в ней автор высказался о новом типе общества⁴. Знания и информационные технологии американским социологом были названы основными составляющими будущей экономики. Гипотеза о том, что новое общество будет опираться на технологии и информационную индустрию, стала основополагающей в данной работе. Благодаря Беллу началось переосмысление понятия конвергенции как явления, с которым следует считаться, за которым будущее и которое вскоре станет определяющим понятием в контексте глобализации.

Исследователю удалось вычленить несколько проблем, которые затем нашли свое отражение в современных тенденциях развития медиаконвергенции:

¹ Ойкен В. Основы национальной экономики. М., 1996.

² Добреньков В.И., Кравченко А.И. История зарубежной социологии. М., 2005.

³ Там же.

⁴ Bell D. The End of Ideology. Glencoe (Ill), 1960.

- слияние систем телефонии, компьютеров и телекоммуникаций в единую модель;
- замена бумаги на электронные средства записи, возникновение возможности дистанционного копирования и использования документов;
- доставка потребителю телевизионной трансляции посредством кабеля;
- развитие системы хранения информации с помощью компьютера и возникновение возможности запроса сведений через поисковые системы;
- развитие дистанционного образования на базе обучения с помощью компьютера, что актуально для слаборазвитых регионов;
- возможность использования видеодисков с целью развлечений, а также самостоятельного образования⁵.

Так, постепенно осмысление явления конвергенции проникает в сферу медиа, что становится источником новых идей для ученых, сумевших по-новому взглянуть на происходящие процессы в обществе.

Целая плеяда представителей английской теоретической школы в области социологии журналистики и средств массовой коммуникации имеет отношение к исследованию конвергентных явлений. Наиболее яркие ее представители Д. Макквейл, Д. Халлоран, Д. Бламлер, Д. Тренемен и др.

Создателем английской школы считается Дж. Тренемен, автор книги “Коммуникация и понимание”, вышедшей в 1967 г. В ней экспериментально сравнивались возможности разных СМИ. Немного ранее, в 1961 г., Дж. Тренемен в соавторстве с Д. Макквейлом написали работу “Телевидение и политический образ”, в которой рассматривалось влияние СМИ на общественное мнение в период выборов 1959 г. в Англии.

Конвергенция в трактовке объединения различных сфер деятельности, понятий в 1960-е гг. становится популярной темой для обсуждения, причем как на научном, так и на социальном уровнях: на конференциях, в научных трудах, на страницах газет.

Во второй половине XX в. происходит обособление социологии журналистики как отдельного направления. Д. Макквейл изучает журналистику как социальный институт, анализирует проблемы СМИ, социально-экономическое состояние аудитории, ее интересы, взаимоотношения журналистов с предпринимателями, властями,

⁵ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 336.

обществом в целом⁶. На рубеже 1960–1970-х гг. он пишет и редактирует труды, посвященные проблемам социального общения под воздействием массмедиа. Таким образом, ученый прогнозирует возрастающую роль массмедиа в обществе и интегрирующих процессов, их неизбежность.

Прорывом в осмыслении происходящих процессов является деятельность крупнейшего теоретика в области изучения медиа канадского ученого Герберта Маршалла Маклюэна, согласно воззрениям которого, все средства коммуникации выступают как “технологии” (“посредники”), введение которых в окружающий мир человека меняет его коммуникации, формирует новый способ мировосприятия и образ жизни. Маклюэн определил дальнейшее направление изучения глубинных процессов природы конвергенции.

Во-первых, Маклюэн рассматривает медиасреду как особую систему, состоящую из средств коммуникации, однако не просто как их сумму, а в синергетическом эффекте, что кардинально меняет представление о современных медиа. “Скрещивания, или гибридные соединения средств коммуникации, высвобождают великую новую силу и энергию, сопоставимую с той, которая высвобождается при расщеплении ядра или термоядерном синтезе”⁷, таким образом акцентируется свойство эмерджентности медиасреды как внезапно возникающее качество в развивающейся системе, что является одним из основных положений синергетики.

Во-вторых, медиасреда остается незаметной для человека. Она связывает его с внешним миром, но связи эти не имеют материальной оболочки.

В-третьих, Маклюэн считает, что любая медиасреда постоянно трансформируется и трансформирует социум. Появление нового медиа связано с изменениями взаимосвязей, установившихся ранее.

Идеи Маклюэна опередили время, и только сегодня становится понятно, как прав был исследователь, как точен был его прогноз и насколько близко он подошел к трактовке современных взглядов на общественное развитие. В 80-гг. прошлого века, подчеркивая социокультурные трансформации, М. Маклюэн и К. Фиоре заявляют: “В нашу электрическую эпоху мы видим себя все более и более переводимыми в форму информации и идущими в сторону

⁶ Орехова С.Г. Критический обзор теоретических исследований английской буржуазной пропаганды и журналистики: социологическое и социально-психологическое направления // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1978. № 4. С. 90–91.

⁷ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=102820>

технологического расширения сознания”⁸. Данное утверждение вновь звучит сенсационно, но мы уже наблюдаем социальные изменения, связанные с выходом человека в глобальную сеть, как меняется сознание и поведение современного потребителя, что находится в центре внимания многих современных исследователей.

В отечественной социологии явление конвергенции поначалу рассматривалось так же, как и в зарубежной, в техническом аспекте и с точки зрения политических процессов.

Академик Андрей Сахаров, как дальновидный ученый, заинтересовался теорией конвергенции и даже написал книгу, вышедшую в 1968 г. в свет, в которой отмечал: “Эти идеи возникли как ответ на проблемы нашей эпохи и получили распространение среди западной интеллигенции, в особенности после Второй мировой войны. Они нашли своих защитников среди таких людей, как Эйнштейн, Бор, Рассел, Сцилард. Эти идеи оказали на меня глубокое влияние, я увидел в них надежду на преодоление трагического кризиса современности”⁹.

Надо отметить, что по мере развития массмедиа и роста их роли в обществе актуализируется интерес со стороны исследователей к сфере массовой коммуникации. Сфера медиа уже в первой половине XX в. активно изучается американскими авторами (П. Лазарфельд, Г. Саймон, Б.Ф. Грин и др.), немецкими учеными (Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др.), британскими и французскими исследователями (Ф. Ливис, Д. Томпсон, Ж. Деррида)¹⁰.

Так, французский философ и теоретик литературы Жак Деррида, которого по праву называют одним из основоположников идеи нелинейного письменного текста, замечает в своем классическом труде “О грамматики” (1967): “...то, с чем имеет дело современное мышление, не может быть представлено на письме линейно, в форме книги”¹¹. Это важное замечание как предвидение появления гипертекстуальности положило начало осмыслению новых свойств современного текста и его восприятия.

В 1977 г. советский ученый В.С. Хелемендик заявил о координации и взаимодействии функций печати, радио и телевидения, выдвинув предположение о том, что “со временем организационная структура журналистики изменится, и ныне самостоятельная газета,

⁸ Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012.

⁹ Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. URL: <http://coollib.com/b/267574/read>

¹⁰ Медиа. Введение: Уч. / Под ред. А. Бриггз, П. Кобли. М., 2012. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=114784>

¹¹ Цит. по: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 2010.

радио, телевидение сольются в своеобразные объединения с общим информационным центром, планированием и измерением эффективности их воздействия на массы”¹². Данное предположение в 1970-е гг. звучало как сенсация, но, тем не менее, актуальность темы была очевидна, и, вполне закономерно, что различные аспекты ее исследования оказались в сфере научных интересов таких ученых, как М.К. Барманкулов, Е.П. Прохоров и др.

Е.П. Прохоров писал о четком взаимодействии печати, радио и телевидения в случаях необходимости решения социальных проблем¹³.

Однако в трактовке термина “конвергенция” на протяжении довольно длительного времени лидирующим оставалось понятие интеграции.

В 1980-х гг. в ходе дискуссий о возможности регулирования телекоммуникационного и вещательного рынков США и Западной Европы термин “конвергенция” получил дальнейшее развитие. Так, книга политолога И. де Сола Пула “Технология свободы” посвящена конвергенции, которую автор применяет к коммуникационным технологиям. Исследователь делает прогноз, в котором предполагает оцифровку информации, обмене ею в информационных сетях с помощью электроники¹⁴.

Испанский социолог М. Кастельс, однако, отметил, что люди способны изменять электронную систему, вступая с ней во взаимодействие для решения определенных задач, “формируя жизнь и формируясь жизнью в одно и то же время”¹⁵. Таким образом, им была отмечена и поднята одна из серьезных социальных проблем, которая пока не решена человечеством и остается до сих пор в поле зрения как футурологов, так и социологов: неоднозначность отношений человека и созданных им технологий.

Американский медиатеоретик Дуглас Рашкофф в 1994 г. вводит термин “медиавирус”, обозначая им “мемы и мемокомплексы”, которые, распространяясь, способны изменить восприятие и отношение людей к определенным событиям, происходящим в жизни. Рашкофф приводит пример “эффекта бабочки”, когда какое-либо событие, случившееся в одной части сложной системы, может кардинально повлиять на изменения в другой. Использование коммуникационной стратегии авторами вирусных сообщений (ролик,

¹² *Хелемендик В.С.* Союз пера, микрофона и телекамеры (опыт системного исследования). М., 1977.

¹³ *Прохоров Е.П.* Союз пера, микрофона и телекамеры // Телевидение. Радио-вещание. 1978. № 6. С. 4.

¹⁴ *Pool I. de Sola.* Technologies of Freedom. Cambridge, 1983.

¹⁵ *Кастельс М.* Галактика Интернет. URL: <http://m.litread.ru/read/431307/436000-437000?page=1> (дата обращения: 25.12.2017).

реклама) мотивирует пользователей пересылать своему окружению данное послание, что может определенным образом сказаться на внедрении конкретных социальных идей, способных изменить общественное мнение больших социальных групп. Принцип вовлеченности пользователей, лежащий в основе данной стратегии, продемонстрировал свою эффективность, что гораздо продуктивнее традиционных способов воздействия¹⁶.

Научный мир Восточной Европы также был заинтересован теорией конвергенции. Формы взаимодействия СМИ изучались Г. Айслером, Д. Георгиевой, В. Симеоновой и др. Так, К.-Г. Рер доказывал, что кооперирование “помогает сильнее выявить публицистические особенности различных видов журналистики и характер связи между ними”¹⁷. Далее в своих трудах П. Фиртель отмечает, что “кооперирование усиливает непрерывность информационного влияния, устраняет неоправданные повторы содержания, с одной стороны, пробелы в информации – с другой”¹⁸. Влияние на общественное мнение и формирование общественного сознания – одна из самых актуальных проблем в социологии данного периода.

В 1990-х гг. дискуссии о конвергенции начинают приобретать практический смысл, так как интернет становится необходимостью как в профессиональной деятельности граждан, так и в личном пользовании. Развитие теории медиаконвергенции происходит в применении уровневого подхода: “...на технологическом уровне конвергенция – это слияние технологий распространения и производства информации, которое позволяет разным СМИ – кабельным или телефонным сетям, беспроводной спутниковой связи – доставлять аудитории одинаковые типы содержания. На уровне медиаиндустрии конвергенция проявляется в том, что предприятия по производству домашней электроники, компьютеров, оборудования для телекоммуникационного и аудиовизуального секторов вступили в период слияния <...> на профессиональном журналистском уровне конвергенция проявляется в нескольких формах. Во-первых, она приводит к слиянию прежде достаточно отдаленных и разобщенных средств массовой информации. Во-вторых, изменяются требования к самому журналисту. Современные профессиональные требования к журналистам предполагают наличие у них мультимедийных навыков <...>. В-третьих, конверген-

¹⁶ Федоров Р.Ю. Проблемы изучения Веб-пространства как сложной самоорганизующейся системы. URL: <http://pandia.ru/text/78/524/61370.php>

¹⁷ Neue Deutsche Presse. 1967. N 3.

¹⁸ Neue Deutsche Presse. 1974. N 8.

ция СМИ, появление общих для разных каналов содержательных продуктов ведет к рождению новых интегрированных жанров”¹⁹.

Е.Л. Вартанова дает трактовку этому уникальному явлению: «Конвергенция – это слияние прежде различных и разобщенных медиа, в результате чего становится трудно определить, о каком же конкретно средстве идет речь. Радио в Интернете, энциклопедия Британика на компакт-диске, видеофильм по каналу кабельного ТВ или электронное рекламное сообщение, принятое вашим миниатюрным карманным коммуникатором, внешне похожим на калькулятор, но выполняющим большинство функций персонального компьютера... Передача функций одних СМИ другим, “перемена ролей” у разных каналов коммуникации, возможность получать одинаковые содержательные продукты разными каналами – все это радикально меняет прежние представления о каналах коммуникации и информации»²⁰. Данное видение спрогнозировало те тенденции, которые определяют трансформацию современной медиасферы.

Этот период характерен множеством подходов в трактовке понятия медиаконвергенции и попытками обоснования типологии данного явления.

Г. Дженкинс, разрабатывая данную проблему, предложил несколько значений понятия “медиаконвергенция”, среди которых наряду с технологической, экономической, культурной называет социальную медиаконвергенцию, которая выражается в проявлении “многозадачных стратегий”, так как современному потребителю информации приходится одновременно совершать несколько действий: читать сообщения, приходящие с различных гаджетов, проверять почту, смотреть телевизор, слушать радио, т.е. быть своеобразным приемником информационных потоков различных уровней локальности²¹.

Американские исследователи Г. Мейкл и Ш. Янг рассмотрели процесс медиаконвергенции с различных точек зрения, взяв за основу различные аспекты проявления:

– *технологический* – телекоммуникационные сети объединяются вокруг цифровых медиаплатформ;

– *производственный* – производство в цифровом медиaprостранстве нового контента, рост медиакomпаний, в основе которых используются цифровые технологии (Google, Apple, Microsoft и др.);

¹⁹ Добренков В.И., Кравченко А.И. Указ. соч. С. 286–287.

²⁰ Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. Вып. 5. С. 11–14.

²¹ Jenkins H. Convergence? URL: <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence-i-diverge/>

– *социальный* – увеличение объема содержания в различных социальных сетях, создаваемого пользователями;

– *текстуальный* – внедрение “трансмедийной” концепции, которая предполагает создание истории на нескольких медиаплатформах с использованием видео, фото, игры, инфографики и др.)²².

Как пишет М.К. Симкачева: “Процессы, происходящие сегодня в журналистике и в средствах массовой информации, существенно изменили структуру современной медиаиндустрии, перекроили систему СМИ и совершенно по-иному формируют глобальное медиаполе. Современное медиаполе существенно расширилось за счет взаимодействия с сетью Интернет, с социальными сетями, блогосферой, рекламой и PR, активного привлечения аудитории к созданию информационного контента”²³. Таким образом, речь идет об одном из ярких проявлений нового медиаполя – феномене новых медиа.

Термин “новые медиа” стал актуален в конце XX в. и начал применяться для обозначения появившихся цифровых, компьютерных, информационных технологий. Новые медиа означают любую медиапродукцию, обладающую интерактивностью и распространяемую с помощью цифровых технологий. Характерными особенностями “новых медиа” становятся доступность и инновационные способы доставки конечного продукта потребителю. Сутью данного феномена являются информационно-коммуникационные ресурсы, дающие возможность его участникам получать и транслировать информацию, обмениваться ею, быть активными акторами в процессе циркуляции информационных потоков.

Ключевым моментом в идеологии новых медиа стала возможность интерактивного взаимодействия, что позволяет не только общаться в режиме реального времени, но и создавать свое собственное медиа, используя текст, фотографии, аудио, видео, инфографику, причем без ограничения во времени и пространстве.

Новые медиа создали и продолжают формировать коммуникативную социальную модель. Пока нет точного их определения, но имеются попытки формулирования этого понятия. Например, С.Г. Носовец определяет новые медиа как “высокотехнологичные интерактивные интернет-медиа, обладающие потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту”²⁴. Однако суть дан-

²² Meikle G., Young S. Media convergence: networked digital media in everyday life. N.Y., 2012.

²³ Симкачева М.К. Процесс конвергенции СМИ и его влияние на формирование современного медиаполя // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157. Кн. 4. Гуманитарные науки. С. 118–126.

²⁴ Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39–47.

ного явления, как нам кажется, шире, так как новые медиа мы связываем с современными информационными и коммуникационными технологиями, посредством которых можно передавать информацию и общаться в режиме онлайн.

Одна из характеристик новых медиа носит название “видимая бесконечность”, так осмысливается гипертекстуальность и нелинейность современного текста. Новые медиа ежедневно предъявляют миру бесконечное количество строк текста, инфографики, видео и т.д., будучи цифровыми, они распространяются по всему пространству медиа с огромной скоростью, а значит, контент становится в тысячи раз больше за счет такого дублирования²⁵.

Новые модели коммуникации в сетевом пространстве связывают с появлением Web 2.0. Данный термин, как известно, был введен Тимом О’Райли в начале XXI столетия и означает “самостоятельное производство контента массой пользователей и активный обмен информацией между ними”²⁶.

Развитие Web 2.0 способствовало развитию новых форм коммуникации, что, в свою очередь, привело к формированию PR 2.0. Изменения в медиасфере сказываются на всех сферах современной жизни и формируют принципиально новое информационное общество, которое нуждается в новом информационном продукте²⁷. Тема конвергенции касается институциональной сферы журналистики, рекламы и связей с общественностью, что сказывается на жанровом и стилистическом уровнях медиатекста — это одно из востребованных направлений исследования филологии, социологии, психологии.

В современных условиях отличительной чертой PR 2.0 является перманентный интерактив с целевой аудиторией. Тем самым PR 2.0 фокусируется на взаимодействии непосредственно с потребителем, может осуществлять коммуникацию с ним без помощи журналиста. Социальные медиа дают возможность каждому пользователю открыто выражать свое мнение о продуктах и услугах, обсуждать, спорить и делать выводы²⁸.

С начала XXI в. исследователи активно проявляют интерес к понятию “медиалогия” как к учению, опирающемуся на целый

²⁵ Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. I. № 2.

²⁶ Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М., 2012.

²⁷ Молчанова О.И. Влияние процессов медиаконвергенции на деятельность современных связей с общественностью // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 3. С. 73–80.

²⁸ Гавра Д. PR “дваноль” // Корпоративная имиджелогия. URL: <http://www.cjournal.ru/article/596/pr-dvanol>

ряд гуманитарных дисциплин – культурологию, философию, филологию, педагогику, политологию, социологию и т.п.

Термин “mediologie” ввел французский социолог Р. Дебре еще в 1990 г. В книге “Введение в медиологию”²⁹ он предлагает различные подходы и понятия относительно процессов коммуникаций.

Современная трактовка медиалогии как новой науки гораздо шире. Авторы различных публикаций делают попытки сформулировать ее. Как пишут А.П. Суходолов и М.П. Рачков: “Медиалогия, в нашем понимании, есть синтез теории СМИ и теории журналистики, возвышающий над собой теорию управления массмедиа. В конечном счете медиалогия имеет своей задачей обеспечение здорового образа жизни человечества в системе глобальных социальных коммуникаций”³⁰. Данная социальная задача, стоящая перед новой наукой о массмедиа, может быть решена в процессе обновления медиатеории, которая должна включать аспект управления системой массмедиа, аспект подготовки профессиональных кадров для современных массмедиа, аспект трансформации мышления современного потребителя и т.д.

Процесс становления медиалогии как научной дисциплины только набирает обороты. Например, в российских вузах уже вводятся учебные курсы “Основы медиалогии” (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Пермский национальный исследовательский политехнический университет и др.), в которых преподаватели, опираясь на существующую теоретическую базу, формируют тематическую структуру программы в соответствии со своим видением.

Присоединимся к авторам, высказывающимся по поводу перспектив становления медиалогии как новой научной отрасли: “...у российской научной школы СМИ и журналистики есть достаточный потенциал, чтобы лидировать в этом процессе и ускорять его, проводя комплексные междисциплинарные исследования”³¹.

Анализ темы возникновения и развития социологических взглядов на медиаконвергенцию позволил обобщить сведения и представить этапы данного процесса в виде таблицы, с кратким описанием каждого из них. Границы этапов достаточно условны, но хронология развития позволяет уяснить приоритеты научного видения теоретиков и понять дальнейшие его перспективы.

²⁹ Дебре Р. Введение в медиологию. М., 2010.

³⁰ Суходолов А.П., Рачков М.П. Медиалогия – наука будущего // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 267–286.

³¹ Там же.

Этапы развития социологических взглядов на теорию конвергенции

Этапы развития	Краткая характеристика этапа	Авторы основных научных трудов
1940–1950 гг.	Теория конвергенции впервые применяется к развитию человечества в целом, за основу берется характер ее воздействия на цивилизацию	В. Ойкен, А. Эйнштейн, Н. Бор, Б. Рассел, Л. Силард и др.
1950–1960 гг.	Теория конвергенции применяется в общественно-политических науках, при рассмотрении сближения двух политических формаций – капитализма и социализма, научно-техническая революция трактуется как основная сила данного процесса	П. Лазарфельд, Г. Саймон, Б.Ф. Грин, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ф. Ливис, Д. Томпсон, Ж. Деррида и др.
1960–1980-е гг.	Впервые социологи взглянули сквозь призму конвергенции на устройство социума и его будущее. Знания и информационные технологии признаны основными составляющими будущей экономики. Осмысление явления конвергенции проникает в сферу медиа, что становится источником новых идей для ученых	У. Росту, П. Сорокин, Р. Аарон, Д.К. Гэлбрейт, Я. Тинберген, П.Т. де Шардена, О. Флехтхайм, Д. Белл, Д. Макквейл, Д. Халлоран, Д. Бламлер, Д. Тренимен, Г.-М. Маклюэн, В.С. Хелемендик, А. Сахаров, М.К. Барманкулов, Е.П. Прохоров и др.
1980–2000-е г.	В жизни человечества интернет играет ключевую роль. Развитие теории медиаконвергенции происходит в применении уровневого подхода: технологический уровень, уровень медиаиндустрии, профессиональный журналистский уровень	И. де Сола Пул, Д. Рашкофф, Г. Айслер, Д. Георгиева, В. Симеонова, К.-Г. Рер, П. Фиртель, Р. Дебре, М. Кастельс, Г. Дженкинс и др.
2000–2010-е гг.	Теория медиаконвергенции в трактовке координации и взаимодействия функций печати, радио и телевидения начинает рассматриваться как слияние прежде различных и разобщенных медиа в один информационный ресурс. Медиаконвергенция радикально меняет прежние представления о каналах коммуникации и информации. В поле зрения ученых попадает феномен новых медиа как одно из ярких проявлений современной медиасреды	Е.Л. Вартанова, М.К. Симкачева, Д. Келлнер, Дж. Боман, П. Бергер, Т. Лукман, Н.Б. Кириллова и др.

Этапы развития	Краткая характеристика этапа	Авторы основных научных трудов
2010 – до наших дней	Актуализируется социологический аспект в изучении медиаконвергенции: поднимаются проблемы медиатизации общества, медиакультуры, медиаобразования, социализации и адаптации к новым условиям. Актуализируется идея медиалогии как науки будущего	Е.А. Баранова, А.В. Полонский, А.Г. Качкаева, И.В. Кирия, О.В. Копылов, Е.И. Кузнецова и др.

В течение последних лет активно ведутся исследования отечественными учеными в направлении выявления социальных изменений под влиянием медиаконвергенции по таким проблемам, как трансформация функционирования массмедиа, появление новых видов медиа, диверсификация информационно-коммуникационных технологий, профессиональная конвергенция, формирование редакций конвергентного типа, участие аудитории в создании контента, приобретение новых свойств мышления потребителей, медиаобразование и медиакультура современного общества, причины деструктивных явлений под воздействием медиаконвергенции, проблемы социализации в условиях медиаконвергенции и др.

Полагаем, что сегодня процессы медиаконвергенции следует рассматривать с точки зрения комплексного изучения конвергентного пространства массмедиа, в котором все виды социальной коммуникации взаимопроникают и рожают совершенно новый информационный продукт, медиапродукт, востребованный современным потребителем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 2010.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. I. № 2.

Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. Вып. 5. С. 11–14.

Гавра Д. PR “дваноль” // Корпоративная имиджелогия. URL: <http://www.ci-journal.ru/article/596/pr-dvanol> (дата обращения: 14.10.2017).

Дебре Р. Введение в медиологию. М., 2010.

Добреньков В.И., Кравченко А.И. История зарубежной социологии. М., 2005.

Кастельс М. Галактика Интернет. URL: <http://m.litread.ru/read/431307/436000-437000?page=1>. (дата обращения: 25.12.2017).

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=102820> (дата обращения: 05.10.2017).

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М., 2012.

Медиа. Введение: Уч. / Под ред. А. Бриггз, П. Кобли. М., 2012. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=114784> (дата обращения: 25.12.2017).

Молчанова О.И. Влияние процессов медиаконвергенции на деятельность современных связей с общественностью // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 3. С. 73–80.

Носовец С.Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39–47.

Ойкен В. Основы национальной экономики. М., 1996.

Орехова С.Г. Критический обзор теоретических исследований английской буржуазной пропаганды и журналистики: социологическое и социально-психологическое направления // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1978. № 4.

Прохоров Е.П. Союз пера, микрофона и телекамеры // Телевидение. Радиовещание. 1978. № 6.

Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. URL: <http://coollib.com/b/267574/read> (дата обращения: 22.11.2017).

Симкачева М.К. Процесс конвергенции СМИ и его влияние на формирование современного медиаполя // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157. Кн. 4. Гуманитарные науки.

Суходолов А.П., Рачков М.П. Медиалогия – наука будущего // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 3. С. 267–286.

Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М., 2012.

Федоров Р.Ю. Проблемы изучения Веб-пространства как сложной самоорганизующейся системы. URL: <http://pandia.ru/text/78/524/61370.php> (дата обращения: 25.12.2017).

Хелемендик В.С. Союз пера, микрофона и телекамеры (опыт системного исследования). М., 1977.

REFERENCES

Bell D. The end of ideology. Glencoe (III), 1960.

Bell D. Social'nye ramki informacionnogo obshchestva [Social framework of the information society] // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [New technocratic wave in the West]. М., 1986 (in Russian).

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge]. М., 2010 (in Russian).

Burd'e P. Struktura, gabbitus, praktika [Structure, habitus, practice] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of sociology and social anthropology]. SPb., 2011. Т. I. N 2 (in Russian).

Debre R. Vvedenie v mediologiyu [Introduction to Medialogia]. M., 2010 (in Russian).

Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Istoriya zarubezhnoj sociologii [History of foreign sociology]. M., 2005 (in Russian).

Fedorov R. Yu. Problemy izucheniya Veb-prostranstva kak slozhnoj samoor-ganizuyushchejsya sistemy [Problems of studying the Web as a complex self-or-ganizing systems]. URL: <http://pandia.ru/text/78/524/61370.php> (accessed: 25.12.2017) (in Russian).

Gavra D. PR “dvanol” [PR “two zero”] // Korporativnaya imidzhelogiya [Corporate image studies]. URL: <http://www.ci-journal.ru/article/596/pr-dvanol> (accessed: 14.10.2017) (in Russian).

Helemendik B.C. Soyuz pera, mikroфона i telekamery (opyt sistemnogo issle-dovaniya) [Union pen, microphone and camera (systematic study)]. M., 1977 (in Russian).

Jenkins H. Convergence? URL: <http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence--i-diverge/>

Kastel's M. Galaktika Internet [Galaxy Internet]. URL: <http://m.litread.ru/read/431307/436000-437000?page=1>. (accessed: 25.12.2017) (in Russian).

Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Under-standing media: external expansion person]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=102820> (accessed: 05.10 2017) (in Russian).

Maklyuehn M., Fiore K. Vojna i mir v global'noj derevne [War and peace in a global village]. M., 2012 (in Russian).

Media. Vvedenie: Uch. [Media. Introduction: textbook] / Pod red. A. Briggz, P. Kobli. M., 2012. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=114784> (accessed: 25.12.2017) (in Russian).

Meikle G., Young S. Media convergence: networked digital media in everyday life. N.Y., 2012.

Molchanova O.I. Vliyanie processov mediakonvergencii na deyatel'nost' sovremennyh svyazey s obshchestvennost'yu [The influence of the processes of media convergence on the activities of modern public relations] // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya [The Bulletin of Volga region Institute of manage-ment]. 2017. T. 17. N 3. P. 73–80 (in Russian).

Neue Deutsche Presse. 1967. N 3.

Neue Deutsche Presse. 1974. N 8.

Nosovec S.G. Novye media: k opredeleniyu ponyatiya [New media: towards a definition of the concept] // Kommunikativnye issledovaniya [Communication studies]. 2016. N 4 (10). P. 39–47 (in Russian).

Pool I. de Sola. Technologies of freedom. Cambridge, 1983.

Ojken V. Osnovy nacional'noj ehkonomii [The Foundation of the national economy]. M., 1996 (in Russian).

Orekhova S.G. Kriticheskij obzor teoreticheskikh issledovanij anglijskoj bur-zhuaznoj propagandy i zhurnalistiki: sociologicheskoe i social'no-psihologi-cheskoe napravleniya [A critical review of theoretical studies of the English bourgeois propaganda and journalism: a sociological and socio-psychological direction] // Vestnik Moskovskogo universiteta [The Moscow University Herald]. Seriya 10. Zhurnalistika. 1978. N 4. P. 90–91 (in Russian).

Prohorov E.P. Soyuz pera, mikroфона i telekamery [Union pen, microphone and camera] // Televidenie. Radioveshchanie [TV. Broadcasting]. 1978. N 6. P. 4 (in Russian).

Saharov A.D. Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noj svobode [Reflections on progress, peaceful coexistence and intellectual freedom]. URL: <http://coollib.com/b/267574/read> (accessed: 22.11.2017) (in Russian).

Simkachyova M.K. Process konvergencii SMI i ego vliyanie na formirovanie sovremennogo mediapolya [The convergence of media and its influence on the formation of modern mediapal] // Uchyonye zapiski Kazanskogo universiteta Scientific notes of Kazan University]. 2015. T. 157. Kn. 4. Gumanitarnye nauki. P. 118–126 (in Russian).

Suhodolov A.P., Rachkov M.P. Medialogiya – nauka budushchego [Medialogy – science of the future] // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Theoretical and Practical Issues of Journalism]. Theoretical and Practical Issues of Journalism. 2017. Vol. 6. N. 3. P. 267–286 (in Russian).

Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika [Political communication studies: theory, methodology and practice]. M., 2012 (in Russian).

Vartanova E.L. K chemu vedet konvergenciya SMI? [What is convergence of media?] // Informacionnoe obshchestvo [Information society]. 1999. Vyp. 5. P. 11–14 (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-24-40

ТЕОРИИ РЕФЕРЕНТНЫХ ГРУПП И РЕВОЛЮЦИИ: ОБЩАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

А.Н. Свищёва, асп. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья представляет собой обзор первого этапа становления теорий относительной депривации на протяжении 1940–1970-х гг.: теорий референтных групп и революции.

Понятия “относительная депривация” и “референтная группа” появились одновременно в 1949 и 1942 гг., соответственно. Дальнейшая конкретизация положений теории референтных групп Г. Хайменом, Р. Мертоном, У. Рансименом, Р. Уильямсом способствовала оформлению концепции относительной депривации. Определение форм референтных объектов (отдельный человек, коллектив, социальная категория), типов сравнений, сущности и функциональных типов референтных групп (сравнительная, нормативная, идентификационная, аудиторная) позволило описать типы относительной депривации, ее сущность, содержательные элементы (когнитивный и аффективный), а также уровни: индивидуальный и групповой. Однако теоретиками референтных групп было выявлено также множество проблемных вопросов, требующих дальнейшей научной разработки.

Один из таких вопросов, проблемы формирования относительной депривации, рассматривался в рамках теорий революции посредством анализа социальных изменений. В рамках теорий революции 1960–1970-х гг. оформились два подхода к пониманию сущности относительной депривации: теории фрустрации–агрессии (Т. Гарр, Дж. Дэвис, Д. Лернер, И. и Р. Фейерабенды) и статусной несогласованности (Дж. Урри, Ш. Джонсон, Э. Хоффер). Работы приверженцев первого похода позволили расширить область изучения относительной депривации, но и стали предметом широкой критики. Подход Дж. Урри лучше вошел в традицию изучения относительной депривации. Посредством акцента на теории референтных групп и проблемах исследования коллективной идентичности подход Дж. Урри лучше вошел в традицию изучения относительной депривации.

Ключевые слова: относительная депривация, теория референтных групп, теории революции, теория фрустрации–агрессии, теория статусной несогласованности.

* Свищёва Анна Николаевна, e-mail: annysv@yandex.ru

THEORIES OF REFERENCE GROUP AND REVOLUTION: GENERAL THEORETICAL MATRIX OF RELATIVE DEPRIVATION

Vshivcheva Anna N., postgraduate student of Lomonosov Moscow State University, Faculty of sociology, Chair of modern sociology, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annysv@yandex.ru

The article is an overview of the first stage in the development of relative deprivation theories during the 1940–1970s: theories of reference group and revolution.

The concepts of “relative deprivation” and “reference group” appeared in 1949 and 1942, respectively. Further specification of reference group concept statements by H. Hyman, R. Merton, W. Runciman, R. Williams contributed to the formulation of relative deprivation theory. The definition of the forms of reference objects (individual, collective, social category), types of comparisons, essence and functional types of reference groups (comparative, normative, identification, and audience) allowed to describe types of relative deprivation, its essence, content (cognitive and affective), and also its levels: individual and group. However, reference group theorists have also identified a lot of problematic issues requiring further scientific development.

One such issue, problems of relative deprivation formation, is considered within the framework of the theories of revolution through the analysis of social changes. Within the theories of revolution of the 1960s–1970s two approaches of understanding the essence of relative deprivation have emerged: theories of frustration-aggression (T. Gurr, J. Davies, D. Lerner, I. and R. Feierabends) and status inconsistency (J. Urry, C. Johnson, E. Hoffer). Works of the adherents of the first approach have made it possible to expand the field of relative deprivation study, but also they have become the subject of wide criticism. Focusing on the reference group theory and problems of collective identity research J. Urry’s approach was better integrated into the tradition of relative deprivation studying.

Key words: *relative deprivation, reference group theory, theories of revolution, frustration-aggression theory, theory of status inconsistency.*

Понятие “депривация” получило распространение в психологии независимо от понятия “относительной депривации” для характеристики ситуаций продолжительного лишения или существенного ограничения удовлетворения базовых потребностей индивида, которое приводит в дальнейшем к различным патологиям в биосоциальном развитии и девиантному поведению. Понятия же “относительная” и “абсолютная депривация” появились одновременно: последнее также ввели основоположники теории относительной депривации для обозначения ситуаций, объективно фиксируемых исследователями социальных лишений: для изучения явлений воспроизводства бедности, социальной эксклюзии, неравенства.

Теория депривации — одна из классических теорий в психологии и социологии, актуальность ее изучения не угасает до сих пор. Так, в начале своего становления она применялась для исследования социально-психологического самочувствия, электорального поведения, социально-политических представлений индивидов. С середины XX в. проблемы городских восстаний, революций, а также общественных движений связываются с относительной депривацией или чувствами коллективной несправедливости. С 1980-х гг. по настоящее время такие особенности межэтнических отношений, как проблемы предубеждения и националистических движений, рассматриваются в качестве последствий относительной депривации. Кроме того, в рамках данной теории получают объяснение такие социальные явления, как миграция, терроризм и др.

Тем не менее, несмотря на актуальность данной темы в современной социологии, до сих пор отсутствует единство понимания относительной депривации. В изучении вышеперечисленных проблем исследователи зачастую опираются лишь на несколько наиболее известных работ, в частности на труды С. Стауффера, Р. Мертон, Т. Гарра, появившиеся на первых этапах ее становления. Как следствие, концепция относительной депривации не включена в контекст взаимосвязанных с нею теорий, заполняющих научные пробелы, которые не могли быть в полной мере решены в начале ее развития. С этой целью в рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть теории референтных групп и революции, наиболее тесно связанные с первыми этапами развития понимания сущности, содержания, факторов формирования относительной депривации.

Теория референтных групп

На первоначальном этапе своего становления (1940–1960-е гг.) теория относительной депривации развивалась в рамках теории референтных групп, ключевой вклад в становление которой внесли такие социологи, как Г. Хаймен, С. Стауффер, Р. Мертон, У. Рансимен и Р. Уильямс¹.

Сами концепции “референтная группа” и “относительная депривация” появились практически одновременно: были предложены в результате эмпирических исследований в работах американ-

¹ *Hyman H.* The psychology of status // *Archives of Psychology*. 1942. N 269; *Hyman H., Singer E.* Readings in reference group theory and research. N.Y., 1968; *Stouffer S., Suchman E. et al.* The American Soldier: adjustment during army life. Princeton, 1949; *Merton R. K.* Social theory and social structure. Glencoe, 1957; *Runciman W.* Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth century England. L., 1972; *Williams R.* Relative deprivation // *The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton* / Ed. by L. Coser. N.Y., 1975.

ского социолога и социального психолога Г. Хаймена и социолога С. Стауффера в 1942 и 1949 гг., соответственно. Как писал сам С. Стауффер, идея относительной депривации «имеет сходство и частично включает такие хорошо известные социологические концепции, как “социальная концепция референции”, “модели ожиданий”, или “определения ситуации”»². Благодаря содействию Р. Мертоня дальнейшее ее развитие тесно связано с теорией референтных групп.

Возникновение теории референтных групп было связано с уточнением следующего парадокса³: почему установки, самооценка и связанное с ними поведение определенных индивидов не соответствует группам, членами которых они являются? При этом первоначально при содействии Г. Хаймена получила развитие концепция референтной группы как основы для самооценки и удовлетворенности индивидом собственным положением (сравнительной референтной группы). Примечательно, что сам автор термина в область референтно-группового влияния включал также отдельных индивидов, социальные классы, и даже население страны в целом. Как обобщил Р. Мертон, помимо реальной группы референтом для сравнения может служить также отдельный человек, коллектив и социальная категория.

Разнообразие форм референтных объектов при определении границ относительной депривации дополнялось также другой сложностью – многообразием типов сравнений, которые могут вызвать относительную депривацию. Так, если изначально теоретики относительной депривации рассматривали исключительно социальные сравнения (между индивидами или группами), то при содействии в первую очередь социальных психологов⁴ в качестве отдельного и даже, возможно, более важного типа сравнения с точки зрения относительной депривации начинают рассматриваться темпоральные сравнения (внутриперсональные или внутригрупповые: сравнение положения индивида/группы с его прошлым положением или возможным будущим). Однако если связать данную проблему с при-

² *Stouffer S., Suchman E. et al. Op. cit. P. 125.*

³ Примечательно, что теория относительной депривации появилась также как ответ на ряд парадоксов, обнаруженных С. Стауффером в результате эмпирических исследований. Например, удовлетворенность по поводу политики продвижения солдат из воздушных войск, там, где уровень продвижения был наивысшим, была меньше, чем в военной полиции, где был самый низкий уровень продвижения в армии.

⁴ *Albert S. Temporal comparison theory // Psychological Review. 1977. Vol. 84. N 6. P. 485–503; Taylor M. Improved conditions, rising expectations and dissatisfaction: a test of the past/present relative deprivation hypothesis // Social Psychology Quarterly. 1982. Vol. 45. N 1. P. 24–33; Relative deprivation: specification, development, and integration. Cambridge, 2002.*

родой референтных групп и, следовательно, относительной депривации, то можно несколько прояснить данный вопрос.

Если обратиться к пониманию сравнительных референтных групп как групп, с которыми индивид прочно соотносит свое положение и которые являются устойчивым источником интернализованного стандарта и удовлетворенности для индивида, то станет очевидным, что не любое сравнение является референтным. Данное свойство, согласно Р. Мертону, У. Рансиму, Р. Уильямсу⁵ и др., проистекает из условия выбора референтных групп: индивид и референтная группа должны разделять некое общее свойство (например, принадлежность к одной социальной группе/категории)⁶. Данное общее свойство, согласно У. Рансиму, выступает для индивида источником чувства права или легитимных ожиданий, так как индивиды редко ориентируются на положение членов более удачных групп, с которыми у них нет причин себя сравнивать. При этом, какая референтная группа будет активизирована, зависит от конкретной ситуации или контекста, влияющих на ее уместность или заметность (У. Рансимен, Р. Уильямс).

Согласно данным исследователям, относительную депривацию необходимо отделить от несбывшихся желаний и даже нарушенных ожиданий, которые не связаны с принятыми социальными нормами и ценностями, а, следовательно, и с восприятием несправедливости. Следовательно, ответ на вопрос, связаны ли темпоральные сравнения с чувствами социальной несправедливости, позволяет отнести их или нет к области относительной депривации.

Так, темпоральные сравнения исследовались на двух уровнях: индивидуальном и групповом. С точки зрения группового, темпоральные сравнения рассматривались в рамках социальных изменений. Приверженцы темпоральных сравнений относили к данному типу сравнений модели относительной депривации Т. Гарра,

⁵ *Merton R.K.* Op. cit. P. 14–17; *Williams R.* Op. cit. P. 356–365.

⁶ В рамках теории референтных групп наибольшее распространение получил принцип социального сходства, хотя исследователи (например, см. сборник Г. Хаймена и Э. Сингера 1968 г.) также выделяли в качестве альтернативного принцип близости, т.е. непосредственного взаимодействия индивидов. Согласно Дж. Урри, внутригрупповые сравнения основываются на принципе близости, а межгрупповые — на принципе сходства. В дальнейшем развитие этих двух принципов можно проследить в разграничении теоретиками дистрибутивной справедливости сравнений на локальные (принцип близости) и референтные (принцип сходства) или в двух подходах к формированию референтных групп в рамках анализа социальных сетей: позиционного (принцип сходства) и реляционного (принцип близости). Как следует из результатов исследования Дж. Урри, теоретиков дистрибутивной справедливости и анализа социальных сетей (концепция категориальной сети Х. Уайта) принцип сходства является необходимым, но недостаточным критерием для осуществления референтного влияния.

Дж. Дэвиса, И. и Р. Фейерабендов. Но подобные сравнения являются также социальными, связанными с чувствами справедливости. Так, согласно Р. Вильямсу, в то время как улучшение положения группы легитимизируется довольно быстро в качестве новых нормативных ожиданий (или новых референтных групп, служащих их источником), при ухудшении ее положения в качестве легитимных продолжают выступать прежние стандарты, так как адаптация к новым требует более продолжительного времени.

В то же время, что касается темпоральных сравнений индивида со своим прошлым/будущим положением, то за исключением случаев, когда отсутствует социально определенный уровень вознаграждений, и прошлый стандарт уже легитимизировался в группе, данные сравнения носят эгоцентрический характер (сосредоточиваются на индивидуальных отличиях) и не имеют отношения к вопросам социальной справедливости⁷. Однако то, что темпоральные индивидуальные сравнения по большей части не относятся к области относительной депривации, определяемой социологией, не исключает их важности для восприятия несправедливости. Сочетаясь с социальными референтными сравнениями, они могут повлиять на остроту воспринимаемой несправедливости, поэтому немаловажным представляется исследование влияния эгоцентризма и мотивов самопродвижения на восприятие несправедливости индивидом.

Понимание природы сравнительных референтных групп позволило также выявить основные содержательные компоненты относительной депривации, на которые в явной или неявной форме указывали все ключевые фигуры данного направления: когнитивный элемент (восприятие расхождения нормативных ожиданий и достижений, возникающее в результате социального сравнения) и следующий из него аффективный элемент (чувства несправедливости, конкретизированные как обида и возмущение), ответом на которые выступают эмоциональные, когнитивные и поведенческие реакции, направленные на преодоление относительной депривации. Таким образом, развитие теоретической мысли на данном этапе позволяет нам определить относительную депривацию

⁷ Например, обанкротившийся банкир, ставший обычным клерком, будет, скорее всего, недоволен своим текущим положением, однако, поскольку клерки обычно не оценивают справедливость своих вознаграждений в сравнении с банкирами, то данная ситуация не относится к социально несправедливой. Можно также указать и на другие условия: индивид, который смог значительно улучшить свое положение или производительность в группе, может рассматривать свои достижения как большие по сравнению с индивидами того же уровня производительности (но прогресс которых оставался на прежнем уровне) и поэтому заслуживающие больших вознаграждений.

как чувство социальной несправедливости, возникающее в результате неблагоприятного сравнения индивидом положения своего/ своей социальной группы с положением других индивидов, групп. Некоторые исследователи указывали также на роль атрибуции вины с точки зрения влияния на восприятие⁸ относительной депривации и последующие на нее реакции⁹, однако на данном этапе эта проблема еще оставалась за периферией научного внимания. В дальнейшем атрибуции вины уделялось ключевое внимание, в том числе с точки зрения продвижения чувств групповой относительной депривации.

Однако хотя на начальном этапе своего существования исследование относительной депривации отождествлялось с изучением сравнительной функции референтной группы, еще в работе 1942 г. Г. Хаймен указывал также на ее нормативную функцию. Тем не менее, данные концепции развивались параллельно¹⁰, до того как Г. Келли и Р. Мертон объединили их в одну теорию референтных групп, представив два “функциональных типа”: референтная группа как источник стандарта для самооценки и как источник норм, ценностей. У. Рансимен добавил к ним также членскую референтную группу, которая, согласно теоретику, является основанием для сравнения, отправной точкой возможного неравенства.

У. Рансимен применил разделение функций референтных групп, чтобы глубже провести различие между двумя уровнями относительной депривации: индивидуальным и групповым. Так, если индивид не удовлетворен своим положением в группе, которую он считает своей, по сравнению с другими членами этой группы, он испытывает индивидуальную относительную депривацию. Согласно У. Рансимену, в данном случае сравнительная референтная группа будет выполнять нормативную, но не членскую функцию. При этом само сравнение может быть и межгрупповым, потому что индивид в действительности ориентируется на нормы внешней группы¹¹.

⁸ *Williams R.* Op. cit.; *Crosby F.* A model of egoistical relative deprivation // *Psychological Review.* 1976. Vol. 83. N 2. P. 85–113.

⁹ *Walker I., Wong N. et al.* Relative deprivation and attribution: from grievance to action // *Relative Deprivation: Specification, Development, and Integration* / Ed. by I. Walker, H. Smith. Cambridge, 2002.

¹⁰ *Newcomb T.* Personality and social change. N.Y., 1943; *Sherif M.* An outline of social psychology. N.Y., 1948; *Turner R.H.* Role taking, role standpoint, and reference-group behavior // *American Journal of Sociology.* 1956. Vol. 61. N 4. P. 316–328.

¹¹ Можно привести пример из работы У. Рансимена, который он сам относит к эгоистической относительной депривации: в связи с социальными изменениями в Англии успешные в экономическом плане представители рабочего класса (что делало их положение схожим с представителями среднего), ориентируясь на ценности данного класса, испытывали относительную депривацию касательно своего социального положения (престижа).

Если же индивид не удовлетворен положением своей группы по отношению к другим группам в более широкой системе отношений, то такая относительная депривация является групповой. Именно она “играет самую большую роль в трансформации существующей структуры социальных неравенств”¹², в то время как эгоистическая относительная депривация способствует индивидуальным способам ее преодоления¹³. В данном случае членская референтная группа будет выполнять также нормативную функцию (но не сравнительную), что У. Рансимен в некоторых местах своего исследования называет групповой идентификацией. В дальнейшем нормативный тип референтной группы был разделен на подтипы¹⁴: собственно нормативный, идентификационный, аудиторный (группа, в которой оценивается и подтверждается статус и самоконцепция индивида).

Примечательно, что У. Рансимен, выделяя уровни относительной депривации, указывал, что индивид может как не испытывать никакой относительной депривации, так и переживать индивидуальную и групповую одновременно. Однако он не рассматривал проблему их взаимосвязи, а сосредоточил внимание на чистых типах: или индивидуальной, или групповой. Тем не менее, можно привести свидетельства, что индивидуальная относительная депривация может как предшествовать и служить основой развития групповой относительной депривации, так и препятствовать ее восприятию.

Например, согласно Р. Уильямсу, социальные изменения, приводящие к сходству определенных межгрупповых условий, могут быть условием как индивидуальной, так и групповой относительной депривации в зависимости от того, насколько положение членов депривированной группы является гомогенным, образующим общее основание. Также согласно эмпирическим исследованиям А. Битона и Ф. Тугаса, М. Фостера и К. Матесона¹⁵, индивидуальная и групповая относительные депривации связаны, но только последняя (или двойная относительная депривация) значительно влияет на коллек-

¹² *Runciman W.* Op. cit. P. 39.

¹³ Более тесная связь групповой относительной депривации с коллективным поведением и установками, а также психологического стресса, депрессии и индивидуальных поведенческих реакций — с эгоистической были доказаны эмпирически. Например, см.: *Relative deprivation: specification, development, and integration.* 2002.

¹⁴ Наиболее последовательно данное разграничение провел Дж. Урри: *Urry J.* Reference groups and the theory of revolution. Lancaster, 1973. P. 18–41.

¹⁵ *Beaton A., Tougas F.* The representation of women in management: the more, the merrier? // *Personality and Social Psychology Bulletin.* 1997. Vol. 23. N 7. P. 773–782; *Foster M., Matheson K.* Double relative deprivation: combining the personal and political // *Personality and Social Psychology Bulletin.* 1995. Vol. 21. N 11. P. 1167–1177.

тивное поведение. У. Рансимен же указывал скорее на их взаимоисключающий характер. В то же время согласно исследованию Н. Эллемера и А. Боса¹⁶, недовольство коренных предпринимателей касательно доли иммигрантов среди владельцев магазинов не могло быть объяснено исходя из чувств персональной депривации: последние с той же вероятностью проявляли негативное отношение как к коренным предпринимателям, так и к иммигрантам. Данные взаимосвязи, по нашему мнению, лучше всего можно объяснить из исследований таких представителей теорий референтных групп, дистрибутивной справедливости и идентичности, как Дж. Дэвис, Г. Джассо, П. Берк и Я. Стетс, Дж. Тернер¹⁷, посвященных тому, в какой мере восприятие несправедливости препятствует или способствует развитию групповой сплоченности и, следовательно, групповой идентичности.

Обращаясь, прежде всего, к проблемам сущности и содержания относительной депривации, представители теории референтных групп также затрагивали вопрос социальных условий, способствующих формированию относительной депривации. Согласно У. Рансимену, такие исторические события и социальные процессы, как войны, появление революционных лидеров, растущий уровень образования, экономические изменения и изменения в стратификационной системе могут способствовать росту разрыва между достижениями индивидов и их ожиданиями. Однако У. Рансимен отказывается от каких-либо универсальных утверждений и гипотез, полагая, что только исторический анализ (который он и применил в своем исследовании) может выявить условия формирования относительной депривации в каждом конкретном случае.

Другой точки зрения придерживался Р. Уильямс (соавтор С. Стауффера). Он оценивал остроту последующей относительной депривации “и возможность адаптации к изменившимся условиям” в зависимости от таких характеристик социальных изменений, как период времени, в течение которого следовало изменение положения группы, последовательность данных изменений, отношение нового стандарта позиции группы к старому, особенности изменений

¹⁶ *Ellemers N., Bos A.* Individual and group level responses to threat experienced by Dutch shopkeepers in East-Amsterdam // *Journal of Applied Social Psychology*. 1998. Vol. 28. N 21. P. 1987–2005.

¹⁷ *Davis J.* A formal interpretation of the theory of relative deprivation // *Sociometry*. 1959. Vol. 22. N 4. P. 280–296; *Jasso G.* Social consequences of the sense of distributive justice: small-group applications // *Equity Theory. Psychological and Sociological Perspectives* / Ed. by D. Messick, K. Cook. N.Y., 1983; *Burke P., Stets J.* Identity Theory. N.Y., 2009; *Turner J.* Psychoanalytic sociological theories and emotion // *Handbook of the Sociology of Emotions* / Ed. by J. Stets, J. Turner. N.Y., 2006.

в соотношении положения близлежащих групп друг к другу¹⁸, а также выявил такие структурные условия восприятия “групповой” относительной депривации, как высокая степень концентрации населения, межгрупповое взаимодействие, отчетливость групповых границ, социальная нестабильность (кратковременное изменение моделей взаимодействий, референтов, норм), высокая межпоколенческая, умеренная профессиональная и низкая кратковременная мобильность.

В целом, теория референтных групп на первом этапе становления концепции относительной депривации способствовала описанию сущности и содержания относительной депривации, ее типов и уровней (индивидуальная и групповая) через раскрытие типов сравнений¹⁹, сущности референтных групп, их функций по отношению к индивиду и их типов.

Однако многие вопросы, поставленные теоретиками данного направления, в особенности Р. Мертоном, не могли быть в полной мере разрешены в рамках данной теории: как происходит процесс выбора референтных групп, в том числе при одновременном действии нескольких референтных стандартов; как формируются легитимные ожидания и что влияет на их содержание; каковы типы несправедливых ситуаций, служащие источником относительной депривации; каковы факторы формирования и развития относительной депривации, в частности групповой; в чем причина формирования относительной депривации от имени другой группы или касательно уменьшающегося различия с нижестоящей группой; как взаимосвязаны и влияют друг на друга когнитивный, аффективный элементы относительной депривации, атрибуция вины, а также типы реакций на относительную депривацию. Для того чтобы разрешить данные вопросы, требовалось обращение к другим теориям. Одними из них являлись теории революции.

Теории революции

Интерес к исследованию относительной депривации, как обязательного условия революции, наиболее активно проявился в 1960–1970-е гг. В рамках теорий революции оформилось два подхода

¹⁸ Наиболее негативные чувства относительной депривации возникают, когда положение группы стало ниже минимально допустимого, согласно прежним референтным стандартам. Более болезненно воспринимается сближение положения с нижестоящей группой, чем рост различий с вышестоящей. Наиболее острое недовольство вызовет изменение, способствовавшее тому, что положение “ранее нижестоящей группы” стало лучше вышестоящей.

¹⁹ Межиндивидуальные/межгрупповые, темпоральные/социальные, внутригрупповые/межгрупповые, нисходящие/восходящие, сравнение собственной ситуации/ситуации группы и сравнение ситуации других индивидов/групп.

к пониманию сущности относительной депривации: теории фрустрации-агрессии и статусной несогласованности.

Первый подход является более ранним и восходит еще к 1940-м гг., когда появилась известная работа Дж. Долларда²⁰. Примечательно, что данная теория осталась практически неизменной на протяжении всего периода своего существования²¹, основные ее положения сводились к следующему: агрессия — неизбежная и врожденная реакция на препятствие на пути достижения цели, “сопровождающаяся негативными эмоциями”; другие реакции являются лишь проявлением подавления первоначальной в результате социального научения; мотивация применения насилия для достижения цели не является автономной, т.е. агрессия — это самоудовлетворяющее последствие.

В целом, концепцию фрустрации-агрессии имплицитно в своих теориях революции использовали Дж. Дэвис, И. и Р. Фейерабенды и др., но наиболее последовательно ее применил в своем исследовании Т. Гарр²².

Т. Гарр рассматривал относительную депривацию и фрустрацию как синонимы, поэтому, на наш взгляд, чтобы более явно указать на прямую связь между фрустрацией и агрессией, он даже отошел от общепринятого в социологии ее понимания, сведя ее к расхождению между ожиданиями индивида и существующими у индивида легитимными возможностями их достижения (т.е. выведя за рамки реакций на относительную депривацию все уместные в обществе способы ее преодоления: восходящая мобильность, выход из группы, действия в рамках политических институтов).

Относительная депривация исследовалась им в двух аспектах: динамическом и статическом. С точки зрения динамического подхода, Т. Гарр, а также другие исследователи²³ разрабатывали модели относительной депривации: убывающая, устремленная, прогрессивная, которые представляли собой траектории ожиданий и достиже-

²⁰ *Dollard J. et al. Frustration and aggression. New Haven, 1939.*

²¹ *Maier N. Frustration: The study of behavior without a goal. N.Y., 1949; Miller N. The frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941. Vol. 48. N. 4. P. 337–342; Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: examination and reformulation // Psychological Bulletin. 1989. Vol. 106. N 1. P. 59–73.*

²² *Davies J. Toward a theory of revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. N 1. P. 5–19; Feierabend I., Feierabend R. et al. Social and political violence // Violence in America / Ed. by H. Graham, T. Gurr. Washington, 1969; Gurr T.R. Why men rebel. Princeton, 1970.*

²³ *Davies J. Toward a theory of revolution. P. 5–19; Morrison D. Some notes toward theory on relative deprivation, social movements, and social change // Processes and Phenomena of Social Change / Ed. by G. Zaltman. N.Y., 1973.*

ний²⁴, ведущие к увеличению разрыва между ними и, следовательно, к увеличению остроты воспринимаемой несправедливости.

С точки зрения статического, Т. Гарр выделяет психологические и структурные факторы, влияющие на остроту восприятия относительной депривации, а также на ее политизацию и реализацию в политическом насилии. Данные группы факторов он рассматривал как альтернативные способы изучения относительной депривации. Среди психологических факторов Т. Гарр выделял следующие: степень расхождения между ожиданиями и возможностями их достижения, сила мотивации к приобретению или поддержанию определенной ценности, количество типов ценностей, в связи с которыми индивид испытывает неудовлетворенность, число и диапазон альтернативных направлений действий для достижения ожиданий²⁵, продолжительность относительной депривации (на длительном промежутке времени гнев идет на убыль). Среди структурных он выделил такие факторы, как восходящая/нисходящая мобильность других групп²⁶, восходящая/нисходящая мобильность собственной группы, изменение доли доступных возможностей для достижения ожиданий.

Данный подход в целом, и теория Т. Гарра в частности, обладал как несомненными достоинствами, так и широко критикуемыми недостатками. Преимуществом модели Т. Гарра явилось то, что она объединяла в себе многие послылки будущих теорий общественных движений: влияние лозунгов, содержания СМИ на формирование утилитарного и нормативного оправдания насилия, способствующих политизации относительной депривации (теория рамок коллективных действий), важность сплоченности и сложности организации протестующих для противостояния с властью (теории анализа социальных сетей и реляционная социология). Также ана-

²⁴ Примечательно, что, сформулировав нетрадиционное определение относительной депривации, в своих эмпирических исследованиях он использовал понятия достижений и возможностей достижений взаимозаменяемо. Сами же результаты и теоретические гипотезы, которые он продвигал в своей работе, не всегда соответствовали положениям теории фрустрации-агрессии.

²⁵ Это важнейший фактор, который рассматривали и другие исследователи, но, к сожалению, Т. Гарр (в отличие от Дж. Урри) приравнивал существование доступных возможностей для достижения ожиданий к восприятию индивидом их доступности.

²⁶ Здесь Т. Гарр использует понятие “референтная группа”, которое он понимает как схожая для индивида группа по социально-экономическому положению. Однако подробно на данном понятии он не останавливается. Источником ожиданий для индивида, согласно Т. Гарру, может быть как положение референтной группы, так и собственное положение в прошлом, абстрактные идеалы, стандарты, сформулированные революционным лидером.

лиз Т. Гарром, а позже Дж. Дэвисом типов ценностей, в связи с которыми возникает относительная депривация, позволяя расширить область ее проявления: от чисто материальных ценностей до потребности в устойчивой идентичности, убеждениях, нормах.

Однако некоторые недостатки данного подхода стали предметом широкой критики²⁷. Так, отсутствие разграничения между индивидуальной и групповой относительными депривациями привело к нивелированию роли коллективной идентичности при групповом ответе на неудовлетворенность посредством политического насилия. Позже Т. Гарр сам признал важность изучения группового контекста и идентичности при формировании как надежд людей, так и их обид²⁸. Другим недостатком, вызвавшим критику, явилось отсутствие связи между структурными и психологическими факторами относительной депривации, что привело к ложному заключению, что объективное наблюдение моделей относительной депривации через экономические показатели соответствует ее субъективному переживанию. Исходя в том числе из вышеперечисленного, критиковалась неспособность относительной депривации предсказать коллективное протестное поведение.

Другим подходом к пониманию сущности относительной депривации явилась теория статусной несогласованности, которая прошла более сложный путь своего становления. От чисто объективного понимания данного феномена Дж. Ленски, Г. Хомансом, И. Бенуа-Смулльяном, Г. Рашем²⁹ такие исследователи, как У. Рансимен, И. Гоффман, М. Патчен, Э. Семпсон, Дж. Гешвендер и др.³⁰, пришли к пониманию важности ее субъективного восприятия, так как были осознаны условия, в которых объективная статусная несогласованность не переходит в субъективную. Последним этапом

²⁷ Например, наиболее известные: *Gurney P., Tierney K.* Relative deprivation and social movements: a critical look at twenty years of theory and research // *Sociological Quarterly*. 1982. Vol. 23. N 1. P. 33–47; *Finkel S., Rule J.* Relative deprivation and related psychological theories of civil violence: a critical review // *Research in Social Movements: Conflicts and Change*. 1987. Vol. 9. P. 47–69.

²⁸ *Garr T.P.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005. С. 32–33.

²⁹ *Homans G.* Social behavior: its elementary forms. N.Y., 1961; *Benoit-Smullyan E.* Status, status types, and status interrelation // *American Sociological Review*. 1944. Vol. 9. N 2. P. 151–161; *Lenski G.* Status crystallization: a non-vertical dimension of social status // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19. N 4. P. 405–413.

³⁰ *Runciman W., Bagley C.* Status consistency, relative deprivation, and attitudes to immigrants // *Sociology*. 1969. Vol. 3. N 3. P. 359–375; *Goffman I.W.* Status Consistency and Preference for Change in Power Distribution // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22. N 3. P. 275–281; *Patchen M.* A Conceptual Framework and Some Empirical Data Regarding Comparisons of Social Rewards // *Sociometry*. 1961. Vol. 24. N 2. P. 136–156; *Sampson E.E.* Status Congruence and Cognitive Consistency // *Sociometry*. 1963. Vol. 26. N 2. P. 146–162; *Geschwender J.A.* Continuities in Theories of Status Consistency and Cognitive Dissonance // *Social Forces*. 1967. Vol. 46. N 2. P. 160–171.

в ее понимании явился нормативно-референтный подход³¹, т.е. статусная несогласованность рассматривалась как нарушение норм соотношения статусных вкладов и вознаграждений, “представляемых активизируемыми” референтными группами индивида.

Теория статусной несогласованности как источник понимания относительной депривации наиболее полное отражение получила в работе Дж. Урри³², сделавшего основой своего анализа один из типов статусной несогласованности, который условно можно определить как “культурную несогласованность” статусных вкладов.

К данному типу статусной несогласованности, согласно Дж. Урри, приводят социальные или структурные изменения, способствующие тому, что у индивидов, обладавших ранее определенным уровнем инвестиций и получавших в связи с ними соответствующий уровень вознаграждений, радикально меняется соотношение данных инвестиций (например, доступ афроамериканцев к высшему образованию). Как следствие, нормы прошлых сравнительных референтных групп, представлявших определенные статусы и соответствующие им вознаграждения, перестают отражать реалии: новое соотношение инвестиций требует других вознаграждений. Это приводит к структурным или межгрупповым сравнениям (которые другой группой не признаются легитимными или признаются, но не могут быть удовлетворены), так как конвенциональные внутригрупповые сравнения индивидов в рамках повседневного мира больше не отражают реалии этой повседневности. Таким образом, происходит конфликт норм справедливости, способствующий кризису идентичности или разрыву самоконцепций индивида, связанных с его социальными позициями, и может при определенных условиях привести к формированию революционной ситуации, т.е., если так можно выразиться, к отстаиванию новых норм справедливости/конгруэнтности.

Сам процесс формирования революционной ситуации рассматривался Дж. Урри как последствие интенсификации относительной депривации, понимаемой как переход от индивидуальной к групповой. На ее интенсификацию, согласно теоретической модели исследователя, влияет тип атрибуции вины за относительную де-

³¹ Meyer J.W., Hammond P.E. Forms of status inconsistency // *Social Forces*. 1971. Vol. 50. N 1. P. 91–101; Morrison D.E. Some notes toward theory on relative deprivation, social movements, and social change // *American Behavioral Scientist*. 1971. Vol. 14. N 5. P. 675–690; Zimmermann E. “Bringing common sense back in”: some neglected assumptions in status inconsistency theory and research // *Archives Europeennes de Sociologie*. 1978. Vol. 19. N 12. P. 53–73.

³² Urry J. Reference groups and the theory of revolution. Lancaster, 1973. См. также: Johnson C. Revolutionary change. Boston, 1966; Hoffer E. The ordeal of change. N.Y., 1964.

приваацию: я, судьба, индивид из внутренней группы, индивид из внешней группы, другая группа в целом. Социальные изменения, описанные выше, согласно Дж. Урри, приводят к межгрупповым сравнениям и атрибуции вины на членах внешней группы. Однако в той мере, в какой межгрупповые взаимодействия статусно-несогласованных часты (т.е. являются повсеместными) и неперсональны (т.е. не являются близкими и доверительными), атрибуция переносится на группу в целом. Дальнейшей же эскалации недовольства способствует теория (роль интеллектуальных лидеров революции, подвергающих сомнению статус-кво) и практика несогласия (совместное участие группы в организациях, движениях)³³, которые, формируя коллективную идентичность, способствуют обобщению относительной депривации до группового уровня.

При этом общий уровень мобильности в относительно депривированной группе (объективный фактор) и вера в возможность мобильности (субъективный фактор) способствуют смягчению относительной депривации, препятствуя ее эскалации.

В целом, теории Т. Гарра и Дж. Урри содержали в себе послышки будущих теорий общественных движений. Однако то, за что была подвергнута критике работа Т. Гарра и других теоретиков революции, постарался преодолеть в своем исследовании Дж. Урри. Делая акцент на теории референтных групп и проблемах исследования коллективной идентичности, его исследование лучше встроилось в традицию изучения относительной депривации, тесно связанную с данным кругом проблем.

REFERENCES

Albert S. Temporal comparison theory // *Psychological Review*. 1977. Vol. 84. N 6. P. 485–503.

Beaton A., Tougas F. The representation of women in management: the more, the merrier? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. Vol. 23. N 7. P. 773–782.

Benoit-Smullyan E. Status, status types, and status interrelation // *American Sociological Review*. 1944. Vol. 9. N 2. P. 151–161.

Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: examination and reformulation // *Psychological Bulletin*. 1989. Vol. 106. N 1. P. 59–73.

Burke P., Stets J. *Identity Theory*. N.Y., 2009.

Crosby F. A model of egoistical relative deprivation // *Psychological Review*. 1976. Vol. 83. N 2. P. 85–113.

³³ Роль теории и практики несогласия как формирующих коллективную идентичность хорошо прослеживается в теориях рамок коллективных действий и анализа социальных сетей, соответственно.

- Davies J.* Toward a theory of revolution // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. N 1. P. 5–19.
- Davies J.* When men revolt and why. N.Y., 1970.
- Davis J.* A formal interpretation of the theory of relative deprivation // *Sociometry*. 1959. Vol. 22. N 4. P. 280–296.
- Dollard J. et al.* Frustration and aggression. New Haven, 1939.
- Ellemers N., Bos A.* Individual and group level responses to threat experienced by Dutch shopkeepers in East-Amsterdam // *Journal of Applied Social Psychology*. 1998. Vol. 28. N 21. P. 1987–2005.
- Feierabend I., Feierabend, R. et al.* Social and political violence // *Violence in America* / Ed. by H. Graham, T. Gurr. Washington, 1969.
- Finkel S., Rule J.* Relative deprivation and related psychological theories of civil violence: a critical review // *Research in Social Movements: Conflicts and Change*. 1987. Vol. 9. P. 47–69.
- Foster M., Matheson K.* Double relative deprivation: combining the personal and political // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1995. Vol. 21. P. N 11. 1167–1177.
- Geschwender J.A.* Continuities in theories of status consistency and cognitive dissonance // *Social Forces*. 1967. Vol. 46. N 2. P. 160–171.
- Goffman I.* Status consistency and preference for change in power distribution // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22. N 3. P. 275–281.
- Gurney P., Tierney K.* Relative deprivation and social movements: a critical look at twenty years of theory and research // *Sociological Quarterly*. 1982. Vol. 23. N 1. P. 33–47.
- Gurr T.R.* Why men rebel. Princeton, 1970.
- Hoffer E.* The ordeal of change. N.Y., 1964.
- Homans G.* Social behavior: its elementary forms. N.Y., 1961.
- Hyman H.* The psychology of status // *Archives of Psychology*. 1942. N 269.
- Hyman H., Singer E.* Readings in reference group theory and research. N.Y., 1968.
- Jasso G.* Social consequences of the sense of distributive justice: small-group applications // *Equity Theory. Psychological and Sociological Perspectives* / Ed. by D. Messick, K. Cook. N.Y., 1983.
- Johnson C.* Revolutionary change. Boston, 1966.
- Lenski G.* Status crystallization: a non-vertical dimension of social status // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19. N 4. P. 405–413.
- Maier N.* Frustration: the study of behavior without a goal. N.Y., 1949.
- Merton R. K.* Social theory and social structure. Glencoe, 1957.
- Meyer J.W., Hammond P.E.* Forms of status inconsistency // *Social Forces*. 1971. Vol. 50. N 1. P. 91–101.
- Miller N.* The frustration-aggression hypothesis // *Psychological Review*. 1941. Vol. 48. N. 4. P. 337–342.
- Morrison D.* Some notes toward theory on relative deprivation, social movements, and social change // *Processes and Phenomena of Social Change* / Ed. by G. Zaltman. N.Y., 1973.
- Newcomb T.* Personality and social change. N.Y., 1943.

Patchen M. A Conceptual framework and some empirical data regarding comparisons of social rewards // *Sociometry*. 1961. Vol. 24. N 2. P. 136–156.

Relative deprivation: specification, development, and integration. Cambridge, 2002.

Runciman W. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth century England. L., 1972.

Runciman W., Bagley C. Status consistency, relative deprivation, and attitudes to immigrants // *Sociology*. 1969. Vol. 3. N 3. P. 359–375.

Sampson E. Status congruence and cognitive consistency // *Sociometry*. 1963. Vol. 26. N 2. P. 146–162.

Sherif M. An outline of social psychology. N.Y., 1948.

Stouffer S., Suchman E. et al. The American Soldier: adjustment during army life. Princeton, 1949.

Taylor M. Improved conditions, rising expectations and dissatisfaction: a test of the past/present relative deprivation hypothesis // *Social Psychology Quarterly*. 1982. Vol. 45. N 1. P. 24–33.

Turner R. H. Role taking, role standpoint, and reference-group behavior // *American Journal of Sociology*. 1956. Vol. 61. N 4. P. 316–328.

Turner J. Psychoanalytic sociological theories and emotion // *Handbook of the Sociology of Emotions* / Ed. by J. Stets, J. Turner. N.Y., 2006.

Urry J. Reference groups and the theory of revolution. Lancaster, 1973.

Williams R. Relative deprivation // *The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton* / Ed. by L. Coser. N.Y., 1975.

Zimmermann E. “Bringing common sense back in”: some neglected assumptions in status inconsistency theory and research // *Archives Europeennes de Sociologie*. 1978. Vol. 19. N 12. P. 53–73.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-41-61

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТИПОВ РЕЛИГИОЗНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.В. Трофимов, канд. социол. наук, доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья освещает трансформацию типов религиозности в условиях современного западного общества. Дается оценка религиозной ситуации в современном западном обществе конца XX в., приводятся примеры. Особое внимание уделено кризису светского регулирования религиозного в современном обществе. Парадоксально то, что ослабление регулирующей способности религиозных институтов приводит к ослаблению светскости государства. Религия, вытесненная в сферу частного, претерпевает заметные трансформации. Активная экспансия нелиберальной идеологии посредством ведущих акторов глобализма существенным образом изменила характер социализации индивидов, их отношение к миру и способность к коммуникации. В результате закрепленных как в конституциях, так и в общественной морали принципов свободы совести и религиозного плюрализма становится общепринятым право индивида на выбор своих религиозных убеждений, в силу чего право человека на формирование религиозной идентичности оказывается первичным по отношению к религиозной традиции, контролируемой институтами. Если раньше молодое поколение принимало опыт старших поколений, частично модифицируя его, но в целом следуя ему и находя в нем подходящие для себя модели поведения, то сегодня основное значение придается индивидуальному, хотя и разделяемому с другими, опыту и принятию личной ответственности. Даже приверженцы традиционных конфессий самостоятельно привносят в свою религиозную практику элементы восточных религий и эзотерики, но отбрасывают элементы собственной традиции, которые кажутся им “несовременными” или “не вписываются в уклад современной жизни”. Институциональный кризис утверждения истин веры благоприятствует увеличению числа систем верований отдельных общин. В изменяющейся религиозной ситуации государство должно искать новую модель взаимодействия с религиозными организациями и группами. Материал представляется полезным для сравнительных исследований религиозной ситуации в России и Западной Европе.

* Трофимов Сергей Викторович, e-mail: trophimov@socio.msu.ru

Ключевые слова: социология религии, типы религиозности, прихожанин, паломник, обращенный, глобализация.

TRANSFORMATION OF TYPES OF RELIGIOSITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Trophimov Serge V., Associate Professor, Chair of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: trophimov@socio.msu.ru

The article outlines the transformation of types of religiosity in the conditions of modern Western society. An assessment of the religious situation in contemporary Western society at the end of the 20th century and some examples are given. Particular attention is paid to the crisis of secular regulation of religion in modern society. Paradoxically, the weakening of the regulatory capacity of religious institutions leads to a weakening of the secular state. Religion, displaced into the private sphere, undergoes significant transformations. The active expansion of neoliberal ideology through the leading actors of globalism has significantly changed the nature of the socialization of individuals, their relation to the world and the ability to communicate. As a result of the principles of freedom of conscience and religious pluralism enshrined in both constitutions and in public morals, the individual's right to choose his religious beliefs is generally accepted, and therefore the human right to form a religious identity proves to be primary in relation to a religious tradition controlled by institutions. If earlier the younger generation accepted the experience of the older generations, partially modifying it, but on the whole following it and finding in it suitable models of behavior, today the main emphasis is given to individual experience, shared with others, and acceptance of personal responsibility. Even adherents of traditional confessions themselves bring to their religious practice elements of eastern religions and esotericism, but discard elements of their own traditions that they consider "out-of-date" or "do not fit into the way of modern life". The institutional crisis of the establishment of the truths of faith favors the increase in the number of belief systems of individual communities. In a changing religious situation, the state should seek a new model of interaction with religious organizations and groups. The material is provided useful for comparative studies of the religious situation in Russia and Western Europe.

Key words: sociology of religion, types of religiosity, parishioner, pilgrim, converted, globalization.

Политические, экономические и социально-культурные преобразования конца XX в., имевшие место в западных обществах, повлекли за собой девальвацию традиционных нравственных ценностей, обусловили кризис институтов, играющих ведущую роль в их передаче последующим поколениям. Одни из них – семья и церковь – переживают кризис, другие – школа и образование в целом – подвержены реформам, прежде всего, секулярным. Активная экспансия нелиберальной идеологии посредством ведущих акторов

глобализма, существенным образом изменила характер социализации индивидов, их отношение к миру и способность к коммуникации. Если раньше молодое поколение принимало опыт старших поколений, частично модифицируя его, но в целом следуя ему и находя в нем подходящие для себя модели поведения, то сегодня основное значение придается индивидуальному, хотя и разделяемому с другими, опыту и принятию личной ответственности. Тем самым нивелируются предыдущие механизмы передачи коллективного опыта, что затрагивает индивидуальную и социальную идентичность людей, прежде всего, религиозную.

Известно, что в традиционных обществах религиозная идентичность основана в значительной мере на передаче основных норм и ценностей от одного поколения к последующему, как в процессе социализации, так и посредством инициации. И в том, и в другом случае религиозность носит “наследуемый” характер, а ее принятие отмечает переход подростка в мир взрослых, которые разделяют общие религиозные установки. В идеальном варианте этот процесс приводил бы к простому и точному копированию поколений, когда на месте отцов возникала бы их точная копия в лице сыновей. На самом деле этого не происходит ввиду различных социокультурных преобразований самого общества, которые идут относительно медленно, а также скрашиваются различного рода социальными механизмами, обеспечивающими постоянный характер преемственности между поколениями¹.

В настоящее время публичная сфера западноевропейского общества определяется нормативно и идеологически как секулярная (светская), и хотя за религиозной сферой признается право на существование и даже допускается определенное присутствие религии в общественной жизни. За два века, прошедшие со времен Великой французской революции, религиозные граждане в Западной Европе привыкли к требованию участвовать в общественной жизни, учитывая требования секулярности.

В свою очередь сама религия, вытесненная в сферу частного, претерпевает заметные трансформации. В результате закрепленных как в конституциях, так и в общественной морали принципов свободы совести и религиозного плюрализма становится общепринятым право индивида на выбор своих религиозных убеждений, в силу чего право человека на формирование религиозной идентичности оказывается первичным по отношению к религиозной традиции, контролируемой институтами.

Как отмечает известный французский специалист по социологии религии Даниэль Эрвьё-Леже, за послевоенные годы различные

¹ *Hervieu-Léger D. Le pèlerin et converti. La religion en mouvement. P., 1999. P. 290.*

религиозные символы и даже интерпретация их смыслов стали независимыми от религиозной традиции, что всегда считалось немислимым, а свободный обмен информацией между обособленными ранее культурными сообществами привел к формированию своеобразного “религиозного рынка” по выражению П. Бергера², на котором люди, желающие стать верующими (потенциальные потребители религии), получили возможность находить наиболее привлекательные для себя смыслы и запросто отбрасывать то, что, по их мнению, не является актуальным или просто не привлекательным. В этих условиях источником утверждения истин веры становится не институт религии, а сами индивиды.

Так, даже приверженцы традиционных конфессий привносят в свою религиозную практику элементы восточных религий и движения Нью-Эйдж³, но отбрасывают элементы собственной традиции, которые кажутся им “несовременными” или “не вписываются в уклад современной жизни”. В частности, опросы, проведенные во Франции, показывают, что многие респонденты, идентифицирующие себя с католицизмом, не придают значения концепции греха, не озадачиваются идеей посмертного вознаграждения за добродетели или осуждения за грехи, а интересуются переселением душ или считают, что их духовному развитию может способствовать восточная медитация⁴.

Одним из важнейших последствий секуляризации является разрушение семейной традиции передачи религиозных ценностей. Предписывающая власть религиозных символов, передаваемых внутри семьи, оказалась подорвана общей конкурентной средой религиозных символов и других религиозных и нерелигиозных систем, которая обострилась в плюралистическом обществе. Более того, сам императив “наследования веры” стал вызывать все более жесткую обратную реакцию, превратив индивидуальный выбор в решающий фактор религиозной жизни. Сегодня во многих западных обще-

² Бергер П. Религия и проблема убедительности // Неприкосновенный запас. 2003. № 6(32) (Перевод выполнен по изданию: *Secularization and the problem of plausibility* // Berger P. *The Social Reality of Religion. (The Sacred Canopy)*. L., 1967. P. 127–154).

³ Collins P. New age spirituality // *The Furrow*. Vol. 49. Iss. 2. P. 91–97; Hanegraaff Wouter J. New age movement // *Encyclopedia of Religion* / Ed. by L. Jones. Vol. 10. Farmington Hills, 2005. P. 6495–6500.

⁴ Qui sont vraiment catholiques France? Sondage par le groupe Bayard à l’institut de sondage Ipsos sous la houlette de deux sociologues, Philippe Cibois et Yann Raison du Cleuziou (12/01/2017. L’enquête a été réalisée en juin 2016); Enquête BVA réalisée pour “le Parisien” – “Aujourd’hui en France” auprès d’un échantillon de 994 personnes représentatif de la population française âgée de 18 ans et plus, recrutés par téléphone et interrogés par Internet les 20 et 21 février 2014.

ствах становится все более естественным убеждение в том, что каждый индивид должен сам выбрать для себя в соответствии со своим вкусом или модой какую-либо религиозную традицию, с которой он будет себя идентифицировать. При этом вмешательство в этот процесс родителей хотя и считается отчасти обоснованным, играет не более чем вспомогательную роль.

Таким образом, индивидуальный выбор становится ключевым в процессе религиозной идентификации и приводит как к появлению таких феноменов, как *“вера без принадлежности”* или *“религиозный бриколаж”*, когда индивид полностью самостоятельно конструирует свою религиозную идентичность из разнородных элементов, относящихся к разным религиозным системам, не относя себя ни к одной из них, и не делая осознанный выбор в сфере традиционных религиозных конфессий. Тем самым под вопрос поставлена религиозная преемственность между поколениями и эффективность традиционных способов такого “наследования”: «всегда ли дети “практикующих” конкретную религию родителей остаются “практикующими”» и «могут ли дети “не практикующих” родителей становиться “практикующими” верующими»? Исследования показывают, что четкой зависимости между религиозной практикой родителей и детей проследить не удастся, на самом деле, выявляется гораздо более сложная картина, которая позволяет выделить современные типы религиозности.

Тип регулярно практикующего прихожанина

На фоне уменьшающегося количества регулярно практикующих верующих в Западной Европе возрастает число людей, которые хотя и определяют себя как верующих, но признают, что выполняют не все предписания своей религии.

Образ “регулярно практикующего верующего” на практике всегда означает принадлежность к некоему приходу. Эта идеальная модель, которая в значительной мере ориентирована на образ жизни традиционного села или маленьких городков, с трудом воспроизводится в условиях крупных городов и современной повседневной жизни. “Регулярно практикующий верующий, соблюдающий религиозные предписания, зафиксированные Церковью, и согласующий с ними ритм своей жизни, — типичный образ для религиозного мира. Он вписывается в приходскую цивилизацию: стабильный мир, где религиозная жизнь, организованная вокруг колокольни, управляла пространством и временем, где священник, полностью погруженный в решение религиозных вопросов и выполнение об-

рядов, безраздельно осуществлял свою власть над прихожанами, чье подчинение соизмерялось с их духовной вовлеченностью”⁵.

Таким образом, обозначенная модель “регулярно практикующего верующего” может быть реализована именно в приходе или общине. Например, в католической церкви Франции становление этой модели относится, прежде всего, к реформе Тридентского собора (1545–1563). Она оставалась достаточно стабильной в большинстве западноевропейских стран (показательно, что после революционного размаха Реформации XVI – начала XVII в. часть протестантских европейских стран вернется в XVIII–XIX вв. к близкой системе, например, лютеранская Швеция, для чего будет восстановлена разрушенная было приходская административная система) до середины XX в., т.е. послевоенных лет XX в., а затем начала претерпевать изменения и все больше и больше ослабевать. Тем не менее, в современном обществе эта религиозная модель считается нормативной и поддерживается практически во всех конфессиях, строящих общинную организацию и предъявляющих своим приверженцам определенные этические и ритуальные требования.

Традиционный прихожанин-христианин относит себя к конкретной религиозной общине, заботится о выполнении возложенных на него религиозной традицией обязанностей, например, соблюдения постов, чтения молитв, посещения религиозных служб и выполнения обрядов. Он старается включить религиозные предписания в ход своей повседневной жизни и найти определенный компромисс со своими служебными обязанностями, если последние им противоречат. Так же как христианство, иудаизм и ислам придают большое значение традиционной религиозной идентичности и регулярному посещению соответственно синагоги и мечети, а также выполнению верующими в повседневной жизни определенных религиозных предписаний (чтение молитвы, соблюдение пищевых требований и запретов, проведение праздничных обрядов и ритуалов). Религиозная практика верующих оказывается неодинаковой, что позволяет дифференцировать их (как исследователями, так и прежде всего самими верующими) по степени их вовлеченности в жизнь прихода (например, в зависимости от частоты посещений богослужений), а также регулярности и тщательности выполнения религиозных предписаний. Полученная таким образом шкала всегда будет предполагать наличие группы “слабых” верующих, чья принадлежность к своей религии является исключительно номинальной.

Протестантским церквям должна быть ближе модель, предполагающая у индивида прежде всего наличие личной и внутренней

⁵ *Hervieu-Léger D.* Op. cit. P. 89–90.

веры и учитывающая его участие в коллективных богослужениях и культовую деятельность только как второстепенные. С одной стороны, эта модель предполагает скорее “ангажированного (вовлеченного) верующего”, принимающего активное участие в различных ассоциациях, прежде всего благотворительных. С другой стороны, опыт США показывает, что и в протестантизме участие в воскресных богослужениях остается важным и эксплицитным выражением личной принадлежности к религии, а для самих протестантских церквей и деноминаций, например, таких как евангелисты, лютеране, кальвинисты, баптисты, пятидесятники, меннониты и т.д., участие в воскресном культе становится принципиальной возможностью “визуализировать” свою общину, чему также придается большое значение в проповедях и других видах религиозной коммуникации.

По мнению протестантского исследователя Ж. Боберо, во французском контексте, где кальвинисты и лютеране являются меньшинством, вследствие существования исторически обусловленной сети протестантских семей, возникает явление “трибальности” (родовой или семейной религиозной структуры), а само вероисповедание часто воспринимается верующими как семейное “духовное наследство”, которое, тем не менее, находит свое выражение в демократическом и светском образе их повседневной жизни⁶.

В любом случае фигура “практикующего прихожанина” остается в современном обществе практически всегда образом “идеального верующего” – в глазах как общественного мнения, так и тех верующих, которые “не дотягивают” до такого образца. Так, многие опрошиваемые исследователями верующие считают, что либо они “хотели бы соответствовать религиозным требованиям”, но не могут этого сделать по разным причинам, либо, напротив, не видят необходимости в постоянном “подвизании в вере” и выполнении строгих правил и требований своей религии⁷.

Более того, сегодня многие молодые люди, в том числе определяющие себя как практикующие католики или выглядящие такими в глазах общественного мнения, придают большое значение ценностям самоопределения и персонального выбора верующего, противопоставляя их институциональным требованиям католицизма. Веяние времени, религиозная практика, верность традиции, выполнение ритуалов и обрядов часто воспринимаются этими верующими как индивидуальный и внутренний путь, а община, приход и церковь участвуют в религиозном “сопровождении индивида”,

⁶ См.: *Baubérot J. Le Protestantisme doit-il mourir?* P., 1988.

⁷ Цит. по: *Hervieu-Léger D. Op. cit.* P. 92.

“стимулируют верность” религиозной традиции, “помогают сориентироваться на духовном пути”. Но в конечном счете, любые требования или предписания со стороны института религии воспринимаются осторожно или даже негативно. Такое характерное изменение лексики, описывающей собственное религиозное мироощущение, очень показательно.

Тип современного паломника

В современных условиях выкристаллизовывается новый религиозный тип, который, например, Д. Эрвьё-Леже называет “современным паломником”⁸. Хотя практика паломничеств сложилась в христианстве и ряде других религий очень давно, была и остается одним из традиционных средств поддержания благочестия и религиозной идентичности, современный паломник отличается от традиционного пилигрима своим мировоззрением, и, прежде всего, мотивами и целями, которые он ставит перед собой, отправляясь в паломнический путь.

Известно, что паломничество как форма религиозной жизни появляется во многих религиях задолго до регулярного практикуемого верующего — прихожанина. Например, в христианстве эта форма существовала уже с первых веков христианской эры: крупные паломничества известны в Европе начиная с VIII в., а особенно массовыми и популярными они становятся в XI–XIII вв. Позже, в противовес протестантской Реформации, католический мир использует традицию паломничеств для усиления веры, направляя массы верных в паломничества к святому Гробу Господнему в Палестину, в Рим (*ad Limina apostolorum*), в Сантьяго-де-Компостела, к реликвиям Истинного Креста в Цистерцианском аббатстве Хайлигенкройц под Веной и Святой Часовни в Париже, к Дому Богородицы в Лорето, и другим важнейшим европейским алтарям, посвященным Богородице.

Эти паломничества были массовыми и хорошо организованными. Дорога паломника к собору святого Якова в Сантьяго-де-Компостела, отмеченная характерным изображением ракушки морского гребешка, была настолько популярной в Европе, что на ней находились тысячи приютов, многочисленные попутные приходы и монастыри были готовы принять паломников, накормить их и защитить в пути, заболевшим оказывалась необходимая помощь в лазаретах. Даже сегодня в Европе можно встретить путников с рюкзаком на спине и посохом в руках, которые ищут дорогу, от-

⁸ *Hervieu-Léger D.* Op. cit. P. 90.

меченную каменной ракушкой, проходя хотя бы часть пути по средневековому маршруту.

Возникли санктуарии, посвященные отдельным святым, которые основывались на их могилах или местах, связанных с их жизнью, как это было со святым Франциском в Ассизи, святым Антонием в Падуе, святой Ритой в Кашии. Народное благочестие при этом переосмысливалось, соотносясь с литургической жизнью и учением Церкви.

Таким же образом возрождение и обновление духовной жизни во Франции как ответ на трагедию революционных событий XVIII–XIX вв. находят отражение в достаточно распространенных движениях паломничества покаяния конца XIX – начала XX вв., которые во многом повлияли на процесс символического строительства католической национальной идентичности, противопоставляемой идентичности светской, установленной Республикой.

Наконец, в современную эпоху увеличение числа паломничеств является в Европе также результатом деятельности церковных властей, например, Ватикана: от паломничества в Ассизи Папы Иоанна XXIII до паломничества в Святую Землю Папы Павла VI и особенно пастырских поездок и Всемирных дней молодежи святого Папы Иоанна Павла II, Папы на покое Бенедикта XVI и нынешнего Папы Франциска. Большую пастырскую и паломническую деятельность ведет предстоятель Русской православной Церкви патриарх Кирилл, совершивший сотни поездок по стране и за рубежом, в том числе охвативших Святую землю, Латинскую Америку и даже Антарктиду.

Следует отметить, что тип “традиционного паломника” не противопоставлен приходскому типу “регулярно практикующего верующего”, а дополняет его в определенные моменты. Статический по своей сути образ находящегося в постоянном географическом месте “практикующего верующего” переходит в динамическое состояние – паломника, который стремится углубить и укрепить свою веру соприкосновением с удаленной святыней, справляясь с тяготами и лишениями пути, сопряженными с реальными страданиями. В определенной мере паломничество позволяет материализовать символический образ жизни христианина как “пути к Богу” – от потенциальной модели приходской жизни к конкретному странствию паломничества.

В современном западном мире паломничество может показаться странным. К современным видам паломничества христианской молодежи относится посещение фестивалей Всемирных дней молодежи, которые проводятся Католической церковью с 1984 г. каждые два-три года в разных уголках мира (Ченстохова, 1991, Денвер,

1993, Манила, 1995, Париж, 1997, Рио-де-Жанейро, 2013 и Краков, 2016) и являются, по сути, встречей верующей молодежи с участием Папы Римского.

Своеобразным современным паломничеством для тысяч молодых верующих становится опыт посещения экуменической общины Тэзе (Taizé) во Франции, привлекающей молодежь для краткосрочного, но крайне глубокого “погружения в христианскую религию”.

С начала 1970-х гг. экуменическая община Тэзе, созданная в 1940 г. пастором Роже Шюцем (Roger Schutz (1915–2005)), в которой католические монахи и протестантские братья совместно искали молитвенный путь взаимопонимания и примирения⁹, переориентировала всю свою деятельность на прием молодежи. С этого времени небольшая религиозная община стала очагом притяжения верующих христиан, приезжающих со всей Европы, а в последние годы даже со всего мира. Большую известность община Тэзе получила в Восточной Европе и странах СНГ. В течение года, прежде всего в летние месяцы, в Тэзе принимают несколько тысяч молодых людей (например, до 6000 за сезон в 1997 г., около 10 000 в 2016 г.), которые устанавливают свои палатки или размещаются в приюте-общежитии, представляющем собой легкие деревянные конструкции. Среди этих паломников далеко не все могут озвучить ясные религиозные мотивы своей поездки. Чаще всего пребывание в Тэзе становится кратким опытом интенсивной религиозной жизни, например, распространенные в католическом христианстве духовные упражнения для углубления веры или этапом в путешествии во время летних каникул. Пребывание в Тэзе становится новой формой участия молодежи в жизни католической Церкви, причем во многом метаконфессиональной и даже метарелигиозной по своей сути, хотя большинство участников этого и не осознает. Практически все, кто посещал эту общину, отмечают ее притягательные стороны: прежде всего, возможность свободно беседовать о вере, обмениваться мнениями, размышлять, петь и молиться в соответствии со своим желанием и потребностями¹⁰. Открытость и подчеркнутая свобода, предоставленная молодежи для самоорганизации в отведенном для посетителей пространстве, приобретает в их глазах еще больше значимости, когда одновременно они находят помощников-руководителей (монахов общины или добровольцев) и видят вполне ясные религиозные ориентиры – своеобразные “правила игры”, гарантом которых является община монахов Тэзе. Эта двойная сущность Тэзе – свободное и одновре-

⁹ Особенностью общины Тэзе является то, что ее члены не отказываются от своих конфессий (личные наблюдения автора статьи в 1995–1999 гг.).

¹⁰ Taizé et les jeunes. Que se lève une confiance sur la terre. P., 1987.

менно организованное пространство – в значительной степени способствует привлекательности этого места, и незамедлительно противопоставляется молодежи обычным формам религиозной общины, т.е. приходу, в котором они часто сталкиваются с нежелательной и настойчивой требовательностью, и... одновременно ощущают себя забытыми и одинокими.

С 1977 г. Тэзе не ограничивает свою деятельность только первоначальным пространством во французской Бургундии. Ежегодные “встречи Тэзе”, проходящие в конце года в крупных европейских городах¹¹, очень популярны и многочисленны: в Париже в 1994 г. участвовало около 100 000 человек, в Вене в 1997 г. – до 80 000, в Милане в 1998 г. – около 100 000 человек. Впрочем, в последние годы количество участников подобных встреч несколько сократилось: в 2014 г. в Праге они привлекли около 30 000 участвующих, в 2015 г. в Валенсии – 20 000, в 2016 г. в Риге – 15 000 человек¹².

В целом эти встречи способствовали формированию устойчивой связи между верующими молодыми людьми, приезжающими в Тэзе со всего мира. Этот “всемирный размах”, который находит свое выражение в литургических действиях, в песнопениях, формализован в теме “доверия на всей Земле”, служащей путеводной нитью для различных инициатив общины. Так, среди причин “приезжать в Тэзе” молодые люди в первую очередь указывают на “универсальность общения”. Кроме того, принцип встреч Тэзе позволяет совмещать крайнюю персонализацию (участники опросов говорят, например, о том, что “в Тэзе воспринимается всерьез жизнь каждого”, “можно рассказать о своем жизненном опыте и к тебе всегда отнесутся с уважением”) с крайней универсализацией¹³ (“Тэзе – это настоящее Вавилонское столпотворение, люди из разных уголков Земли, с которыми мы обсуждаем и узнаем множество важных вещей”). На самом деле, эта эффективная форма педагогики, ведущая от индивидуальности к пониманию универсальных ценностей, очень точно отвечает ожиданиям молодежи. Важность индивидуального поиска своей идентичности постоянно подчеркивается, что в свою очередь, ценится (“В Тэзе вам не дают ответа до того, как вы успели задать вопрос, и главное, что каждый должен найти этот ответ самостоятельно”). Но это чувство непринадлежности, о котором свидетельствуют молодые, очень ясно уравновешивается успокоительным убеждением, что “братья наблюдают”: (“братья общины всегда присутствуют и умеют избежать изли-

¹¹ А в некоторые годы по всему миру, например в Джакатре (2005), Найроби (2008), Маниле (2009).

¹² Что было связано в том числе с возможностями принимающей стороны.

¹³ Более точный французский термин *planétarisation* – букв. “планетизация”.

шеств и эксцессов”)¹⁴. Одно из средств контроля – обязанность каждого молодого человека, приезжающего в Тэзе или на встречи, самостоятельно организовать свою программу. Ничто не навязано, он сам должен сделать свой выбор: от библейских групп до рабочих команд, организующих работу столовой. Можно принять участие в группах созерцания или оставаться в молитвенном молчании.

Братья Тэзе придают особое значение литургическому и музыкальному аспекту встреч: после минимальной подготовки толпа молодежи оказывается способной петь в четыре голоса знаменитые каноны и песнопения Тэзе¹⁵, они в состоянии удерживать внимание и молитвенную сосредоточенность молодых людей во время медитаций и богослужений. Следует отметить, что большая часть этих песнопений поется на латинском с переводом на национальные языки, лаконично раскрывая самые главные теологические аспекты христианского учения.

Организация пространства и времени в Тэзе основывается на нескольких эффективных элементах. Небольшое количество правил, минимально регламентирующих совместную жизнь (ключевым из них является обязательное поддержание тишины и молчание в определенные часы и в определенных местах – часовне и территориях, отведенных для молитвы и созерцания), строго определены и выражены. Пространства, предназначенные каждому виду деятельности, соответствующие распределению времени, ясно разделены. Чередование моментов рассредоточения (в которые индивиды собираются в маленьких группах или уединяются для размышлений) и моментов объединения для литургии, также как и время, выделенное для общения, для занятий или для чтения Библии, строго регламентированы. Молодые люди, посещавшие Тэзе, отмечают это сочетание свободы и необходимости самоконтроля и самоорганизации, что представляется для них очень важным и ответственным. Вместе с тем, ничто не предполагает продолжительного пребывания в Тэзе – туда приезжают лишь на несколько дней. Это подчеркивается даже неустойчивостью жилых помещений, предоставляемым паломникам (палатки или легкие деревянные структуры приюта), принципиальной незаконченностью литургического пространства. Тем самым временный аспект пребывания в этом месте носит для общины в том числе теологический смысл с самого основания¹⁶.

¹⁴ Цит. по: *Hervieu-Léger D.* Op. cit. P. 80–81.

¹⁵ Песнопения Тэзе пользуются также достаточно большой популярностью, регулярно используются в католическом обиходе в приходах во всем мире.

¹⁶ Опубликованная братом Роже Шюцем в 1956 г. книга “Динамика вremenного” является одной из основополагающих для деятельности общины до сих пор (*Schutz R.* *Dynamique du provisoire.* Taizé, 1974 (1956)).

Показательно, что попытка институционализации паломнических практик не приносит искомого организаторами результата. Так, не оправдались ожидания “новой динамики религиозности”, связанные с проведением Всемирных дней молодежи в Париже в 1997 г., очевидно ставших ярким моментом религиозной жизни французской молодежи. Подготовительный этап этого мероприятия потребовал значительной активизации приходских и епархиальных структур по всей стране, привлек в ряды добровольцев-организаторов и самих паломников значительное число молодежи как регулярно практикующей, так и “сочувствующей”. Сам момент “паломнического марша к Парижу” по всей территории Франции и мероприятия, проводимые в течение недели во всех приходах Парижа прошли на необычайном подъеме вплоть до своей кульминации – торжественной Литургии открытия на площади Марсова поля и церемонии закрытия в Лоншан в Париже с участием Понтифика, стали значительным событием для многочисленных участников. Однако значительного роста числа прихожан в результате этого мероприятия не было отмечено ни во французской провинции, ни в самом Париже. Яркое событие прошло в масштабе “религиозного фестиваля”, но после этого большая часть участников вернулась к обычной повседневной жизни, хотя и отмечала важность этого события для своей внутренней духовной жизни.

Молодежь, участвующая во Всемирных днях молодежи, особенно в Ченстохове (1991) столкнулась с крайне спартанскими условиями, которые, впрочем, воспринимались как чрезвычайно волнующие и соответствующие моменту. Многие участники из Франции, с которыми по возвращению проводилось интервью, не определяли себя как “регулярно практикующих католиков”. Они поехали, чтобы пережить “интенсивный момент веры”: “именно там я почувствовал себя католиком”, как сказал один из опрашиваемых участников Всемирных дней молодежи. Однако глубинные интервью с участниками, проведенные через несколько недель после событий, показали, насколько это впечатление может быть мимолетным¹⁷. В любом случае, если участие в подобных мероприятиях несмотря на некоторые надежды не заменяет собой религиозной социализации, то для большинства опрошенных оно дало достаточно ощутимый положительный эффект, выражающийся в эмоциональной интенсификации чувства принадлежности к христианству, который Д. Эрвьё-Леже называет “аффективным христианством”¹⁸.

¹⁷ См.: *Piette A. Le Mode mineur de la réalité. Louvain, 1992; Ethnographie de l'action. L'observation des détails. P., 1996.*

¹⁸ *Hervieu-Léger D. Op. cit. P. 84.*

Следует отметить, что Д. Эрвьё-Леже противопоставляет “регулярно практикующего верующего” “паломнику” по ряду критериев религиозной практики:

Таблица

Регулярно практикующий верующий и паломник (по Д. Эрвьё-Леже)¹⁹

Практикующий верующий	Паломник
Обязательная практика	Добровольная практика
Практика, нормируемая институтом	Автономная практика
Фиксированная практика	Вариабельная практика
Коллективная практика	Индивидуальная практика
Территориальная (стабильная)	Мобильная практика
Повторяемая (обычная) практика	Исключительная (экстраординарная) практика

Тип современного обращенного

Если паломник может служить примером современной религиозности, характеризующей подвижностью взглядов и собственно религиозной принадлежности, то образ “обращенного” позволяет идентифицировать процессы построения религиозной идентичности в контексте социальной мобильности. Казалось бы, удивительно, что конец XX в., отмеченный значительным снижением регулирующей функции религиозных учреждений, характеризуется стремительным ростом “обращений”. По мнению Д. Эрвьё-Леже, этот факт совершенно закономерен в той мере, в какой ослабление религиозных институтов неотделимо от кризиса унаследованной религиозной идентичности, что в конечном итоге побуждает верующих самостоятельно продолжать поиски и конструировать религиозную идентичность самим, так как они больше не находят ее данной (или навязанной) при рождении.

Фигура обращенного известна историкам в лице индивидов и целых групп, которые добровольно или по принуждению переходят из одной религии в другой. Разнообразие социальных, экономических, юридических, политических, а также религиозных конфликтов, приводивших к таким переходам, свидетельствует о значимости религиозной принадлежности в традиционных обществах, в которых

¹⁹ *Hervieu-Léger D. Op. cit. P. 109.*

религия обеспечивала построение социальной идентичности, закрепляла роли, приписываемые, например, гендерным и возрастным статусам, напрямую воздействовала на политические и экономические интересы и влияла на правовые положения.

В современных обществах явление религиозного обращения неотделимо от индивидуализации религиозного выбора, причем религиозная идентичность оказывается отделенной от этнической, национальной или социальной. В обществе, где религия стала частным делом и предметом индивидуального выбора, переход в любую религию также становится индивидуальным выбором, в котором в наивысшей степени выражается право индивида на самостоятельность выбора верования. Именно в этом качестве образ обращенного принимает исключительный характер. Можно выделить его три главных вида:

Первый вид — это индивид, который меняет свою религию, причем он недвусмысленно оставляет унаследованную или навязанную ранее религиозную идентичность, в которую он не был, однако, полностью вовлечен или разочаровался в ней, в пользу новой веры. Традиционно общество осуждало такие переходы, считая таких верующих “отступниками” (апостатами), однако современное плюралистическое общество оставляет за каждым индивидом право выбора и свободного перехода из одной религии в другую. Кроме достаточно многочисленных случаев брака с супругом другой конфессии или религии такой переход привлекает внимание социолога главным образом мотивацией выбора новой религии, а также причинами разочарования в предшествующем религиозном опыте.

Чаще всего в рассказе о своей духовной траектории обращенные упоминают такие причины своей религиозной “неудовлетворенности”, как неспособность прежней религии дать ответы на беспокоящие вопросы и обеспечить эффективную поддержку индивида общиной. Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, необходимо учитывать классическую риторику рассказа об обращении, цель которого — оправдать свое новое состояние, очертить картину прежней жизни и описать решающий разрыв со старыми привычками и поведением. С другой стороны, нельзя недооценивать социорелигиозный протест, вызывающий саму потребность в обращении, когда индивид, однажды социализированный в одну религию или конфессию, продолжает интенсивный духовный поиск, но не находит удовлетворения своих потребностей в предложении собственной церкви. Так, интервью французов, обратившихся в буддизм, содержат многочисленные свидетельства разочарования в христианстве, прежде всего в католицизме, который не предлагает

индивидам ни целенаправленного духовного поиска и развития, ни поддержки общины, которая была бы способна разделить поиск этического персонального ответа в сомнениях в мире, отвечая исключительно на требования экономики и технологии²⁰.

У французских бывших христиан, обратившихся в ислам, позитивная оценка совершенства монотеизма, достигаемого в исламе, обычно сопутствует воспоминаниям о травмирующих случаях принуждения в отвергаемом ими католическом воспитании, а также о бедности социальных связей в общине, предлагаемых католическим сообществом²¹. В этой сравнительной оценке различных традиций интерес представляет не только сильное стремление индивида к интеграции в одну из религиозных традиций, но и характерная для сегодняшнего мировоззрения установка “права на выбор”, которая получает гораздо более высокий приоритет, чем долг верности унаследованной традиции.

Второй вид обращенного представляет собой индивид, никогда ранее не принадлежавший какой-либо религиозной традиции и не имевший религиозной практики, но в результате личного сознательного поиска нашедший ту религиозную практику, которую он решает принять. В частности, Д. Эрвьё-Леже определяет этот вид как “обращенный извне” (религии)²². К нему можно отнести обращение людей, относящих себя к категории “без религии”, что становится наиболее частым случаем в секуляризованных обществах, где передача религиозной традиции в семье значительно ослаблена. Для большого количества новых приверженцев обращение знаменует собой вход в религиозный мир, которому они до сих пор были абсолютно чужды.

Парадоксально, но во Франции конца XX в. это почти общий случай для молодых иммигрантов второго и третьего поколения, которые выбирают ислам. Так, Д. Эрвьё-Леже считает, что говорить об их “ре-исламизации” не имеет смысла, поскольку в действительности большая часть из них никогда не была действительно знакома с мусульманской религией, являющейся для них личным делом дедушек и бабушек или хотя бы родителей. Чаще всего, родители сохранили сами и попытались передать своим детям некую общую исламскую идентичность, основанную скорее на этнических и географических связях и традициях, чем собственно на религиозных принципах. Это также явно характеризует и обращение

²⁰ Etienne B., Lioger R. Etre bouddhiste en France aujourd'hui. P., 1997.

²¹ Périgne V. De Jésus à Mohammad: l'itinéraire des Français convertis à l'islam. Thèse de EHESS. P., 1997.

²² Hervieu-Léger D. Op. cit. P. 123.

в католицизм: если в 1993 г. 12–13% крещенных взрослых определяли себя как ранее считавших себя “без религии”, то в 1996 г. их число достигало уже 80%²³.

Третий вид обращенного — это “вновь присоединившиеся (*réaffilié*)”, или “обращенный изнутри” (религии) по Д. Эрвьё-Леже²⁴: те, кто вновь открывает для себя свою религиозную идентичность, до сих пор переживаемую формально или конформистски. В современном западном протестантизме и католицизме можно обнаружить многочисленные примеры динамики такого “вторичного перехода”. В их числе активные движения обновления, неопятидесятнические (в том числе и в лоне католических институтов и приходов), неокатехуменатские и иные харизматические группы, появляющиеся в рамках католических и протестантских общин и предлагающие своим членам условия для личного и сильно эмоционального религиозного опыта, который они не могут найти в обычных приходах. Во всех случаях обращение связано с приобщением к “сильной системе религиозной интенсивности”. Этот вид обращения “*в рамках своей религии*” обнаруживается не только в среде христиан, — его примеры многочисленны в иудаизме и исламе. Движение “возвращения к традиции” у молодых американских евреев, как и многочисленные случаи “ре-исламизированной” молодежи во Франции показывают, что фактически речь идет о сознательном освоении своей религиозной традиции, что приводит к “обретению” и усилению собственной идентичности²⁵.

У евреев и у мусульман опыт “вторичного перехода” (*réaffiliation*) чаще всего начинается с более глубокого знакомства с религиозными практиками. Например, в среде молодых французских евреев из “умеренно” соблюдающих семей, отмечающих праздники, но соблюдающих лишь отдельные еврейские традиции и предписания, получение знаний о строгих правилах выполнения отдельных конкретных религиозных мицвот может вызвать желание полноты религиозной жизни в целом, т.е. возвращения к ортодоксальной традиции²⁶. Это может происходить в результате общения с верующими, посещения религиозных учебных курсов или кружков и т.д. В настоящее время с увеличением роли интернета в жизни западноевропейского общества, поиск и изучение интернет-источников

²³ По данным опросов, проводимых Национальной службы катехумената (SNC) Франции за 1993 и 1996 гг.

²⁴ *Hervieu-Léger D.* Op. cit. P. 124.

²⁵ *Khosrokhovar F.* L'islam des jeunes. P., 1997; *Dantzger H.* Returning to tradition. The contemporary revival of Orthodox Judaism. New Haven; L., 1989.

²⁶ *Nizard Benchimol S.* L'économie du croire. Une anthropologie des pratiques alimentaires juives en modernité. Thèse de EHESS. P., 1997. P. 215.

могут стать решающим шагом, своего рода “спусковым крючком” в процессе подобного обращения. При этом обращенный редко отделяет выбор “новой религиозной жизни” от строго выполнения религиозных норм.

Часто случается, что “потребность возвращения к традиции” наиболее молодых членов семьи, обратившихся в иудаизм или в ислам, имеет последствия и для семьи в целом, поскольку желающие жить подлинной мусульманской или еврейской жизнью нуждаются в поддержке с ее стороны. Если говорить об иудаизме, то для скрупулезного выполнения пищевых предписаний особенно необходимой оказывается поддержка матери. Исследователи часто отмечали, что обращение детей (например, в результате посещения христианской воскресной школы, катехизации или детских религиозных групп при синагоге или мечети) приводило к вынужденной радикализации религиозной практики родителей, т.е. представляло собой очевидную инверсию направления передачи традиции. В свою очередь религиозная требовательность вновь обращенных молодых людей часто приводит к серьезным семейным конфликтам, поскольку выбранная ими модель не только отличается от религиозной идентификации, в рамках которой родители позволяют себе нестрогое соблюдение религиозных предписаний, но и ставит под сомнение правильность религиозной практики старшего поколения в целом.

В частности, интервью Софи Низар с матерями-еврейками Сарселя²⁷ показали, что давление детей, желающих строгой практики кашрута в семье, очень часто вызывает сопротивление женщин, восходящее к специфической концепции еврейской идентичности, которая не позволяет детям оценивать недостатки в религиозной практике родителей (и старших в целом), вопреки ригоризму религиозности молодых обращенных²⁸.

Это соответствует опыту российских еврейских семей, решивших соблюдать заповеди и, в частности, ввести практику кошерной пищи, которые сталкиваются с обидами родственников, не соблюдающих кашрут и чувствующих в отказе от совместной трапезы угрозу своей собственной еврейской идентичности.

Аналогичные наблюдения могут быть сделаны и в отношении “новых мусульман”, оспаривающих правильность “умеренного” этнического ислама своих родителей, в котором их воспитывали, стремясь вписать ислам в семейную и культурную память семьи.

²⁷ Сарсель (*Sarcelles*) — пригород Парижа, в котором проживает многочисленная и хорошо организованная еврейская община.

²⁸ См.: *Nizard Benchimol S. Op. cit.*

В конечном итоге это стало чуждо детям, которые рассматривают ислам как часть своей личной идентификации, не связанной с семейными корнями и особенностями происхождения. Молодежь выбирает те направления ислама, которые менее подвержены, по их мнению, этническим маркерам, чем ислам их родителей. При этом важно, что “обращение изнутри” (религии) – это не только усиление или радикальная интенсификация религиозной идентичности до сих пор “умеренной”, но и специфический способ конструирования религиозной идентичности, которая предполагает в той или иной форме оспаривание той “слабой”, но вместе с тем явно выраженной, религиозной принадлежности, с которой верующие сталкивались до обращения.

Следует отметить, что французские ученые провели многочисленные исследования (в том числе и биографическим методом), посвященные логике обращения молодых французов в католицизм. Если учитывать положение католицизма как традиционной для Франции религии большинства, то в рассказах о вторичном обращении в католицизм меньше присутствует лейтмотив изменения социального положения при обращении, но чаще содержится упоминание ситуации индивидуального духовного “беспорядка” или “отсутствия смысла жизни”. Особое место занимают случаи обращения, связанные с трагическим событием личной жизни (смертью близкого, переселением, травмой, изнасилованием и т.п.).

Например, из пятнадцати биографических рассказов об обращении в католицизм, приводимых исследователем Ф. де Лагард, в девяти оно так или иначе связано с эпизодом такого рода, отчетливо ассоциирующимся у респондента с дальнейшей переориентацией своей духовной жизни²⁹. Однако во всех случаях без исключения траектория описывается обращенными как “путь строительства себя самого”. По форме эти рассказы придерживаются классической схемы, противопоставляющей трагическую, отчаянную или просто посредственную часть существования “до”, и напротив, характеризующую обретением полноты смысла жизни “после”. Эти рассказы крайне редко содержат описание внезапного озарения вследствие неожиданного события или откровения: по образцу “пути в Дамаск” (обращение св. Павла³⁰) или остановки возле “колонны собора Парижской Богоматери” (обращение Поля Кло-

²⁹ *Lagarde F., de. Convertis et baptisé. 1500 ans après Clovis. P., 1996. P. 115.*

³⁰ См. Деян. 9: 1-30, описывающее неожиданное падение с коня молодого фарисея Савла, направлявшегося в Дамаск, чтобы продолжить преследования христиан. Вследствие видения Христа, Савл обратился в новую веру и стал Павлом – активным проповедником христианства и апостолом. Его метанойя (μετάνοια) – переосмысление религиозных установок было внезапным и радикальным.

деля³¹), когда индивид ощущает свое обращение как внезапное, практически чудесное событие, коренным образом изменившее его жизнь, радикально отметив пропасть между образом жизни в прошлом и новой, начинающейся с озарения. Напротив, чаще подобно “Исповеди святого Августина” встречается воспоминание “момента уверенности”, следующего обычно за принятием решением “обратиться”. При этом вера уже представляется как очевидность, присутствие которой обнаруживается во всей жизни (“я обнаружил, что я всегда верил”). Классическое для рассказа христианского обращения, оно позволяет подтвердить идею, что инициатива обращения приходит не от самого обращенного, даже если он свободно выбирает свою веру, но от Бога³².

В данной связи представляет интерес попытка Д. Эрвьё-Леже дифференцировать все интервью обращенных в католицизм в исследовании Ф. де Лагард на две совокупности, отличающиеся по мотивам и типу построения рассказа. Первые говорят об обращении, как о последнем этапе длительного блуждания, отчаянной “жизненной каторги”, отмеченного другими попытками найти себя в революционной активности, в наркотиках, в секте, оказавшимися в конечном итоге тупиком. Во втором типе биографических рассказов говорится об открытии “истинной жизни”, когда после неудовлетворенности сверхактивной профессиональной или безудержной светской жизнью, человек приходит к подлинному смыслу своего существования. Эти две совокупности характеризуются разницей культурных и социальных статусов респондентов³³.

Д. Эрвьё-Леже предлагает четыре измерения религиозной идентификации – общественное, этическое, культурное, эмоциональное, применение которых позволяет обнаружить, что две совокупности будут соответствовать различным типам религиозной идентичности. Первая группа основывается главным образом на общественном и эмоциональном измерениях идентичности, она видит свое обращение как вход в “семью”. Вторая группа присоединяет этическое измерение христианства (евангельские ценности, заповеди блаженства) к своему культурному наследию, подтверждая ценности исторической и эстетической глубины христианской традиции и ее роль в европейской цивилизации. Характерно, что представители этих двух групп, как правило, отличаются социальным положением и уровнем образования³⁴.

³¹ *Claudiel P. Ma conversion (1913) // Œuvres en prose. P., 1965. P. 1009.*

³² *Lagarde F., de. Op. cit. P. 119.*

³³ *Hervieu-Léger D. Op. cit. P. 133.*

³⁴ *Ibid. P. 78.*

На наш взгляд, обозначенные типы религиозности лежат в основе общей картины религиозной жизни современного западного общества и могут служить методологическим основанием для дальнейших исследований в области социологии религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Berger P. Религия и проблема убедительности // Неприкосновенный запас. 2003. № 6(32) (перевод выполнен по изданию: *Secularization and the Problem of Plausibility* // *Berger P. The Social Reality of Religion. (The Sacred Canopy)*. L., 1967. P. 127–154).

REFERENCES

Baubérot J. Le Protestantisme doit-il mourir? P., 1988.

Berger P. Religija i problema ubeditel'nosti // Neprikosnovennyj zapas. 2003. N 6(32) (perevod vypolnen po izdaniju: *Secularization and the Problem of Plausibility* // *Berger P. The Social Reality of Religion. (The Sacred Canopy)* L., 1967. P. 127–154) (in Russian).

Claudé P. Ma conversion // *Claudé P. Œuvres en prose*. P., 1913.

Dantzger H. Returning to tradition. The contemporary revival of Orthodox Judaism. New Haven; L., 1989.

Enquête BVA réalisée pour “le Parisien” – “Aujourd’hui en France” auprès d’un échantillon de 994 personnes représentatif de la population française âgée de 18 ans et plus, recrutés par téléphone et interrogés par Internet les 20 et 21 février 2014.

Ethnographie de l’action. L’observation des détails. P., 1996.

Etienne B., Lioger R. Etre bouddhiste en France aujourd’hui. P., 1997.

Hervieu-Léger D. Le pèlerin et converti. La religion en mouvement. P., 1999.

Khosrokhovar F. L’islam des jeunes. P., 1997.

Lagarde F., de. Convertis et baptisés. 1500 ans après Clovis. P., 1996.

Nizard Benchimol S. L’économie du croire. Une anthropologie des pratiques alimentaires juives en modernité. Thèse de EHESS. P., 1997.

Périgne V. De Jésus à Mohammad: l’itinéraire des Français convertis à l’islam. Thèse de EHESS. P., 1997.

Piette A. Le Mode mineur de la réalité. Louvain, 1992.

Qui sont vraiment catholiques France? Sondage par le groupe Bayard à l’Institut de sondage Ipsos sous la houlette de deux sociologues, Philippe Cibois et Yann Raison du Cleuziou (12/01/2017). L’enquête a été réalisée en juin 2016).

Schutz R. Dynamique du provisoire. Taizé, 1974 (1956).

Taizé et les jeunes. Que se lève une confiance sur la terre. P., 1987.

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-62-86

РЕПРОДУКТИВНАЯ ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ*

В.М. Карпова, канд. социол. наук, старший научный сотрудник кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Статья посвящена анализу актуальных тенденций репродуктивного поведения, изменения демографических показателей рождаемости, частоты искусственных прерываний беременности, отсутствия рождений по естественным причинам. Показана актуальность задач уменьшения репродуктивных потерь как за счет снижения числа аборт, так и за счет повышения репродуктивного здоровья женщин. В статье собраны статистические данные о динамике показателей репродуктивного поведения, проводятся сравнения с аналогичными показателями других стран для уточнения особенностей репродуктивного поведения россиянок. Также приводятся данные социологических опросов ведущих исследовательских центров об отношении населения к различным вариантам репродуктивного поведения. На основе анализа данных опросов показано, что при заявленном неодобрении абортов люди в целом не готовы брать на себя материальную ответственность за принятие такого решения.

На основе регрессионного анализа репродуктивных историй 2935 женщин, участниц серии исследований, проведенных под руководством кафедры социологии семьи и демографии, проанализировано влияние предыдущего репродуктивного поведения на исход беременности. Показано, что кроме известных медицинских закономерностей можно выделить ряд поведенческих и ценностных факторов, увеличивающих вероятность рождения ребенка. Так, регрессионный анализ показал, что укрепление репродуктивных установок приводит не только к увеличению вероятности рождения ребенка против искусственного аборта, но также оказывает положительное влияние на снижение вероятности самопроизвольного прерывания беременности. Также подтверждено значительное негативное влияние имеющегося числа детей на вероятность выбора рождения против аборта. Этот результат подтверждает распространение норм малодетного образа жизни и прекращение деторождения после удовлетворения потребности в детях и в их определенном числе.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта “Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)” № 18-011-01037.

** **Карпова Вера Михайловна**, e-mail: wmkarpova@yandex.ru

Ключевые слова: репродуктивное поведение, рождаемость, аборт, исход беременности, факторы рождаемости, линии репродуктивного поведения.

REPRODUCTIVE HISTORY AS A PREDICTOR OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR

Karpova Vera M., Senior researcher, PhD in Sociology, Department of Sociological Research Methodology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: wmkarpova@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of actual tendencies of reproductive behavior, change of birth rate indicators, frequency of induced abortion and births' loss for natural reasons. The significance of reducing reproductive losses, both by of reducing the number of induced abortions, and by improving women's reproductive health is shown. The article contains dynamic statistical data on the indicators of reproductive behavior, comparisons are made with similar indicators of other countries, to clarify the characteristics of reproductive behavior of Russians. The data of sociological surveys conducted by leading research centers on the attitude of the population to various lines of reproductive behavior are also given. Based on the analysis of the survey data, it is shown that, despite declared disapproval of abortions, people in general are not ready to assume the financial responsibility for making such a decision.

Based on the regression analysis of reproductive histories of 2935 women, who participated in a series of studies conducted under the chair of the Sociology of Family and Demography, the influence of previous reproductive behavior on the outcome of pregnancy was analyzed. It is shown, that in addition to known medical patterns, a number of behavioral and values' system factors that increase the likelihood of a child's birth can be identified. Regression analysis showed that the growth of reproductive attitudes not only leads to an increase in the likelihood of a child's birth against artificial abortion, but also has a positive effect on reducing the probability of spontaneous abortion. The significant negative impact of the existing number of children on the likelihood of choosing a birth against induced abortion was shown. This result confirms spread of low-fertility norms and childbearing termination after the need in children and their specific number is satisfied.

Key words: reproductive behavior, fertility, abortion, pregnancy outcome, fertility factors, reproductive behavior lines.

Актуальность задачи повышения рождаемости

За последнее десятилетие тенденции изменения демографических показателей носили в целом неоднозначный характер. С одной стороны, в результате проводимой государственной демографической политики, а также на фоне благоприятной половозрастной структуры населения на протяжении 2000—2015 гг. происходило

постепенное повышение показателей рождаемости и одновременное снижение показателей смертности (в расчете на 1000 человек населения)¹. Благодаря этим тенденциям к 2012 г. показатели смертности и рождаемости выровнялись и с 2013 г. в России отмечался естественный прирост населения, который последний раз до этого наблюдался в 1990 г.

Однако в последние два года (2016–2017) на фоне снижения доли женщин репродуктивного возраста, а в особенности доли женщин в наиболее активных репродуктивных возрастах (20–35 лет) произошло ожидаемое и заранее предсказанное² снижение показателей рождаемости, что в свою очередь привело в 2016 г. к отсутствию естественного прироста, а в 2017 к естественной убыли населения (на 134,4 тысяч человек)³. Тенденция дальнейшего сохранения естественной убыли прослеживается во всех достаточно надежных демографических прогнозах, причем прогнозируется значительное увеличение размера естественной убыли. Так, по прогнозу Росстата до 2050 г. убыль населения будет увеличиваться до 700–800 тысяч ежегодных естественных потерь и эта величина будет сохраняться до конца периода прогнозирования. Аналогичные результаты представлены в прогнозе ООН до 2100 г.: естественная убыль населения России будет увеличиваться и к 2050 г. население уменьшится до 132,7 миллионов человек, а к 2100 г. до 124,0 миллионов⁴. Здесь важно учитывать, что в прогнозах ООН предполагается постоянное положительное сальдо миграции, которое будет частично компенсировать естественную убыль населения.

Таким образом, задача разработки демографической политики, которая была бы в первую очередь нацелена на повышение уровня рождаемости, является исключительно важной и актуальной. Одним из свидетельств того, что меры в этом направлении уже начинают приниматься, может служить принятие в конце 2017 г. закона “О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей”, который подразумевает в первую очередь материальную поддержку семей, начиная с рождения даже первого ребенка⁵. Однако согласно тео-

¹ Демографический ежегодник России 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm

² Шербакова Е. М. Россия в демографически изменяющемся мире // Демоскоп Weekly. 2017. № 749–750. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0749/barom01.php>

³ По оперативным данным Федеральной службы государственной статистики на январь 2018 г. (http://www.gks.ru/free_doc/2017/demo/edn12-17.htm).

⁴ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017). World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. ESA/P/WP/248. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/index.shtml>

⁵ Федеральный закон от 28 декабря 2017 года № 418-ФЗ “О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей”. URL: <https://rg.ru/2017/12/29/fz418-site-dok.html>

ретическим концепциям социологии рождаемости материальное стимулирование имеет лишь ограниченное влияние на динамику рождаемости, так как в первую очередь позволяет увеличить полноту реализации репродуктивных установок, но не ведет к их повышению⁶. Учитывая, что современные оценки репродуктивных установок российских женщин, сделанные на основе выяснения желаемого числа детей (“Сколько всего детей, включая уже имеющих, Вам хотелось бы иметь при наличии необходимых условий?”), не превышают 2 детей⁷, при самом благоприятном развитии социально-экономического положения и развертывании активных мер материального стимулирования рождаемости сложно ожидать роста суммарного коэффициента рождаемости выше, чем показатели желаемого числа детей. Иными словами, даже при полной реализации репродуктивных установок показатели рождаемости не достигнут уровня, необходимого для простого замещения поколений (2,1 ребенка на 1 женщину в течение репродуктивного возраста). В связи с этим на первый план выходят задачи изучения репродуктивного поведения во всех деталях, определения факторов выбора различных репродуктивных стратегий, выяснения причин принятия тех или иных решений, например, в случае, когда наступила беременность.

Основными тенденциями изменения рождаемости в последние 10–20 лет были, во-первых, постепенный рост суммарного коэффициента и его стабилизация на уровне 1,75 рождений к 2014–2017 гг. Говоря о причинах положительных тенденций следует учитывать два основных компонента – это влияние структурных изменений (половозрастной структуры населения), а также необходимо отметить вклад демографической политики, активно проводимой с 2007 г., когда был введен материнский капитал⁸. По данным подробного анализа, проведенного В.Н. Архангельским, А.Е. Ивановой и Л.Л. Рыбаковским с использованием современных методов оценки изменения демографических показателей в зависимости от влияния трех основных факторов – изменения численности репродуктивного контингента, его структуры и повозрастных показателей рождаемо-

⁶ См. об этом: Антонов А.И., Грудина Т.Н. Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социолого-демографических исследований Москва–1976, Россия–2000 и Россия–2014) // Экономические стратегии. 2015. № 5–6. С. 2–9.

⁷ Расчеты, проведенные на основе данных микропереписи населения 2015 г., показывают, что среднее желаемое число детей среди мужчин в возрасте 15–49 и женщин в возрасте 15–44 лет составляют лишь 1,83 (URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html)

⁸ Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 30.12.2015) “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). URL: http://www.pfrr.ru/info/order/mother_fam_capital~1589

сти — было показано, что основной вклад в динамику рождаемости в 2006–2013 г. внесли именно показатели интенсивности, которые связаны с проводимой демографической политикой. “Общее число рождений в 2013 г. сравнительно с 2006 г. возросло в 1.285 раза. Это число представляет произведение трех индексов: характеризующих изменение повозрастной рождаемости (1.293), численности репродуктивного контингента (0.913) и его возрастной структуры (1.088). По сути, весь прирост — это результат действия интенсивного фактора — роста повозрастной рождаемости, причем в наиболее продуктивных возрастах”⁹. По оценке вклад мер демографической политики в общее изменение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в период с 2006 до 2013 гг. составляет 50–60%¹⁰, а в целом результативность мер демографической политики “можно оценить в дополнительные 0,239 величины суммарного коэффициента рождаемости”¹¹. Для качественного представления этих результатов можно отметить, что, если бы СКР увеличился еще на 0,239 по сравнению с нынешним уровнем он практически достиг бы уровня простого замещения поколений, что позволило бы говорить о начале выхода из демографического кризиса.

Однако история не знает сослагательного наклонения и для достижения дальнейшего роста показателей интенсивности рождаемости необходимо проведение дополнительных исследований с целью изучения факторов репродуктивного поведения.

Статистические оценки репродуктивного поведения

Теория репродуктивного поведения, разрабатываемая в рамках социологии рождаемости, выделяет в качестве объектов анализа репродуктивные шаблоны “как достаточно устойчивые конфигурации простейших актов поведения под воздействием привычных и устоявшихся семейных ситуаций” и линии репродуктивного поведения как “определенную направленность и последовательность, наблюдаемую среди шаблонов поведения, тенденцию, проявляющуюся при их смене на протяжении жизненного цикла личности и семьи”¹². Эти два теоретических концепта позволяют систематизировать социологический анализ репродуктивного поведения.

Основным объектом изучения социолога становится история беременностей женщины, а анализу подвергаются все измеряемые

⁹ *Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л.* Результативность демографической политики России. М., 2016. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² *Антонов А.И.* Социология рождаемости. М., 1980. С. 97.

параметры этой истории: и общее число беременностей, соотношений различных исходов беременностей, сочетания и последовательность тех или иных репродуктивных событий, а также все временные интервалы между событиями и блок социально-демографических характеристик респондентов. В идеале все эти показатели необходимо измерять для каждой беременности. При таком подходе можно будет проследить влияние различных факторов на принятие женщиной репродуктивного решения в каждой беременности. Обобщенный причинно-следственный анализ взаимосвязи принимаемых решений, репродуктивного выбора со всей совокупностью параметров жизни женщины может послужить хорошей базой для разработки дальнейших мер семейно-демографической политики. Учет не только экономических факторов, но и ценностных ориентаций женщин может позволить сфокусировать демографическую политику на воспитании новых поколений молодежи с ценностями семейно-детного образа жизни, ставящих семейное МЫ выше личного Я, выбирающих многодетный образ жизни, в противовес нынешним тенденциям распространения не только массовой малодетности¹³, но и добровольного отказа от детей (движение child-free)¹⁴.

Исследование факторов, определяющих ту или иную направленность линий репродуктивного поведения, необходимо начинать с вступления в зарегистрированный брак. Несмотря на распространение в последние десятилетия доли незарегистрированных союзов¹⁵, так называемых “гражданских” браков, заключение такого неофициального союза гораздо реже приводит к началу репродуктивного поведения, направленного на рождение детей. Так, по результатам социологического исследования демографического поведения молодежи, проведенного в России в 2010 г., было выявлено, что “одним из важнейших факторов, дифференцирующих линии репродуктивного поведения, является регистрация брака. Если среди состоящих в первом зарегистрированном браке 58,3% (женщины – 60,0%, мужчины – 55,4%) отметили, что после вступления в брак и до рождения первого ребенка в их семейной жизни не было ни предохранения от беременности, ни аборт, то среди тех, чей первый брак не зарегистрирован, таковых только 21,9% (женщины –

¹³ Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. № 1.

¹⁴ Новосёлова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. URL: <http://www.socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/1/06.pdf>

¹⁵ См. об этом: Синельников А.Б. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0725/tema01.php>

25,6%, мужчины – 17,6%), т.е. в 2,7 раза меньше”¹⁶. Однако и среди зарегистрированных брачных союзов сохраняется доля супругов, которые откладывают рождения, используя контрацепцию или даже совершая аборт. Поэтому изучение причин и факторов выбора такой линии репродуктивного поведения видится актуальным и может позволить снизить долю совершенных искусственных абортов среди всех беременностей.

Наиболее полную картину о репродуктивном поведении россиян в целом на данный момент можно получить в отчете о репродуктивном здоровье населения России за 2011 г.¹⁷ По данным этого исследования практически все женщины (99,5%) знают хотя бы об одном современном методе контрацепции и подавляющее большинство (83%) женщин в репродуктивном возрасте либо использовали контрацепцию на момент опроса (52%), либо когда-либо в прошлом (31%). Среди женщин, состоящих в брачном союзе на момент опроса, 68% использовали какой-либо метод контрацепции, причем 5% – современный.

Еще одним любопытным показателем распространения контрацепции в России является показатель “неудовлетворенной потребности в планировании семьи”, который рассчитывается на основе данных выборочных исследований или с применением специальной математической модели, разработанной под эгидой отдела народонаселения ООН¹⁸, в случае если нет достаточно надежных эмпирических данных. Суть данного показателя заключается в измерении доли женщин, состоящих в партнерстве, которые хотят прекратить или отсрочить деторождение, но не используют для этого никаких методов контрацепции. Расчетный показатель для России в 2015 г. с использованием моделирования составляет 9,6%, а по данным исследования о репродуктивном здоровье 2011 г. он даже ниже – 8%.

По сравнению с другими странами в России отмечается высокий уровень распространенности контрацепции, достаточно низкий уровень неудовлетворенной потребности в планировании семьи (минимальные значения этого показателя наблюдаются в Великобритании, Южной Кореи, Норвегии (5–6%)) при одновременном высоком уровне абортов (суммарный коэффициент абортов, без

¹⁶ *Архангельский В.Н.* Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.

¹⁷ Репродуктивное здоровье населения России 2011. Резюме отчета. ЮНФПА, 2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdravo-2011.pdf

¹⁸ *Leontine A., Kantorova V., Menozzi C., Biddlecom A.* National, regional, and global rates and trends in contraceptive prevalence and unmet need for family planning between 1990 and 2015: a systematic and comprehensive analysis // *The Lancet*. 2013. 12 March.

учета самопроизвольных аборт, составляет 0,64 по сравнению с минимальными значениями в Швейцарии и Германии 0,19 и 0,21 соответственно). Одним из объяснений такого феномена может быть недостаточная систематичность, аккуратность и регулярность применения контрацептивных средств среди российских женщин, что потенциально может приводить к увеличению доли контрацептивных осечек¹⁹.

Основной тенденцией динамики показателей совершенных аборт является их постоянное снижение на протяжении последних десятилетий. Поскольку число совершенных аборт также как и число рождений, в значительной степени зависит от численности женщин репродуктивного возраста и возрастной структуры этой группы населения, то для оценки динамики наиболее подходящим является суммарный коэффициент аборт (СКА). По логике построения этот показатель соответствует суммарному коэффициенту рождаемости, т.е. отражает число аборт, которое в среднем приходится на одну женщину условного поколения в течение репродуктивного возраста. На рис. 1 представлена динамика двух суммарных коэффициентов: рождаемости и аборт.

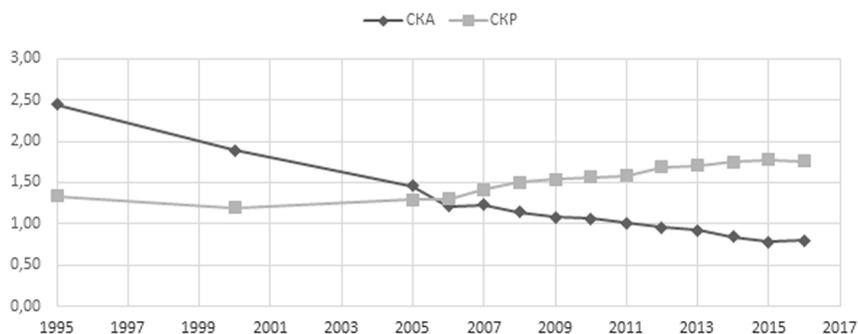

Рис. 1. Динамика суммарных коэффициентов рождаемости и аборт в России 1995–2015 гг.

Источник: Рассчитано автором на основе данных Росстата, опубликованных в Демографическом ежегоднике 2007, 2010 и 2017 гг.

За прошедшие годы наблюдалось постоянное снижение суммарного коэффициента аборт с показателей превышающих 2 аборт в расчете на женщину до нынешних 0,8. Одновременное повышение суммарного коэффициента рождаемости привело к превышению

¹⁹ Сакевич В.И. От аборт к контрацепции // Демоскоп Weekly. 2016. № 687–688. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema01.php>

числа родов над числом абортотв и по данным за 2016 г. на 100 родов приходилось 44,6 абортотв, т.е. менее трети всех беременностей были прерваны искусственно.

Важно помнить, что в современной отечественной статистике абортотв учитываются не только искусственные прерывания беременности, но и самопроизвольные абортотв (выкидыши), что приводит к завышению данного показателя, и сравнение с показателями других стран необходимо проводить только по скорректированным данным. При этом, согласно данным медицинских исследований, структура абортотв по их видам меняется одновременно со снижением их общего числа. Так, в период с 2008 по 2015 гг. уменьшилось число медицинских абортотв, неуточненных (внебольничных) абортотв, криминальных абортотв и абортотв по социальным показаниям. Единственный показатель, который увеличился за рассматриваемый период, – это число самопроизвольных абортотв, их доля среди всех повысилась с 14,2% в 2008 до 31,7% в 2015²⁰. “Распространенность самопроизвольных абортотв в последние годы имеет тенденцию к росту – с 4,21 на 1000 женщин фертильного возраста в 2001 г. до 4,63 в 2010 г., что характеризует ухудшение репродуктивного здоровья современных женщин, чье рождение или период полового созревания пришелся на неблагоприятные 90-е годы”²¹.

Одновременно с изменением фактического репродуктивного поведения меняется и отношение населения страны к различным вариантам репродуктивного выбора. В последнее десятилетие достаточно регулярно поднимаются вопросы об ограничении доступности абортотв и разрабатываются меры, направленные на снижение их числа. В 2012 г. был принят закон “Об охране здоровья граждан РФ”, в рамках которого в случае, если женщина хочет прервать беременность, ей предоставляется так называемые “дни тишины”, продолжительностью от 48 часов до 7 суток (в зависимости от срока)²². Регулярно в Государственной Думе выносятся для обсуждения предложения об исключении абортотв из списка обязательного медицинского страхования, причем происходит это несмотря на негативное отношение к этой мере в самом Министерстве здравоохранения РФ, где подчеркивают необходимость поддержки

²⁰ Бантьева М.Н. Состояние проблемы абортотв в России в динамике за 2008–2015 гг. // Акушерство, гинекология и репродукция. 2016. № 3. С. 47–52.

²¹ Стародубов В.И., Суханова Л.П., Сыченков Ю.Г. Репродуктивные потери как медико-социальная проблема демографического развития России // Электронный научный журнал “Социальные аспекты здоровья населения”. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/367/30/lang,ru/>

²² Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” от 21.11.2011 № 323-ФЗ, ст. 56. URL: <http://fzrf.su/zakon/ob-ohrane-zdorovya-grazhdan-323-fz/st-56.php>

существующих мер, показавших свою эффективность в снижении показателей аборт²³.

С течением времени меняется отношения россиян к допустимости аборта. По данным опросов Левада-центра, проводившихся с 1998 г., увеличивалась доля тех, кто считает предосудительным, когда женщина делает аборт в случае, если семья имеет очень низкий доход и не может себе позволить иметь больше детей (рис. 2). В декабре 2017 г. доля респондентов, отметивших такой ответ, составила 35% по сравнению с 12% в 1998 г. Также увеличилась доля тех, кто считает такой репродуктивный выбор предосудительным, но лишь в некоторых случаях (доля выросла с 13 до 26% за 20 лет). Увеличение доли осуждающих аборт произошло за счет значительного уменьшения доли тех, кто не видит в аборте, совершенном в связи с тяжелым материальным положением семьи, ничего предосудительного (в период с 1998 по 2017 гг. эта доля снизилась с 64% до 26%).

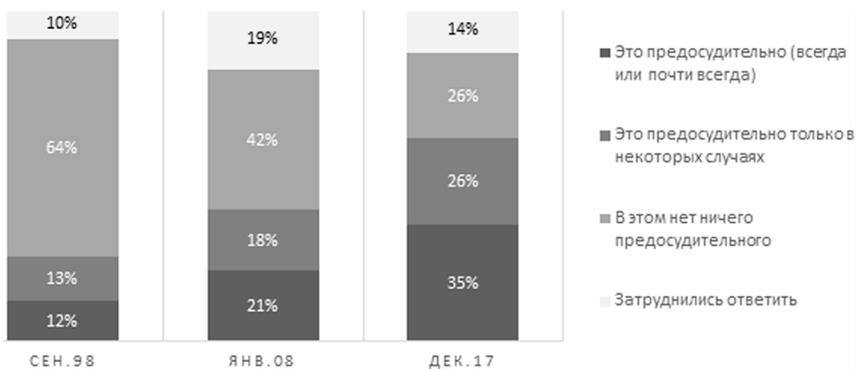

Рис. 2. Изменение отношения к абортам в 1998–2017 гг. (в %)

Источник данных: Табу в сфере секса и репродукции // Аналитический центр Юрия Левада. 2018.11.01. URL: <https://www.levada.ru/2018/01/11/17389/>

В опросе Левада-центра, проведенном в марте 2017 г., среди причин, которые могут стать допустимым основанием для прерывания беременности большинство респондентов назвали угрозу жизни и здоровья женщины (66%), беременность в результате изнасилования (43%) и лишь на третьем месте по частоте упоминания находится отсутствие материальных ресурсов для воспитания ребенка (39%). Следующие ответы (возраст беременной женщины, нежелание иметь больше детей, чем уже есть, и просто нежелание женщины иметь детей) были названы реже, они фигурировали

²³ Минздрав выступил против исключения аборт^{ов} из ОМС // Информационное агентство России, ТАСС, 2016. 8 дек. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3853824>

в 22–27% ответов. Еще реже респонденты называли нежелание партнера/мужа иметь детей (13%) и давление родителей или других родственников (10%)²⁴.

Отношение к предложению об исключении абортов из системы обязательного медицинского страхования среди россиян негативное. Так, по данным опросов ФОМ, проведенных последовательно в 2015 и 2016 гг., доля тех, кто не поддерживает эту меру, составляла 59 и 70% соответственно, причем наблюдаемый рост происходил как за счет снижения доли поддерживающих данную меру с 25 до 21%, так и за счет перехода части затруднившихся ответить в категорию несогласных.

Совокупный анализ этих результатов показывает любопытную тенденцию: при в целом неодобрительном отношении к абортам как таковым и поддержке их допустимости в случае медицинских или социальных показаний, россияне не готовы платить за совершение абортов и считают, что эти процедуры должны оставаться бесплатными. Такое противоречие может говорить лишь о заявленном разделении ценностей сохранения беременности на фоне психологической неготовности нести полную, в том числе и финансовую ответственность за принимаемые репродуктивные решения.

Наиболее надежную с точки зрения отсутствия искажений, вызванных эффектом социальной желательности, информацию о том, какие репродуктивные линии поведения поддерживаются населением, можно получить, только изучая непосредственные факты из жизни респондентов, а не их мнения о том или ином варианте репродуктивного поведения²⁵. Таким образом, изучение ответов респондентов об их репродуктивной истории, о череде всех беременностей каждой женщины, дополненные информацией об обстоятельствах, сопутствовавших репродуктивному выбору в каждой из ситуаций, может послужить обширной базой для исследования как вариативности линий репродуктивного поведения, так и оценки факторов, влияющих на принятие тех или иных репродуктивных решений. Такие исследования регулярно проводятся на кафедре социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством профессора А.И. Антонова. В следующем разделе данной статьи будут представлены результаты анализа четырех волн исследования, посвященных репродуктивному поведению и охватывающих период с 2000 по 2010 гг.

²⁴ Источник данных: Репродукция и аборт. Опрос Аналитического центра Юрия Левада 2–6 марта 2017 г. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/20/reproduksiya-i-aborty/>

²⁵ См. об этом: *Антонов А.И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Уч. пособ. М., 1998. С. 94–134.

Влияние предыдущей репродуктивной истории на исход беременности (по данным социологических исследований)

Для анализа линий репродуктивного поведения женщин были использованы три исследования, проводившиеся в период с 2000 по 2010 гг. Основным критерием для выбора исследований было наличие в них группы вопросов об истории исходов беременностей в жизни женщины. Разные периоды опросов не имели принципиального значения для проводимого анализа, так как во всех случаях изучались ретроспективные ответы женщин об истории их жизни, и во всех исследованиях принимали участие представительницы разных поколений. В результате отбора была получена совокупность ответов 2935 женщин об их репродуктивной истории. В основу общей базы данных легли ответы исследования “Россия 2000/2001” (были отобраны 925 ответов женщин в возрасте 18 лет и старше, большинство состоят в браке и имеют хотя бы одного ребенка), исследование образа жизни многодетных семей в России (913 ответов женщин в возрасте 20 лет и старше, имеющих 3 и более детей) и исследование “Репродуктивное здоровье” (1002 ответа женщин в возрасте 18 лет и старше с различным числом детей).

Вопросы об исходах беременностей были приведены к единообразному виду с точки зрения вариантов ответов, что позволило проводить совокупный анализ. Также в итоговую базу были отобраны вопросы об образовании, брачном статусе, возрасте и репродуктивных установках женщин.

На рис. 3 представлены данные об исходах беременности среди всех женщин выборочной совокупности. В связи с особенностью отобранных исследований практически все опрошенные родили хотя бы одного ребенка (96,0%), еще почти в половине случаев (48,6%) был совершен искусственный аборт. Доля репродуктивных потерь, вызванных естественными причинами медицинского плана (самопроизвольный аборт, рождение мертвого ребенка, внематочная беременность) составила 22,5%, и еще в 4,8% случаев была отмечена беременность на момент опроса.

Было проведено сравнение полученного профиля с результатами Национального исследования роста семьи (США, 2006–2010, 7538 ответов женщин в возрасте 15–45 лет)²⁶, в ходе которого женщины в том числе рассказывали о своей репродуктивной истории. В американском исследовании на основе репрезентативной выборки было выявлено, что у 89,6% женщин, имевших хотя бы одну беременность родились живые дети, в 32,7% случаев произошла

²⁶ NCHS, National Survey of Family Growth, 2006–2010. URL: https://www.cdc.gov/nchs/nsfg/nsfg_products.htm

перинатальная потеря или был рожден мертвый ребенок, и 6,9% опрошенных были беременны на момент опроса. Совершение искусственного аборта было отмечено только у 19,6% респонденток из США.

В целом, несмотря на исходные различия в выборочной совокупности данные по числу живорождений, актуальных беременностей, рождений мертвого ребенка и внематочных беременностей близки для двух стран. Однако отличия в доле тех, кто прервал беременность искусственно, значительно отличаются. Анализ литературы позволяет сделать вывод, что для опроса, проведенного в США, характерно занижение доли совершенных абортов за счет отнесения их к самопроизвольным выкидышам²⁷. Также данные статистики российского исследования в большей степени соответствуют общемировым оценкам вероятности того, что беременность закончится выкидышем (17–22%)²⁸.

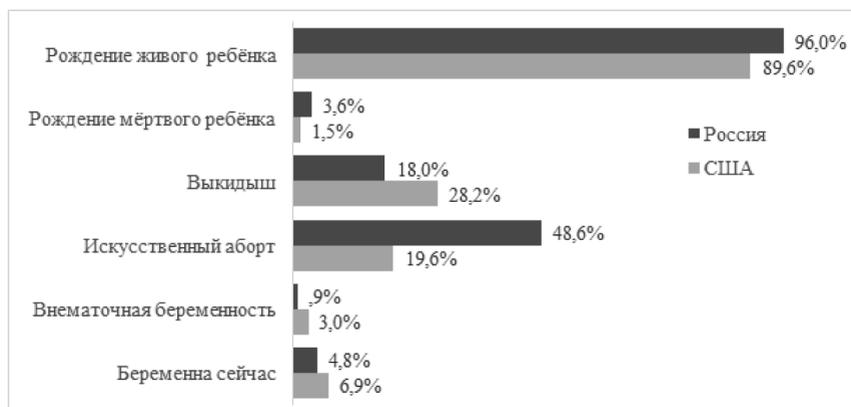

Рис. 3. Профиль событий репродуктивного цикла (Россия и США)

Источник данных: Результаты расчетов по совокупной базе исследований 2000–2010 гг. в России и National Survey of Family Growth, 2006–2010.

Сравнение средней длины репродуктивной истории с числом рожденных детей позволяет судить об “эффективности” репродуктивного поведения в целом (рис. 4). При общем среднем числе

²⁷ См. об этом: *Jones R.K., Kost K.* Underreporting of induced and spontaneous abortion in the United States: An analysis of the 2002 National Survey of Family Growth // *Studies in Family Planning*. 2007. N 38. P. 187–197. DOI: 10.1111/j.1728-4465.2007.00130.x

²⁸ *García-Enguñados A., Calle M.E., Valero J., Luna S., Domínguez-Rojas V.* Risk factors in miscarriage: a review // *European Journal Obstet Gynecol Reprod Biol*. 2002. 10 May. N 102 (2). P. 109–111. Review. PubMed PMID: 11950476

репродуктивных событий равным 3,47 в среднем по всей совокупности в базе российских исследований было рождено только 2,25 ребенка. В то время как в исследовании США на 2,77 беременностей было рождено 1,98 ребенка. Расчет “эффективности” репродуктивной истории как отношения числа рожденных детей к числу беременностей дает численную характеристику описанных отличий: для России этот показатель составил 66, а для США 71%.

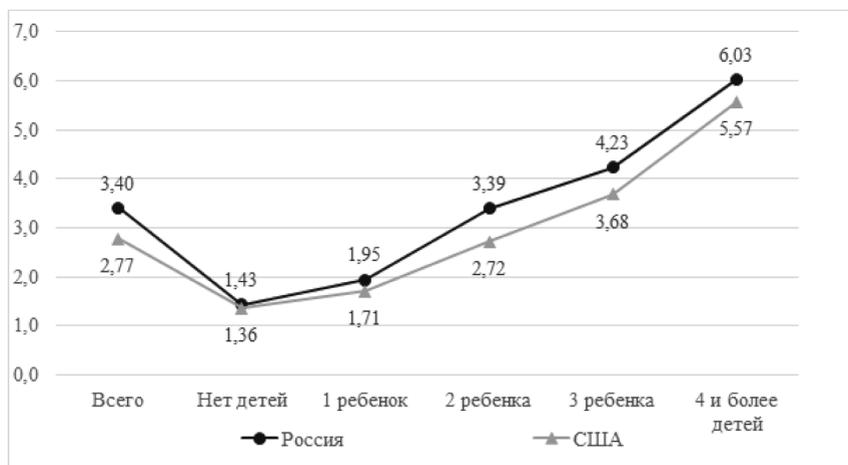

Рис. 4. Среднее число событий репродуктивной истории в зависимости от числа рожденных детей (Россия и США)

Источник данных: результаты расчетов по совокупной базе исследований 2000–2010 гг. в России и National Survey of Family Growth, 2006–2010.

Тенденция более низкой “эффективности” репродуктивного поведения в России сохраняется и при рассмотрении отдельных групп респондентов по числу рожденных детей, так как для каждой группы респондентов по числу детей среднее число репродуктивных событий в России выше, чем в США. В среднем для жительниц России требуется в 1,3–1,9 раз больше беременностей, чем в итоге рождается детей, в то время как среди представительниц США этот показатель колеблется в пределах 1,2–1,7.

Наибольшая разница наблюдается на границе малодетного образа жизни — при наличии двух детей в семье. Если среди россиянок для рождения двух детей происходит 3,39 беременностей, то для представительниц США лишь 2,72 (на 25% меньше). Одним из объяснений этого феномена может быть то, что в России массовая малодетность приобретает все большую распространенность и после появления второго ребенка многие женщины не хотят продол-

жать рожать детей и прерывают беременности, в случае если они происходят. Одним из косвенных подтверждений этой гипотезы является почти полуторакратное превышение показателей суммарного коэффициента рождаемости в США в период 2000–2010 гг. над аналогичным показателем в России (в США он практически был на уровне простого замещения поколений и превышал 2 рождения на 1 женщину, в то время как для России он рос с минимальных значений в 1,2 до 1,6)²⁹. Еще одним подтверждением такого объяснения может служить исключительная близость среднего числа репродуктивных событий среди бездетных и одноклеточных респонденток в обеих странах (1,36 в США и 1,43 в России для бездетных и 1,71 против 1,95 для одноклеточных).

В связи с этим особый интерес приобретает вопрос о факторах, которые влияют на принятие решения о сохранении или прерывании беременности. Причем кроме внешних факторов, таких как уровень образования, семейное положение, материальная обеспеченность, следует также обратить внимание на оценку влияния предыдущей репродуктивной истории на вероятность различных исходов беременности. Именно эта часть анализа стала главной целью данной работы.

Методология анализа данных

Для оценки влияния различных факторов предшествующей репродуктивной истории на вероятность различных исходов беременности был использован многомерный логистический регрессионный анализ, при помощи которого были построены модели зависимости исходов беременности от предыдущей истории. Анализ был проведен на основе данных российских исследований, так как улучшение демографической ситуации в России является актуальной задачей современности.

Для проведения анализа все беременности, которые были описаны в совокупной базе данных 2935 женщин, составленной на основе трех исследований, как было описано выше, были представлены в качестве отдельных случаев анализа. Таким образом были получены данные о 9990 исходах беременностей, которые были рассмотрены в качестве зависимой переменной. Для дальнейшего регрессионного анализа были отобраны случаи, когда беременность уже закончилась, т.е. были исключены 144 случая беременностей, отмеченных на момент опроса. В итоге для анализа осталось

²⁹ Данные отдела народонаселения ООН. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/fertility/wfd2015.shtml>

9846 случаев. Они были сгруппированы в три группы: беременность закончилась рождением ребенка (РР), беременность закончилась искусственным абортom (ИА), или рождение отсутствовало (ОР) по одной из естественных причин (выкидыш, мертворождение, вне-маточная беременность).

В связи с ограниченностью информации об обстоятельствах каждой беременности в исходных базах исследования в качестве независимых переменных можно было использовать только фактическую историю предыдущих беременностей (их общее число, наличие и число рожденных детей, совершенных абортов, потерянных беременностей). Кроме этих переменных в качестве независимого предиктора был использован вопрос о желаемом числе детей. На основе теории репродуктивного поведения можно утверждать, что потребность в детях и модели репродуктивного поведения меняются весьма инерционно, от поколения к поколению или даже медленнее³⁰, поэтому использование одной и той же величины желаемого числа детей в качестве индикатора репродуктивных установок на протяжении всей жизни женщины методологически корректно.

Результаты анализа

Среди всех исходов беременности, попавших в итоговую совокупность, 63,2% составляли рождения живого ребенка. Такой высокий процент рождений объясняется в первую очередь особенностями исходной совокупности женщин, практически все имеющие хотя бы одного ребенка, а также значительной долей многодетных матерей с тремя и более детьми. Однако поскольку предметом анализа в данной работе является репродуктивная история в целом и факторы выбора при различных вариантах предшествующего репродуктивного выбора, то смещение в сторону увеличения доли женщин с детьми лишь делает выборку в целом более информативной для анализа. Более четверти (26,9%) всех беременностей были прерваны искусственно, а доля потерянных беременностей по естественным медицинским причинам (выкидыш, рождение мертвого ребенка или внематочная беременность) составила 8,4%. Еще в 144 (1,4%) случаях были получены данные об актуальной беременности, но эти записи были исключены из дальнейшего анализа, так как исход этих беременностей не определен.

³⁰ См. об этом: Демография, учебник для высших учебных заведений / Под ред. Н.А. Волгина, Л.Л. Рыбаковского. М., 2003. Гл. 5.

Для оценки истории беременностей, предшествовавших актуальной, были построены двумерные распределения и рассчитаны средние значения чисел рожденных детей, совершенных абортс и беременностей, не закончившихся рождением ребенка (табл. 1).

Таблица 1

Описательные статистики предшествующей репродуктивной истории, по актуальному исходу беременности

Предыдущие репродуктивные события \ Исход беременности	Рождение ребенка	Отсутствие рождения³¹	Искусственный аборт
Были рождены дети	55,5%	56,8%	82,0%
Среднее число рожденных детей	1,00	1,02	1,25
Были потерянные беременности	16,7%	25,1%	13,6%
Среднее число потерянных беременностей	0,21	0,39	0,16
Были совершены искусственные аборты	23,9%	26,2%	47,1%
Среднее число искусственных абортов	0,41	0,42	0,86

Примечание: Курсивом выделены статистически значимые отличия.

Как показали результаты анализа, рождению ребенка или отсутствию рождения по естественным причинам более чем в половине случаев предшествовало рождение ребенка (55,5 и 56,8% соответственно). В среднем был рожден 1 ребенок. В тех случаях, когда был совершен аборт значительно чаще до этого исхода встречалось рождение ребенка (82,0%) причем было рождено в среднем 1,25 детей. Отличия в частоте и числе рождений, произошедших перед совершенным абортс, по сравнению с двумя другими группами оказались статистически значимыми ($p < 0,05$), как показали результаты z-тестов, использованных для попарного сравнения долей и Т-теста, использованного для сравнения средних значений. Также при осуществлении проверки статистической значимости отличий была сделана коррекция на множественные сравнения по методу Бонферрони³².

Случаям отсутствия рождения, т.е. потери беременности, значительно чаще, чем всем остальным, предшествовали такие же случаи

³¹ В эту группу были объединены беременности, не закончившиеся рождением ребенка, но по естественным причинам: внематочная беременность, выкидыш, рождением мертвого ребенка.

³² См. об этом: *Гланц С.* Медико-биологическая статистика. М., 1998. С. 105–116.

отсутствия рождения (25,1% по сравнению с 16,7% для рождения живого ребенка и 13,6% для аборт). В среднем отсутствие рождения повторялось после 0,39 случаев беременности, прерванной по естественным причинам (отличия от двух оставшихся групп репродуктивных событий статистически значимы). Эти данные показывают, что наличие в репродуктивной истории выкидышей, внематочных беременностей, мертворождений, т.е. проблем в сфере репродуктивного здоровья, приводит к увеличению вероятности, что новая беременность также не сможет закончиться рождением живого ребенка³³.

Достаточно ожидаемым был результат, что среди тех беременностей, которые закончились искусственным абортом, значимо выше доля историй с наличием аборта (в 47,1% аборт был совершен повторно по сравнению с 23,9% для случаев рождения ребенка и 26,2% для случаев отсутствия рождения). В среднем решению о совершении аборта предшествовал опыт 0,86 предыдущих прерываний беременности, в то время как для беременностей, закончившихся рождением ребенка или отсутствием рождения по естественным причинам, эти значения составили лишь 0,41 и 0,42 соответственно. Все отличия в частоте и среднем числе абортов перед совершением нового по сравнению с рождением ребенка или потерей беременности являются статистически значимыми. Однако любопытно, что различия между рождением ребенка и потерей беременности не отличаются значимо в зависимости от предыдущей истории совершения абортов. Таким образом, наличие в репродуктивной истории женщины потерянных беременностей увеличивает риски невынашивания, а наличие абортов – нет³⁴.

Для оценки влияния предыдущей истории беременностей на исход каждой последующей были построены шесть регрессионных модели (табл. 2). В первых трех представлены отношения шансов рождения ребенка (модель 1.1 – РР) и отсутствия рождения (модель 1.2 – ОР) по сравнению с вероятностью совершения искусственного аборта, а также дополнительно рассчитаны отношения шансов отсутствия рождения (ОР) относительно рождения

³³ Подробнее об этом: Неразвивающаяся беременность. Методические рекомендации МАРС (Междисциплинарной ассоциации специалистов репродуктивной медицины). М., 2015.

³⁴ В целом взаимосвязь между вероятностью невынашивания и предыдущей историей абортов более сложная, но как показано в работе, описывающей медицинское исследование исходов беременности в зависимости от предыдущей и репродуктивной истории, шансы выкидыша не меняются, если после аборта прошло 2 года и более. Подробнее см.: *Infante-Rivard C., Gauthier R. Induced abortion as a risk factor for subsequent fetal loss // Epidemiology. 1996. Sept. N 7(5). P. 540–542.*

живого ребенка³⁵. Модели 2.1–2.3 построены аналогично, но в них вместо абсолютных чисел рожденных детей, потерянных беременностей и совершенных аборт используются сгруппированные категориальные переменные, показывающие в целом, было ли данное событие в предыдущей репродуктивной истории или нет. В качестве референтных значений принято, что событие не произошло.

Таблица 2

Регрессионные модели исходов беременности в зависимости от предыдущей репродуктивной истории

	Модель 1.1 – РР сравнение с ИА	Модель 1.2 – ОР сравнение с ИА	Модель 1.3 – ОР сравнение РР	Модель 2.1 – РР сравнение с ИА	Модель 2.2 – ОР сравнение с ИА	Модель 2.3 – ОР сравнение с РР
Желаемое число детей	1,375***	1,249***	0,908***	1,329***	1,202***	0,904***
Общее число предыдущих беременностей	1,833**	1,953**	1,065	0,979	1,052	1,075
Число рожденных детей (РР)	0,349***	0,340***	0,974	–	–	–
Число “потерянных” беременностей (ОР)	0,689	1,044	1,514*	–	–	–
Число искусственных абортов (ИА)	0,387***	0,359***	0,927	–	–	–
Наличие РР ^а	–	–	–	0,245***	0,233***	0,951
Наличие ОР ^б	–	–	–	1,500***	2,501***	1,667***
Наличие ИА ^в	–	–	–	0,497***	0,462***	0,930

Примечания: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; ^а референтное значение “не было рождений”; ^б референтное значение “не было “потерянных беременностей””; ^в референтное значение “не было искусственных абортов”.

Результаты регрессионного анализа в целом продолжили и уточнили выводы, полученные при анализе совместных распределений. Также сравнение величин отношений шансов позволяет

³⁵ Вообще, эти коэффициенты можно было рассчитать на основе отношений шансов РР и ОР относительно ИА, но для удобства анализа, наглядности результатов, а также оценки статистической значимости коэффициентов был проведен отдельный расчет модели и референтным значением РР.

оценить, насколько значимо влияние каждого из факторов и как оно соотносится с влиянием других факторов. Следует отметить, что в рамках регрессионных моделей при анализе каждого из факторов остальные принимаются постоянными, т.е. не оказывают влияния на вариацию зависимого признака.

Первые модели как основанные на количественных показателях предыдущей репродуктивной истории, так и на качественных характеристиках наличия или отсутствия определенных событий, показывают, что вероятность рождения ребенка по сравнению с вероятностью выбора искусственного прерывания беременности растет с ростом желаемого числа детей, с увеличением порядкового номера беременности (в случае если в модели использованы количественные показатели репродуктивной истории). При этом рост числа имеющихся детей, также как и рост числа совершенных аборт, снижает отношение вероятности рождения ребенка против аборта почти в 3 раза (отношения шансов 0,349 и 0,387 соответственно). В моделях с качественными характеристиками предыдущей истории беременностей значимыми предикторами остаются желаемое число детей (с его увеличением на 1 отношения шансов рождения против аборта увеличивается в 1,329 раз), а также сохраняется негативное влияние наличие детей и наличия опыта аборт.

Любопытно, что согласно модели, негативное влияние наличия детей больше, чем опыта аборт, если в семье уже есть хотя бы один ребенок, отношение шансов рождения против аборт снижается в 0,245 раз, а если есть опыт совершения аборт, то в 0,497 раз. Такой результат наглядно подтверждает массовое распространение малодетного образа жизни, когда рождение хотя бы одного ребенка значительно увеличивает шанс аборта при следующих беременностях.

Модели для анализа вероятности отсутствия рождения по сравнению с искусственным аборт в целом повторяют модели для рождения ребенка, так как самопроизвольное прерывание беременности не является решением женщины, в то время как совершение аборта происходит при сознательном участии потенциальной матери. Однако интересен анализ вероятности отсутствия рождения по сравнению с рождением живого ребенка, который представлен в третьих моделях (модели 1.3 и 2.3). Как показали результаты анализа и той, и другой модели, в случае измерения численных показателей репродуктивной истории, также как и при использовании качественных индикаторов событий, значимое влияние на отношение вероятностей рождения ребенка и прерывания беременности в связи с медицинскими причинами (выкидыш, внематочная беременность, рождение мертвого ребенка) имеют

лишь два фактора – наличие опыта отсутствия рождений в прошлом и желаемое число детей. Так, с увеличением числа невыношенных беременностей (включая мертворождения) на 1 отношение шансов отсутствия рождения по сравнению с рождением ребенка увеличивалось в 1,514 раз, а в целом опыт невынашивания (хотя бы единичный случай) приводил к увеличению отношения шансов в 1,667 раз. Иными словами, если в предыдущей репродуктивной истории женщины встречался хотя бы один случай выкидыша, мертворождения или внематочной беременности, то вероятность отсутствия рождения, т.е. потери беременности, увеличивалась в 1,6 раз. Эти результаты в целом соответствуют данным медицинской статистики, которая в качестве одного из главных факторов невынашивания выделяет именно опыт предыдущих самопроизвольных абортов³⁶.

Если соответствие данным медицинской статистики говорит в пользу достоверности исследований и применяемых методов анализа, то с социологической точки зрения более интересна взаимосвязь желаемого числа детей и вероятности потери беременности. Так, по результатам данного исследования, рост желаемого числа детей на 1 приводит к уменьшению шанса отсутствия рождения в 0,9 раз (в обеих моделях данные показатели практически равны и статистически значимы). Такой результат говорит о влиянии поведенческого фактора на исходы беременности. По всей видимости, женщины с более высокими репродуктивными установками, имеющие более высокие ценности детей, семейно-детного образа жизни, ведут более здоровый и безопасный образ жизни во время беременности, возможно, они в большей степени психологически настроены на беременность и последующее рождение, испытывают в целом меньше сомнений о том, сохранять ли данную беременность, что в итоге приводит к снижению вероятности отсутствия рождения. Этот результат видится интересным с точки зрения дальнейшего анализа и выявления конкретных поведенческих паттернов или психологических установок, которые приводят к более здоровому течению беременности и большей вероятности ее сохранения.

Ограничения и перспективы дальнейших исследований

В заключение необходимо остановиться на ограничениях описанного исследования и наметить пути дальнейшей работы над исследованием факторов репродуктивного поведения.

³⁶ Подробнее об этом: *García-Enguñdanos A., Calle M.E., Valero J., Luna S., Domínguez-Rojas V.* Op. cit. P. 111.

В первую очередь надо отметить, что в связи с объективными ограничениями анкет исходных исследований не удалось провести анализ, учитывающий влияние возраста, образования, семейного и социального положения женщин на момент каждой беременности. Получение столь подробной информации затруднено, во-первых, в связи с большими временными затратами, которые нужны для подробного опроса по всем беременностям (а их общее число доходит иногда до 16). Во-вторых, надежность данных, полученных на основе ретроспективных оценок респондентов, вызывает сомнения, и поэтому реально с достаточной степенью уверенности можно говорить лишь о самых общих, фактических данных (возраст, образование, семейное положение). Остальные поведенческие и психологические факторы могут быть исследованы только в рамках лонгитюдных исследований, в процессе которых женщины будут опрашиваться несколько раз в течение и после окончания беременности по сопоставимому набору вопросов.

Вторым ограничением представленных результатов является нерепрезентативность исходной базы репродуктивных историй для всех женщин России. Это ограничение не было принципиальным для оценки влияния предыдущей истории, на вероятности того или иного исхода, однако оно ограничивает возможности общего описания репродуктивного поведения россиянок. Таким образом, в перспективе проведение похожего исследования, но с расширенным блоком вопросов об обстоятельствах беременности, а также на основе репрезентативной выборки женщин, видится весьма интересным и перспективным в свете необходимости разработки мер, направленных на увеличение вероятности рождений как за счет изменения поведения (отказ от искусственных абортов), так и за счет улучшения здоровья женщин и их самосохранительного поведения во время беременности, чтобы снизить вероятность самопроизвольных абортов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980.

Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Уч. пособ. М., 1998.

Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. № 1.

Антонов А.И., Грудина Т.Н. Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социолого-демографических исследований Москва–1976, Россия–2000 и Россия–2014) // Экономические стратегии. 2015. № 5–6. С. 2–9.

Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.

Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л. Результативность демографической политики России. М., 2016.

Бантьева М.Н. Состояние проблемы аборт в России в динамике за 2008–2015 гг. // Акушерство, гинекология и репродукция. 2016. № 3. С. 47–52.

Гланц С. Медико-биологическая статистика. М., 1998. С. 105–116.

Данные отдела народонаселения ООН. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/fertility/wfd2015.shtml>

Демографический ежегодник России 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm

Демография, учебник для высших учебных заведений // Под ред. Н.А. Волгина, Л.Л. Рыбаковского. М., 2003. Гл. 5.

Микроперепись населения России 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

Минздрав выступил против исключения аборт из ОМС // Информационное агентство России. ТАСС. 2016. 8 дек. URL: <http://tass.ru/obshchestvo/3853824>

Неразвивающаяся беременность. Методические рекомендации МАРС (Междисциплинарной ассоциации специалистов репродуктивной медицины). М., 2015.

Новосёлова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. URL: <http://www.socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/1/06.pdf>

Оперативные данные Федеральной службы государственной статистики на январь 2018 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2017/demo/edn12-17.htm

Репродуктивное здоровье населения России 2011. Резюме отчета. ЮНФПА, 2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdravo-2011.pdf

Репродукция и аборты. Опрос Аналитического центра Юрия Левада 2–6 марта 2017 г. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/20/reproduksiya-i-aborty/>

Сакевич В.И. От аборта к контрацепции // Демоскоп Weekly. 2016. № 687–688. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema01.php>

Синельников А.Б. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0725/tema01.php>

Стародубов В.И., Суханова Л.П., Сыченков Ю.Г. Репродуктивные потери как медико-социальная проблема демографического развития России // Электронный научный журнал “Социальные аспекты здоровья населения”. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/367/30/lang.ru/>

Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” от 21.11.2011 № 323-ФЗ, ст. 56. URL: <http://fzrf.su/zakon/obohrane-zdorovya-grazhdan-323-fz/st-56.php>

Федеральный закон от 28 декабря 2017 года № 418-ФЗ “О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей”. URL: <https://rg.ru/2017/12/29/fz418-site-dok.html>

Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 30.12.2015) “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей”

(с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). URL: http://www.pfrf.ru/info/order/mother_fam_capital~1589

Щербакова Е.М. Россия в демографически изменяющемся мире // Демо-скоп Weekly. 2017. № 749–750. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0749/barom01.php>

REFERENCES

Antonov A.I. Sociologija rozhdajemosti. M., 1980. S. 97 (in Russian).

Antonov A.I. Mikrosociologija sem'i (metodologija issledovanija struktur i processov): Uchebn. Posobie dlja VUZov. M., 1998. S. 94–134 (in Russian).

Antonov A.I. Krizis familisticheskoj civilizacii v XXI veke // Jekonomicheskie strategii. 2016. N 1 (in Russian).

Antonov A.I., Grudina T.N. Snizhenie social'nyh ustanovok na chislo detej v rossijskoj sem'e (po dannym sociologo-demograficheskikh issledovanij Moskva-1976, Rossiya-2000 i Rossiya-2014) // Jekonomicheskie strategii. 2015. N 5–6. S. 2–9 (in Russian).

Arhangel'skij V.N. Reproduktivnoe i brachnoe povedenie // Sociologicheskie issledovanija. 2013. N 2. S. 129–136 (in Russian).

Arhangel'skij V.N., Ivanova A.E., Rybakovskij L.L. Rezul'tativnost' demograficheskoj politiki Rossii. M., 2016 (in Russian).

Bant'eva M.N. Sostojanie problemy abortov v Rossii v dinamike za 2008–2015 gg. // Akusherstvo, ginekologija i reprodukcija. 2016. N 3. P. 47–52 (in Russian).

Dannye otdela narodonaselenija OON. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/fertility/wfd2015.shtml> (in Russian).

Demograficheskij ezhegodnik Rossii 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (in Russian).

Demografija, uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij / Pod red. N.A. Volgina, L.L. Rybakovskogo. M., 2003. Gl. 5 (in Russian).

Federal'nyj zakon "Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii" ot 21.11.2011 N 323-FZ st 56. URL: <http://fzrf.su/zakon/ob-ohrane-zdorovya-grazhdan-323-fz/st-56.php> (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 28 dekabnja 2017 goda N 418-FZ "O ezhemesjachnyh vyplatah sem'jam, imejushhim detej". URL: <https://rg.ru/2017/12/29/fz418-site-dok.html> (in Russian).

Federal'nyj zakon ot 29.12.2006 N 256-FZ (red. ot 30.12.2015) "O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imejushhim detej" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2016). URL: http://www.pfrf.ru/info/order/mother_fam_capital~1589 (in Russian).

García-Enguádanos A., Calle M.E., Valero J., Luna S., Domínguez-Rojas V. Risk factors in miscarriage: a review // European Journal of Obstetrics & Gynecology and Reproductive Biology. 2002. May 10. N 102(2). P. 111.

Glanc S. Mediko-biologicheskaja statistika. M., 1998. S. 105–116.

Infante-Rivard C., Gauthier R. Induced abortion as a risk factor for subsequent fetal loss // Epidemiology. 1996. Sept. N 7 (5). P. 540–542.

Jones R.K., Kost K. Underreporting of induced and spontaneous abortion in the United States: an analysis of the 2002 national survey of family growth // *Studies in Family Planning*. 2007. N 38. P. 187–197. DOI: 10.1111/j.1728-4465.2007.00130.x

Leontine A., Kantorova V., Menozzi C., Biddlecom A. National, regional, and global rates and trends in contraceptive prevalence and unmet need for family planning between 1990 and 2015: a systematic and comprehensive analysis // *The Lancet*. 2013. 12 March.

Mikroperepis' naselenija Rossii 2015. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (in Russian).

Minzdrav vystupil protiv iskljuchenija abortov iz OMS, Informacionnoe agentstvo Rossii. TASS, 8 dekabnja 2016. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3853824> (in Russian).

NCHS, National Survey of Family Growth, 2006–2010. URL: https://www.cdc.gov/nchs/nsfg/nsfg_products.htm

Nerazvivajushhajasja beremennost'. Metodicheskie rekomendacii MARS (Mezh- disciplinarnoj asociacii specialistov reproduktivnoj mediciny). M., 2015 (in Russian).

Novoselova E.N. Dobrovol'naja bezdetnost' kak ugroza demograficheskoy bezopasnosti Rossii. URL: <http://www.socio.msu.ru/vestnik/archive/text/2012/1/06.pdf> (in Russian).

Operativnye dannye Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki na janvar' 2018 goda. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2017/demo/edn12-17.htm (in Russian).

Reprodukcija i aborty. Opros Analiticheskogo centra Jurija Levada 2-6 marta 2017 goda. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/20/reprodukcija-i-aborty/> (in Russian).

Reproduktivnoe zdorov'e naselenija rossii 2011. Rezjume otcheta. JuNFPA, 2012. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdravo-2011.pdf (in Russian).

Sakevich V.I. Ot aborta k kontracepcii // *Demoskop Weekly*. 2016. N 687–688. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema01.php> (in Russian).

Shherbakova E.M. Rossija v demograficheski izmenjajushhemsja mire // *Demoskop Weekly*. 2017. N 749–750. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0749/barom01.php> (in Russian).

Sinel'nikov A.B. Brachnost' i rozhdzaamost' bez dvojnynh gendernyh standartov // *Demoskop Weekly*. 2017. N 725–726. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0725/tema01.php> (in Russian).

Starodubov V.I., Suhanova L.P., Sychenkov Ju.G. Reproductivnye poteri kak mediko-social'naja problema demograficheskogo razvitija Rossii // *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal "Social'nye aspekty zdorov'ja naselenija"*. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/367/30/lang,ru/> (in Russian).

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017). *World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables*. ESA/P/WP/248. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/index.shtml>

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-87-107

ГЛОБАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ АФРИКИ*

Е.Н. Новосёлова, канд. социол. наук, доц., зам. зав. кафедрой социологии семьи и демографии по научной работе социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

А.В. Лядова, канд. ист. наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234***

В статье рассматриваются основные тенденции и прогнозы развития Африки на современном этапе. В качестве ключевого фактора, угрожающего как настоящему, так и будущему региона, авторы выделяют глобальное неравенство, подчеркивая его комплексное, всеобъемлющее влияние на развитие Африканского континента. В работе проанализированы отдельные аспекты и статистические характеристики неравенства в Африке: проблемы бедности, дефицит ресурсов (продовольствия, “водный кризис”), которые уже сегодня наряду с экологическими бедствиями стали мощным тормозом развития для африканского населения. Также авторами проведен комплексный анализ современных и прогнозных демографических показателей, на основании чего выявлена роль Африки как одного из “демографических гигантов” в будущих мировых демографических процессах. Дана оценка развития миграционных процессов из Африки в страны Европейского союза и перспектив увеличения потока мигрантов из стран Африки в Россию. Как следствие влияния глобального неравенства, демографического фактора в совокупности с неблагоприятным воздействием окружающей среды, авторы указывают на крайний низкий уровень жизни, проблемы стихийной урбанизации. Однако несмотря на то что Африка в начале XXI в. ассоциируется с конфликтами (межгосударственные и гражданские войны, межэтнические столкновения), неуправляемой миграцией, непреодолимой нищетой, экологическими катастрофами, голодом, смертоносными болезнями, производством и вывозом наркотиков, авторы отмечают, что интерес к Африке со стороны мирового, прежде всего, экономического, сообщества, существенно возрастает в третьем тысячелетии, что, по мнению авторов, вызывает необходимость взвешенной оценки основных рисков и выгод развития российско-африканских отношений на современном этапе, при планировании которых

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”, проект № 18-011-01106.

** Новосёлова Елена Николаевна, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

*** Лядова Анна Васильевна, e-mail: annaslm@mail.ru

необходимо учитывать, как огромный природно-ресурсный и демографический потенциал Африки, так и глобальные вызовы и угрозы, которые он несет.

Ключевые слова: неравенство, Африка, экология, гуманитарная катастрофа, демографический взрыв, социальное неравенство, бедность, миграция, урбанизация.

GLOBAL INEQUALITY AND THE MAIN TRENDS IN DEVELOPMENT OF AFRICA NOWADAYS

Novoselova Elena N., Associate Professor, PhD in Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: alena_n_@mail.ru, nauka@socio.msu.ru

Liadova Anna V., Associate Professor, PhD in History, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: annaslm@mail.ru

The article examines the main trends and forecasts of Africa's development. The global inequality is seen by the authors as a key factor threatening the continent today and the future. As it shows by the authors, the global inequality influences on the development of Africa differently: by social, economical, ecological, political aspects. The certain aspects and statistical characteristics of inequality such as poverty, resources' deficit (food shortages and water crisis) are analyzed by the present study. Degradation of the environment is happening due to the irrational use of nature that becomes an inhibitory factor in development of the African continent. A comprehensive analysis of current and forecasted demographic indicators has been carried. Africa's role in the future demographic processes has been characterized, considering that the continent is of the rising "demographic giants". Migration processes from Africa to the European Union countries has been assessed, as well as the prospects of an increasing inflow of migrants from Africa to Russia. As a consequence of demographic influence together with the adverse environmental impact, the authors point to extremely low standard of living, social inequality, disordered urbanization. However, despite the fact that Africa in the early 21st century is associated with conflicts (inter-state and civil wars, inter-ethnic clashes), uncontrolled migration, insurmountable poverty, environmental disasters, hunger, deadly diseases, drug production and export, the authors note that global interest in Africa and the economic community first of all significantly increases in the third millennium. It is concluded that there is a need for a balanced assessment of the main risks and benefits of Russian-African relations at the present stage. Future planning of Russian-African relations must to take into account both the tremendous natural resources and demographic potential of Africa together with the global challenges and threats it bears.

Key words: inequality, Africa, ecology, humanitarian catastrophe, population explosion, social inequality, poverty, migration, urbanization.

В 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята “Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам”, ставшая отправной точкой в процессе образования независимых государств на территории африканского континента. В 1960 г., провозглашенном “годом Африки”, на карте мира появились 17 независимых стран. За более чем полувековое развитие, их число выросло до 55. Сегодня Африка – динамично развивающийся континент. Она обладает огромным природно-ресурсным потенциалом и быстро растущим и качественно меняющимся молодым населением. Если еще совсем недавно Африка практически не оказывала сколь-нибудь значительного влияния на мир, то в последние два десятилетия ее роль существенно возросла. Более того, в связи с дальнейшим обострением сырьевого и энергетического кризиса эксперты прогнозируют усиление позиций Африки как региона, обладающего значительными природными ресурсами¹. В 2011 г. на международном саммите в Довиле континент был назван “новым полюсом мирового развития”².

Однако несмотря на оптимистичные прогнозы сегодня развитие африканского континента связано с целым рядом серьезных проблем, составляющих предмет активных дискуссий и участия мирового сообщества. Как отмечает Л.Л. Фитуни, заместитель Директора Института Африки РАН, на протяжении последних 12 лет африканский вопрос является отдельным обязательным пунктом повестки дня всех саммитов и встреч мировых лидеров³.

Несмотря на бурные темпы процесса оформления политической системы на территории бывших западных колоний в Африке, в социально-экономическом развитии континент испытывает серьезные трудности, связанные с отсталостью, низким качеством жизни, бедностью, экологическими проблемами.

В 2001 г. на саммите Организации африканского единства была принята стратегия “НЕПАД” – “Новое партнерство в интересах развития Африки”, направленная на решение ключевых проблем Африки: экологии, нищеты, нехватки продовольствия, формирования механизмов устойчивого развития континента. Однако спустя уже шестнадцать лет ее реализации Африка по-прежнему представляет собой, наряду с Ближним Востоком, один из проблемных регионов мира, несущий как определенные выгоды, на-

¹ Материалы круглого стола “Африка – сегодня: проблемы и перспективы развития” // Международная жизнь. Спецвыпуск. 2013. № 6. URL: <https://interaffairs.ru/i/Afrika.pdf> (дата обращения: 20.03.2017)

² Там же.

³ Там же.

пример, связанные с источниками дешевого сырья, так и потенциальные угрозы и риски.

Африка является давним стратегическим партнером России. И в последние годы отношения между странами носят динамичный характер, по этой причине возрастает актуальность изучения этого континента. Несмотря на обилие российской исследовательской литературы, посвященной изучению проблем Африки, отсутствует единая позиция по поводу того, считать ли Африку “безнадежным континентом” или “материком надежды”, вследствие чего закономерно возникает вопрос о соотношении рисков и пользы включения России в сферу активного сотрудничества со странами этого региона.

Цель настоящего исследования – провести комплексный анализ развития африканского континента как региона, сочетающего в себе огромный ресурсный потенциал и социально-экономическую отсталость, что порождает большое количество социально-экономических, экологических, гуманитарных, демографических и других проблем, решать которые предстоит всему мировому сообществу, в том числе и России.

В соответствии с данной целью ставятся следующие задачи исследования:

- определить ключевые факторы и закономерности современного развития африканского континента;
- дать анализ преобладающих рисков в развитии современной Африки и их последствий в будущем, в том числе для России.

В основу работы положены современные методики сравнительных исследований и системного анализа, применен общенаучный методологический подход, а также использованы методы эколого-географического и демографического анализа.

Экологические риски развития Африки

История развития современной Африки насчитывает уже более полувека. За этот период в регионе произошли серьезные изменения, последствия которых оказались неоднозначными.

В чем же причины столь сложного пути развития африканских государств? По мнению экспертов, ключевым для Африки был и остается экологический аспект, т.е. фактор окружающей среды⁴.

⁴ *Emeka Polycarp Amechi. Poverty, socio-political factors and degradation of the environment in Sub-Saharan Africa: the need for a holistic approach to the protection of the environment and realization of the right to environment // Environment and Development Journal. 2009. Vol. 5(2). P. 10–120. URL: <http://www.lead-journal.org/content/09107.pdf> (accessed: 05.04.2017).*

Являясь вторым по площади континентом после Евразии, Африка представляет собой уникальную часть Земного шара. Здесь пересекается несколько климатических поясов: экваториальный, субэкваториальный, тропический, субтропический. На территории африканского континента расположены три пустыни: Сахара – на севере, Калахари – на юге, Намиб – на юго-западе. Климатическое разнообразие обуславливает биологическое богатство африканского континента. Африка знаменита своими полезными ископаемыми: богатейшими месторождениями алмазов (ЮАР, Зимбабве), золота (ЮАР, Гана, Мали, Республика Конго), бокситов (Гвинея, Гана), нефти (Нигерия, Алжир), металлосодержащих руд на севере континента⁵.

Однако природные богатства Африки не являются источником процветания ее населения. Более того, именно хозяйственная деятельность по их добыче и обработке составляет основной источник тех проблем, которые за последние три десятилетия находятся в центре внимания мировой общественности. Политика неокolonизма, пришедшая на смену колониальной системе, выражающаяся в поддержке горнодобывающих отраслей в интересах западных корпораций, привела к нерациональному использованию природных ресурсов Африки, их истощению, что вызвало деградацию окружающей среды континента. Можно смело констатировать, что Африканские страны стали экспериментальной площадкой для реализации идей и ценностей политики фундаментального неоллиберализма⁶.

Вплоть до начала XXI в. Африка являлась “мировой свалкой” химических, радиоактивных и токсичных отходов, что не могло не сказаться на состоянии ее экологии. Более 90% электроэнергии в Южной Африке поступает из угля, при производстве которого затрачивается огромное количество столь ценных для региона водных ресурсов.

Также несмотря на то что доля Африки по уровню вредных выбросов в атмосферу намного меньше, чем других континентов, она в силу своего особого расположения наиболее подвержена негативному воздействию глобального потепления. В первую очередь эксперты указывают на разрастание процесса опустынивания территории Африканского континента под влиянием климатических

⁵ Филиппов В. Африка в XXII веке // Мир через 100 лет: сборник статей / Предисл. И.С. Иванов. М., 2016. С. 184–197.

⁶ Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141.

изменений, следствием чего является формирование и обострение нескольких проблемных зон: нехватка воды и продовольствия, демография, качество жизни и миграционные процессы.

“Водный стресс” и голод

Несмотря на меры, предпринимаемые международным сообществом, по-прежнему актуальной для населения африканских стран остается проблема обеспечения водой. По данным Всемирной организации здравоохранения в Африке 319 миллионов человек к югу от Сахары не имеют доступа к воде⁷. В девяти странах Африки доступ к улучшенным источникам питьевой воды составляет менее 50%⁸.

Из-за нехватки водных ресурсов население этих регионов проживает в антисанитарных условиях. До сих пор дефекация в необорудованных местах и отсутствие элементарной гигиены (мытьё рук) являются актуальными среди жителей Африки. По данным ВОЗ ежегодно из-за плохой санитарии в Африке от диарейных заболеваний умирает 340 тысяч детей в возрасте до пяти лет, т.е. почти 1000 детей в день⁹. В настоящее время до двух третей сельского и четверти городского населения недостаточно обеспечены питьевой водой¹⁰.

Наряду с нехваткой воды актуальной является и проблема ее качества. Всемирная организация здравоохранения указывает целый спектр инфекционных заболеваний, таких как шистосомоз, гельминтоз, малярия, денге, дракункулез, развитие которых связано с качеством питьевой воды. Загрязненность воды вызвана не только отсутствием санитарии в большинстве регионов Африки, но и с нерациональным отношением к окружающей среде, в частности, выбросу промышленных отходов без предварительной очистки.

Наряду с “водным стрессом” население африканского континента испытывает острую нехватку продовольствия. Так, по данным ООН в 2011 г. в странах Африканского рога от голода умерли более 260 тысяч человек, причем больше половины из них – дети.

⁷ Financing Universal Water, Sanitation and Hygiene under the sustainable development goals. Un-Water Global Analysis and Assessment of Sanitation and Drinking Water (GLASS) 2017 report. Geneva, 2017. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/254999/1/9789241512190-eng.pdf?ua=1> (accessed: 20.05.2017).

⁸ Доклад ВОЗ/ЮНИСЕФ по доступу к воде и санитарии. 2015. URL: http://www.who.int/water_sanitation_health/monitoring/jmp-2015-key-facts/ru/ (дата обращения: 20.05.2017).

⁹ Там же.

¹⁰ *Никуличев Ю.В.* Глобальные климатические изменения: новые вызовы и география изменений. Специализированная информация: Аналит. записка. М., 2016.

В марте 2017 г. вследствие засухи и вооруженных конфликтов голодная смерть по прогнозам экспертов стала угрозой уже для одного миллиона детей. Особенно остро отсутствие продовольствия ощущается в таких странах, как Сомали, Южный Судан, Кения, Йемен, Нигерия¹¹.

Проблема голода в Африке вызвана не только климатическими изменениями, провоцирующими частые засухи, но и нерациональным использованием земельных ресурсов, ведущим к их деградации, хотя, безусловно, эти процессы взаимосвязаны. Для большинства африканских стран основой экономики является сельское хозяйство. Однако земли, пригодные для обработки, неравномерно распределены на территории континента, что приводит к их усиленной эксплуатации и, вследствие этого, истощению: развивается эрозия почвы, происходит ее засоление, уплотнение и в конечном итоге опустынивание.

Прогнозы на преодоление продовольственного кризиса в Африке неутешительны и из-за особенностей демографического развития африканского континента, темпы воспроизводства населения которого влекут за собой массу проблем для экологии континента, таких как расширение посевных площадей и пастбищ, рост числа городов, чрезмерное и нерациональное использование природных ресурсов.

Численность, структура и плотность населения Африки

Согласно статистическим данным численность населения Африки в 2016 г. составила 1216 млн человек (для сравнения в 1950 г. этот показатель составлял 228 млн человек, в 1980 – 478 млн человек)¹². За последние три десятилетия наблюдается рост населения африканского континента в среднем на 2,6% ежегодно (в сравнении – средний мировой прирост 1,5%). Эксперты отмечают, что население Африки продолжает расти, и по прогнозным оценкам в XXI в. ее ждет настоящий демографический взрыв, она станет единственным крупным регионом мира, сохранившим тенденцию к значительному росту населения (1,64% в год в 2050–2055 гг., 0,68% – в 2095–2100 гг.)¹³. К 2100 г. население континента

¹¹ Центр новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=27831#.WQhzkdLyIM8> (дата обращения: 21.03.2017).

¹² World Population Prospects // United Nations Department of Economic and Social Affairs. Population Division. 2015. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (accessed: 21.03.2017).

¹³ Шербакова Е. Население мира продолжит расти до конца века, наиболее быстро – в Африке // Демоскоп Weekly. 2015. № 663–664. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0663/barom02.php> (дата обращения: 05.04.2017).

может увеличиться почти в 4 раза и составит 4387 млн человек или 39,1% населения Земли (табл. 1). Таким образом, на африканские страны придется около половины общего прироста населения мира.

Таблица 1

Численность населения Африки (млн человек) и доля в населении мира (%)

Годы	1980	2015	2030	2050	2100
Численность населения	478	1186	1679	2478	4387
Доля в населении мира	10,8	16,1	19,8	25,5	39,1

Источник: World Population Prospects. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/>

Численность населения Африки довольно серьезно варьируется по странам: десять наиболее населенных регионов дают 61% численности ее населения и лишь 39% приходится на остальные вместе взятые¹⁴.

Ускоренный рост численности населения Африки вызван двумя основными причинами: во-первых, снижение смертности благодаря внедрению достижений медицины развитых стран в национальные системы здравоохранения (особенно это касается детской смертности); во-вторых, сохранение высокого уровня рождаемости, который обусловлен ранним материнством, отсутствием социального и медицинского контроля за рождаемостью. Как результат, уже во второй половине XXI в. по прогнозам ООН численность населения таких не самых больших африканских стран, как Кения и Уганда, превзойдет по численности население России, а население Нигерии к 2050 г. будет в 5 раз больше и уже к 2050 г. она станет третьей крупнейшей страной мира (после Индии и Китая)¹⁵. Россия же покинет десятку крупнейших стран мира и переместится на 14-е место.

По мнению экспертов, подобная “концентрация прироста населения в беднейших странах мира существенно осложняет решение задачи по искоренению бедности и неравенства, ликвидации голода и недоедания, обеспечения доступа к услугам образования, здравоохранения и надлежащих базовых условий проживания, которые являются неотъемлемыми элементами устойчивого развития”¹⁶.

Здесь необходимо отметить, что несмотря на колоссальный рост населения Африки, уровень рождаемости на континенте сни-

¹⁴ World Population Prospects.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Щербаклова Е. Указ. соч.

жается, и будет продолжать снижаться и далее, причем довольно быстрыми темпами. По прогнозам ООН, к 2050–2055 гг. он составит 2,96 детей на женщину, а в 2100 – 2,16, т.е. будет на уровне простого воспроизводства населения¹⁷. Однако по мнению экспертов, даже такого ускоренного снижения рождаемости скорее всего будет недостаточно для предотвращения масштабных гуманитарных катастроф, так как из-за накопленной демографической инерции в ближайшие полвека так или иначе произойдет удвоение населения континента¹⁸. Сегодня рождаемость в целом по Африканскому континенту составляет 4,41 ребенка на женщину, страны с самой высокой рождаемостью: Нигер – 7,63; Сомали – 6,61, Мали – 6,35¹⁹. Такая ситуация связана, прежде всего, с низким уровнем использования противозачаточных средств: лишь 33% африканских женщин, состоящих в браке или партнерстве, используют тот или иной метод контрацепции. В таких странах, как Чад, Гвинея и Южный Судан, процент использующих контрацепцию женщин еще ниже²⁰.

В тесной связи с главным фактором естественного движения населения – рождаемостью – находится возрастная структура, которая довольно серьезно разнится по странам Африки, хотя большинство из них отличается высокой долей детей до 14 лет (около 40% в целом по региону), и молодежи в возрасте 15–24 года (20%). Таким образом, наиболее активно растущей возрастной группой является трудоспособное население (25–64 года), которое на сегодняшний момент составляет 36,5% от общей численности населения. По прогнозам экспертов, данная возрастная группа будет расти и далее и составит в 2025 г. 38,5%, а в 2050 – 43,7%. Данная статистика говорит не в пользу развитых стран, где все очевидней становится тенденция старения населения, дальнейшее развитие которой по прогнозам Всемирной организации здравоохранения к 2050 г. может привести к тому, что доля пожилых людей в возрастной структуре будет составлять до 80%²¹. Поэтому очевидно, что молодое население африканского континента несет в себе значи-

¹⁷ World Population Prospects.

¹⁸ *Коротаев А.В., Зинькина Ю.В.* Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4.

¹⁹ World Population Prospects.

²⁰ *Сакевич В.* Тенденции использования контрацепции в мире // Демоскоп Weekly. 2016. № 671–672. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0671/reprod01.php>

²¹ Всемирная организация здравоохранения. Всемирный доклад о старении и здоровье. 2015. URL: <http://www.who.int/ageing/publications/world-report-2015/ru/> (дата обращения: 12.04.2017).

тельный потенциал как для самого региона в аспекте прироста населения из-за высокой доли в популяции женщин детородных возрастов, так и для мирового развития с точки зрения его трудовых возможностей.

Бедность, социальное неравенство и качество жизни

Как известно, бедность – не порок, но в отношении Африки стоит дополнить этот сокращенный вариант пословицы словами В.И. Даля – “а вдвое хуже”, так как сегодня состояние крайне нужды представляет прямую угрозу жизни, здоровью, развитию всего африканского населения.

Согласно мониторингу Всемирного банка, по данным 2012 г. у 43% населения Африки доход составлял менее 1,90 долларов в день, что дает основания рассматривать данный показатель как уровень чрезвычайной бедности²². Следует отметить, что благодаря усилиям мирового сообщества по борьбе с бедностью за последние десятилетия уровень крайней бедности в Африке несколько снизился. Однако наряду с этим обращает внимание обратная тенденция – рост числа бедных слоев населения: так, по сравнению с 1990 г., когда их в среднем насчитывалось около 280 млн человек, в 2012 г. этот показатель вырос до 330 млн. Причем в условиях чрезвычайной бедности проживает население 15 африканских стран. Так, для подавляющего большинства жителей Центральной Африканской Республики (70%), Замбии (63%), Буркина-Фасо и Нигерии (57%) прожиточный уровень в день составляет менее 1 доллара в день²³.

Необходимо подчеркнуть, что, хотя большинство жителей африканского континента живет в условиях крайней бедности, тем не менее, в Африке по данным Forbes в 2015 г. насчитывалось 20 миллиардеров²⁴. Эти данные свидетельствуют о глубине социального неравенства, что, безусловно, является еще одной проблемной зоной этого региона.

Следует отметить, что так называемый многомерный индекс бедности (Multidimensional Poverty Index) является комплексным показателем, при расчете которого учитывается не только уровень

²² *Kathleen B., Christiaensen L., Dabalen A., Gaddis I.* Poverty in a rising Africa, Africa poverty report. Washington, 2016.

²³ *Шумов В.Н.* Социальные проблемы Африки южнее Сахары // Мировое и национальное хозяйство. 2006. № 1. URL: <http://mirec.ru/2006-01/socialnye-problemy-afriki-uznee-sahary> (дата обращения: 05.04.2017).

²⁴ *Kathleen B., Christiaensen L., Dabalen A., Gaddis I.* Op. cit.

доходов, но и доступность образования и медицинских услуг²⁵. Несмотря на то что по сравнению с 1995 г. уровень грамотности среди взрослых повысился, тем не менее, немногим более половины жителей Африки знакомы с основами образования²⁶. Кроме того, наблюдается проблема гендерного неравенства в получении образования, возникающая в результате того, что в условиях распространения традиционного способа ведения домашнего хозяйства в нем активно используется труд девочек. По данным Всемирного банка, на 100 мальчиков, получающих начальное образование, приходится лишь 83 девочки²⁷.

Не более оптимистично обстоят дела и в сфере здравоохранения. Несмотря на значительную гуманитарную помощь международного сообщества, в первую очередь, Всемирной организации здравоохранения, доступность медицинских услуг пока остается недостижимой для широких слоев населения. Так, по данным экспертов на одну тысячу человек приходится 0,1 врач и 1,1 места в стационарных медицинских учреждениях²⁸. Крайне низкий уровень профилактики различных заболеваний: так, менее 58% детей до одного года получают необходимые вакцины. По данным экспертов более 40 млн африканцев являются носителями ВИЧ-инфекции, 4 млн – туберкулеза²⁹. Распространенность инфекционных заболеваний оказывает негативное влияние на продолжительность жизни населения Африки, где она составляет в лучшем случае 59,5 года³⁰.

В свете демографической статистики особый интерес вызывают вопросы материнства и детства. И здесь стоит обратить внимание на два аспекта: с одной стороны, это высокая материнская и детская смертность, с другой – неконтролируемая рождаемость и раннее материнство. Несмотря на то что сегодня Африка добилась довольно значительных успехов в снижении детской (в возрасте до 5 лет) и младенческой (на первом году жизни) и неонатальной (в первые 28 дней жизни) смертности, тем не менее, каждый год в Африке около миллиона младенцев рождаются мертвыми, из них приблизительно 300 тысяч умирают во время родов. Еще 1,16 млн

²⁵ *Alkire S., Santos M.E.* Acute multidimensional poverty: a new index for developing countries // Oxford Poverty & Human Development Initiative Working Paper. 2010. July. N 38. С. 1–139. URL: <https://www.ophi.org.uk/wp-content/uploads/ophi-wp38.pdf> (accessed: 05.04.2017).

²⁶ Образование в Африке. М., 2013.

²⁷ *Деминцева Е.Б.* Образование в Африке: проблемы, развитие, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4.

²⁸ *Шитов В.Н.* Указ. соч.

²⁹ Материалы круглого стола...

³⁰ *Щербакова Е.* Указ. соч.

детей умирают в первый месяц жизни, около половины из них в первый же день после рождения³¹. Показатели детской смертности также все еще очень высоки, 3,3 млн детей умирают, не дожив до своего пятилетия. В Африке к югу от Сахары один ребенок из десяти умирает в возрасте младше пяти лет, что в 15 раз больше, чем в развитых странах³².

Как известно, состояние здоровья ребенка напрямую зависит от качества жизни матери во время беременности. В большинстве африканских стран условия жизни матерей ужасающие. “В Западной и Центральной Африке, в среднем, одна женщина из 30 умирает от осложнений беременности и родов, в Сомали — одна из 18. Это более чем в 100 раз выше, чем в развитых странах”³³. Около 70% случаев материнской смертности приходится на страны Африки, расположенные к югу от Сахары, только на одну Нигерию приходится почти пятая часть всех случаев материнской смерти во всем мире³⁴. Около 2% случаев материнской смертности в Африке связано с ВИЧ-инфекцией, в некоторых же странах этот показатель значительно выше. Так, в Свазиленде он равен почти 20%, в Ботсване — 18%, в Лесото — 13%, в Мозамбике — 11%³⁵. Около 70% вновь инфицированных людей проживают к югу от Сахары³⁶. На этот регион приходится также почти две трети общего глобального числа новых ВИЧ-инфекций³⁷. Несмотря на ужасающие цифры с начала 2000-х гг. среди взрослого населения на 34% снизилось годовое число новых случаев ВИЧ-инфекции, что дает надежду на то, что худшее уже позади.

Таким образом, вышеприведенные данные свидетельствуют в целом о гуманитарной катастрофе Африканского континента.

³¹ World Population Prospects.

³² Ibid.

³³ *Сакевич В.* В каких странах созданы наилучшие условия для материнства? // Демоскоп Weekly. 2015. № 647–648. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0647/rep01.php> (дата обращения: 05.04.2017).

³⁴ *Шербакова Е.* Материнская смертность снизилась до 216 случаев на 100 тысяч родившихся живыми // Демоскоп Weekly. 2016. № 673–674. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0673/barom06.php> (дата обращения: 04.04.2017).

³⁵ Там же.

³⁶ Доклад ЮНЭЙДС о глобальной эпидемии СПИДА. Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИДУ (ЮНЭЙДС). 2013. URL: http://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/UNAIDS_Global_Report_2013_ru_1.pdf (дата обращения: 05.04.2017).

³⁷ *Дементьева А.* Эпидемия ВИЧ в мире идет на спад, в России — растет // Русская служба Би-би-си. 2011. 22.11. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2011/11/111121_unaids_report_russia.shtml (дата обращения: 04.04.2017).

Африка – регион ускоренной урбанизации

Рост населения африканского континента сопровождается незапланированной урбанизацией и крайне неравномерным расселением, причем как на уровне региона в целом, так и на уровне отдельных стран. Средняя плотность населения Африки на 2016 г. 42 человека на 1 км². Наибольшая плотность населения зарегистрирована в небольшом островном государстве Маврикий – 629,3 человек/км². В число наиболее населенных стран входят Руанда (481 человек/км²), Бурунди (449,9 человек/км²) и Нигерия (205,3 человек/км²). Огромные регионы Сахары, Калахари, Намибии, котловина Конго и некоторые другие заселены крайне мало: здесь плотность населения составляет 1–2 человека/км², причем есть районы, где вообще никто не живет.

Что касается урбанизации, то несмотря на самые высокие в мире темпы роста городского населения (с 26,7% в 1980 г. до 40,4% в 2015 г.), Африка уступает многим регионам по доле городского населения и считается наименее урбанизированным континентом мира. Хотя темпы урбанизации континента снижаются, эксперты прогнозируют, что к 2050 г. около 56% населения Африки будут городскими. Сегодня развитие инфраструктуры городов не успевает за их стремительным ростом, что порождает сложные социально-экологические проблемы.

Особой остроты проблемы урбанизации достигают в таких огромных мегаполисах Африки, как Каир, Киншаса и Лагос, которые “стремительно разрастаются и являются крупнейшими в мире. Если в 2007 г. в Каире проживали 11,9, в Лагосе – 9,6, а в Киншасе – 7,8 млн человек, то к 2015 г. численность жителей там составит уже порядка 13,4, 12,4 и 11,3 млн, соответственно. Прогнозы показывают, что Киншаса станет к 2025 г. самым большим мегаполисом континента с населением в 16,7 млн человек”³⁸.

Урбанизация в Африке во многом происходит за счет расширения территорий городских трущоб. Около 60% городского населения Западной и более 70% Центральной Африки проживает в трущобах, которые довольно часто являются зонами, закрытыми для местных органов безопасности, населены городской беднотой, безработной молодежью, представляющей источник “кадров” для преступных банд, наркоторговцев и т.д.³⁹ Крупнейшие городские

³⁸ *Одинцов В.* О влиянии урбанизации на обстановку в странах Африки // Электронно-аналитический журнал “Новое Восточное Обозрение”. 2013.12.28. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/12/28/o-vliyanii-urbanizatsii-na-obstanovku-v-stranah-afriki/> (дата обращения: 04.04.2017).

³⁹ *Щербакова Е.* 35% городского населения мира живет в трущобах, 24% без надлежащего санитарного благоустройства // Демоскоп Weekly. 2012. № 507–508. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom03.php> (дата обращения: 06.04.2017).

трущобы в Африке, которые находятся в трех милях от центра столицы Кении – Найроби, носят названия Кибера. В этом “городе из консервных банок” живет около миллиона человек с доходом меньше, чем 1 долл. в день.

Жители “африканских трущоб” особенно уязвимы перед негативным воздействием на здоровье быстрой урбанизации и экологических проблем континента. Для подобного рода поселений чаще всего характерны отсутствие безопасной питьевой воды, электричества, канализации, ужасающие жилищные условия, антисанитария, хаотичная утилизация бытовых и промышленных отходов, загрязнение воздуха и воды, перенаселенность. Подобные условия плодят холеру, малярию, денге, желтую лихорадку, которые, учитывая высокую плотность населения, моментально распространяются. Смертность в трущобах в 2,5 раза превышает аналогичные показатели в других районах города⁴⁰.

Африканская миграция в Европу: вызовы и уроки для России

Стремительный рост населения Африки на фоне стареющего и депопулирующего населения Европы, экономические проблемы, стихийные бедствия, вооруженные конфликты, репрессии и голод вследствие перманентных гражданских войн приводят к тому, что миллионы людей фактически поставлены на грань физического выживания и не имеют другого выхода, кроме как бежать, и бегут они в основном в Европу, миграционное давление на которую сегодня идет по нарастающей. В настоящее время европейские страны, ранее благополучно справлявшиеся с миграционными потоками, столкнулись с глобальным миграционным кризисом, который Еврокомиссия уже признала крупнейшим со времен Второй мировой войны.

Европейский миграционный кризис имеет целый ряд негативных последствий. Прежде всего, кризис с беженцами раскалывает Европу, возникает проблема, связанная с непропорциональным распределением мигрантов между странами ЕС. Беженцы вызывают у европейцев неоднозначную реакцию. С одной стороны, они им сочувствуют и считают себя обязанными принимать людей, бежавших от войны, нищеты и голода, им не хочется показаться не демократичными и не толерантными, они согласны с тем, что отношение к мигрантам – мера цивилизованности государства. Но, с другой стороны, они уже устали жалеть мигрантов, хотят сохра-

⁴⁰ Commission on social determinants of health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Geneva, 2008. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/43943/5/9789244563700_rus.pdf (accessed: 06.04.2017).

нить свой привычный уклад жизни и опасаются за собственную безопасность. Наконец, самой сложной проблемой является то, что миграционный кризис ставит под угрозу существование Шенгенской зоны. Помимо вышеназванных проблем, следует остановиться также на том, что мигранты могут вернуть на континент практически изжитые болезни и принести новые заболевания, о чем свидетельствует вспыхнувшая на юге Италии эпидемия кори. Актуализируется статистика по ВИЧ-инфицированным за счет въезжающих. Поток беженцев слишком большой для того, чтобы на должном уровне проводить медицинский осмотр и делать анализы, в больницы отправляют в основном людей с явными признаками нездоровья. Сколько больных среди беженцев и каков полный список возможных заболеваний, переносимых мигрантами, не может сказать даже Международный красный крест.

Коснется ли европейский миграционный кризис России? Сегодня выходцы из стран Африки являются незначительным меньшинством среди проживающих в России мигрантов. Очевидно, как считают эксперты, что ни по численности, ни по значимости — силе воздействия на российское общество — они и в обозримом будущем не смогут встать в один ряд с мигрантами из бывших советских республик⁴¹. Однако чистый приток африканцев в РФ постоянно растет. Так, по данным ФМС с 2000 по 2011 г. число африканцев на территории России увеличилось почти в 10 раз — с 10 до 100 тыс. человек⁴². И это только официальные данные, с учетом глобальных миграционных тенденций можно не сомневаться в том, что он будет увеличиваться и в дальнейшем, Россия может стать если не основным, то одним из ключевых направлений.

Заключение

На основании результатов проведенного анализа, становится очевидным, что ключевым фактором, определяющим развитие современной Африки, является глобальное неравенство, оказывающее комплексное воздействие на развитие африканского континента, что провоцирует политические, социальные, экономические, экологические риски. Несмотря на огромные природные ресурсы африканское население уже довольно долго существует в состоянии гуманитарного коллапса, вызванного проблемами бедности, дефицитом ресурсов, распространением инфекционных заболеваний. Действие указанных факторов усиливается спецификой демогра-

⁴¹ *Абрамова И.О.* Африканская миграция в Европу: уроки для России // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 3. С. 60–69.

⁴² Там же.

фического развития континента, которая заключается в сохранении высокого уровня рождаемости несмотря на крайне тяжелые медико-санитарные условия, создающие риски преждевременных, осложненных родов и летальных исходов как матерей, так и младенцев. Как следствие влияния демографического фактора в совокупности с неблагоприятным воздействием окружающей среды – крайний низкий уровень жизни, неупорядоченная урбанизация (отсутствие городской инфраструктуры, рост трущоб в городских агломерациях) и миграция населения. Таким образом, Африка в начале XXI в. продолжает оставаться континентом глобального неравенства, с конфликтами (межгосударственные и гражданские войны, межэтнические столкновения), неуправляемой миграцией, непреодолимой нищетой, экологическими катастрофами, голодом, смертоносными болезнями, производством и вывозом наркотиков.

Тем не менее, эксперты констатируют, что интерес к Африке со стороны мирового, прежде всего, экономического, сообщества существенно возрастает в третьем тысячелетии. Ведущие мировые державы одновременно пришли к осознанию того, что Черный континент обладает огромным потенциалом, как в природно-ресурсном, так и в демографическом плане.

Активно развивается в последние годы и сотрудничество России с африканскими странами. Восстанавливаются и налаживаются связи с Африкой, утерянные после распада СССР. Сегодня африканский вектор приобретает все более весомое значение для внешнеполитической стратегии России, которая заинтересована в реализации инфраструктурных, энергетических проектов, в развитии сотрудничества в сфере АПК⁴³. Ярким подтверждением этому является создание в 2016 г. платформы “Африканская деловая инициатива” с целью содействия экономическим отношениям между российскими компаниями и странами Африки и повышения их эффективности⁴⁴. Также развиваются отношения и в сфере безопасности и борьбы с терроризмом, поскольку от этого зависит как безопасность российских туристов в Африке, так и успешность инвестиционных проектов крупных российских компаний, ведущих бизнес на континенте.

⁴³ Денис Мантуров открыл российско-африканский форум “Россия и Танзания – навстречу друг другу” // Официальный сайт Министерства промышленности и торговли РФ. URL: <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/> (дата обращения: 07.04.2017).

⁴⁴ *Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.* “Африканская деловая инициатива” – практический шаг к активному взаимодействию России и Африки // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 9.

Поэтому, учитывая условия развития российско-африканских отношений на современном этапе, важно взвешенно оценивать как их возможную пользу, так и потенциальные риски, так как сегодня состояние Африки характеризуется нарастанием глобальных вызовов и угроз, с которыми континент вряд ли справится самостоятельно.

Однако было бы ошибкой рассматривать Африку исключительно как “безнадежный континент”, хотя бы потому, что “Африка уже сегодня обеспечивает 21% прироста мировых трудовых ресурсов, к 2025 году этот показатель увеличится до 30%, а после 2050 года мировой рынок труда на 65% будет пополняться за счет африканского населения”⁴⁵. Кроме того, континент обладает огромным количеством разнообразных и чрезвычайно ценных ресурсов, борьба за которые в будущем только обострится. Вышесказанное означает, что континент может стать регионом, от которого будет в немалой степени зависеть обеспеченность государств сырьем, энергетическими ресурсами и человеческим капиталом. Вопрос только в том, сумеет ли Африка воспользоваться открывшимися перед ней возможностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова И.О. Африканская миграция в Европу: уроки для России // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 3. С. 60–69.

Абрамова И.О. Перенаселенный мир // Независимая газета. 2014.27.06. URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-06-27/5_demography.html

Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. “Африканская деловая инициатива” – практический шаг к активному взаимодействию России и Африки // Азия и Африка сегодня. 2016. № 9.

Всемирная организация здравоохранения. Всемирный доклад о старении и здоровье. 2015. URL: <http://www.who.int/ageing/publications/world-report-2015/ru/>

Дементьева А. Эпидемия ВИЧ в мире идет на спад, в России – растет // Русская служба Би-би-си. 2011.22.11. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2011/11/111121_unaids_report_russia.shtml

Деминцева Е.Б. Образование в Африке: проблемы, развитие, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4.

Денис Мантуров открыл российско-африканский форум “Россия и Танзания – навстречу друг другу” // Официальный сайт Министерства промышленности и торговли РФ. URL: <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/>

Доклад ВОЗ/ЮНИСЕФ по доступу к воде и санитарии. 2015. URL: http://www.who.int/water_sanitation_health/monitoring/jmp-2015-key-facts/ru/

⁴⁵ *Абрамова И.О.* Перенаселенный мир // Независимая газета. 2014.27.06. URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-06-27/5_demography.html (дата обращения: 07.04.2017).

Доклад ЮНЭЙДС о глобальной эпидемии СПИДА. Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДУ (ЮНЭЙДС). 2013. URL: http://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/UNAIDS_Global_Report_2013_ru_1.pdf

Кортаев А.В., Зинькина Ю.В. Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4.

Материалы круглого стола “Африка – сегодня: проблемы и перспективы развития” // Международная жизнь. Спецвыпуск. 2013. № 6. URL: <https://interaffairs.ru/i/Afrika.pdf>

Мир через 100 лет: Сб. ст. / Предисл. И.С. Иванова. М., 2016.

Мы можем покончить с нищетой. Цели в области развития после 2015 года // Фактологический бюллетень Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/millenniumgoals/MDG_FS_4.pdf

Никуличев Ю.В. Глобальные климатические изменения: новые вызовы и география изменений. Специализированная информация: Аналит. записка. М., 2016.

Образование в Африке. М., 2013.

Одинцов В. О влиянии урбанизации на обстановку в странах Африки // Электронно-аналитический журнал “Новое Восточное Обозрение”. 2013.12.28. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/12/28/o-vliyanii-urbanizatsii-na-obstanovku-v-stranah-afriki/>

Осипова Н.Г. Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141

Сакевич В. В каких странах созданы наилучшие условия для материнства? // Демоскоп Weekly. 2015. № 647–648. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0647/reprod01.php>

Сакевич В. Тенденции использования контрацепции в мире // Демоскоп Weekly. 2016. № 671–672.

Филиппов В. Африка в XXII веке // Мир через 100 лет: Сб. ст. / Предисл. И.С. Иванова. М., 2016. С.184–197.

Центр новостей ООН. URL: <https://news.un.org/ru/> (дата обращения: 21.03.2017).

Шитов В.Н. Социальные проблемы Африки южнее Сахары // Мировое и национальное хозяйство. 2006. № 1. URL: <http://mires.ru/2006-01/socialnye-problemy-afriki-uznee-sahary>

Щербакова Е. 35% городского населения мира живет в трущобах, 24% без надлежащего санитарного благоустройства // Демоскоп Weekly. 2012. № 507–508. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom03.php>

Щербакова Е. Население мира продолжит расти до конца века, наиболее быстро – в Африке // Демоскоп Weekly. 2015. № 663–664. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0663/barom02.php>

Щербакова Е. Материнская смертность снизилась до 216 случаев на 100 тысяч родившихся живыми // Демоскоп Weekly. 2016. № 673–674. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0673/barom06.php>

REFERENCES

Abramova I.O. Afrikanskaja migracija v Evropu: uroki dlja Rossii [African migration to Europe: lessons for Russia] // Rossija i novye gosudarstva Evrazii. 2012. N 3. S. 60–69 (in Russian).

Abramova I.O. Perenaselennyj mir [Overpopulated world] // Nezavisimaja gazeta. 2014.27.06. URL: http://www.ng.ru/ideas/2014-06-27/5_demography.html (in Russian).

Abramova I.O., Fituni L.L. “Afrikanskaja delovaja inicijativa” – praktičeskij shag k aktivnomu vzajmodejstvuju Rossii i Afriki [“African Business Initiative” is a practical step towards active cooperation between Russia and Africa] // Azija i Afrika segodnja. 2016. N 9 (in Russian).

Alkire S., Santos M.E. Acute multidimensional poverty: a new index for developing countries // Oxford Poverty & Human Development Initiative Working Paper. 2010. July. N 38. P. 1–139. URL: <https://www.ophi.org.uk/wp-content/uploads/ophi-wp38.pdf>

Centr novostej OON. [United Nations News Center]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=27831#.WQhzkdLyiM8> (data obrashhenija: 21.03.2017) (in Russian).

Commission on social determinants of health. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Geneva, 2008. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/43943/5/9789244563700_rus.pdf

Dementieva A. Jependemija VICH v mire idet na spad, v Rossii – rastet [The HIV epidemic in the world is declining, in Russia it is growing] // Russkaja sluzhba Bi-bi-si. 2011.22.11. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2011/11/111121_unaids_report_russia.shtml (in Russian).

Demintseva E.B. Obrazovanie v Afrike: problemy, razvitie, perspektivy [Education in Africa: problems, development, prospects.] // Azija i Afrika segodnja. 2011. N 4 (in Russian).

Denis Manturov otkryl rossijsko-afrikanskij forum “Rossija i Tanzanija – navstreču drug drugu” [Denis Manturov opened the Russian-African forum “Russia and Tanzania – towards each other”] // Oficial’nyj sajt Ministerstva promyshlennosti i trgovli RF. URL: <http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/> (in Russian).

Doklad VOZ/JuNISEF po dostupu k vode i sanitarii. [WHO / UNICEF report on access to water and sanitation] 2015. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.who.int/water_sanitation_health/monitoring/jmp-2015-key-facts/ru/ (in Russian).

Doklad JuNJeJDS o global’noj jepidemii SPIDA [UNAIDS report on the global AIDS epidemic] // Obedinjonnaja programma Organizacii Obedinjonyh Nacij po VICH/SPIDu (JuNJeJDS). 2013. URL: http://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/UNAIDS_Global_Report_2013_ru_1.pdf (in Russian).

Emeka Polycarp Amechi. Poverty, socio-political factors and degradation of the environment in Sub-Saharan Africa: the need for a holistic approach to the protection of the environment and realization of the right to environment //

Environment and Development Journal. 2009. Vol. 5 (2). P. 10–120. URL: <http://www.lead-journal.org/content/09107.pdf>

Filippov V. Afrika v XXII veke [Africa in the XXII century] // Mir cherez 100 let: sbornik statej / Predisl. I.S. Ivanova. M., 2016. S. 184–197 (in Russian).

Financing universal water, sanitation and hygiene under the sustainable development goals. Un-water global analysis and assessment of sanitation and drinking water (GLASS) 2017 report. Geneva, 2017. URL: <http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/254999/1/9789241512190-eng.pdf?ua=1>

Kathleen B., Christiaensen L., Dabalen A., Gaddis I. Poverty in a rising Africa, Africa poverty report. Washington, 2016.

Korotaev A.V., Zinkina Ju.V. Kak optimizirovat' rozhdaemost' i predotvratit' gumanitarnye katastrofy v stranah Tropicheckoj Afriki [How to optimize the birth rate and prevent humanitarian disasters in the countries of Tropical Africa] // Azija i Afrika segodnja. 2013. N 4 (in Russian).

Materialy kruglogo stola "Afrika – segodnja: problemy i perspektivy razvitiya" [Materials of the round table "Africa – Today: Problems and Prospects for Development"] // Mezhdunarodnaja zhizn'. Specvypusk. 2013. N 6. URL: <https://interaffairs.ru/i/Afrika.pdf> (in Russian).

Mir cherez 100 let: Sb. St. [The world in 100 years: a collection of articles] / Predisl. I.S. Ivanova. M., 2016 (in Russian).

My mozhem pokonchit' s nishhetoj. Celi v oblasti razvitiya posle 2015 goda [We can end poverty. Goals for development after 2015] // Faktologicheskij bjul-leten' Organizacii Ob#edinennyh Nacij. URL: http://www.un.org/ru/millenni-umgoals/MDG_FS_4.pdf (in Russian).

Nikulichev Ju.V. Global'nye klimaticheskie izmenenija: novye vyzovy i geografija izmenenij. Specializirovannaja informacija: Analit. zapiska [Global climate change: new challenges and geography of changes. Specialized information: Analit. note]. M., 2016 (in Russian).

Obrazovanie v Afrike [Education in Africa] M., 2013 (in Russian).

Odintsov V. O vlijanii urbanizacii na obstanovku v stranah Afriki [About the influence of urbanization on the situation in African countries] // Jelektronno-analiticheskij zhurnal "Novoe Vostochnoe Obozrenie". 2013.12.28. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/12/28/o-vlijanii-urbanizatsii-na-obstanovku-v-stranah-afriki/> (in Russian).

Osipova N.G. Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 2014. N 2. P. 119–141. DOI: 10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141 (in Russian).

Sakevich V. V kakih stranah sozdany nailuchshie uslovija dlja materinstva? [In which countries are the best conditions for motherhood created?] // Demoskop Weekly. 2015. N 647–648. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0647/reprod01.php> (in Russian).

Sakevich V. Tendencii ispol'zovanija kontracepcii v mire [Tendencies of using contraception in the world] // Demoskop Weekly. 2016. N 671–672. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0671/reprod01.php> (in Russian).

Shitov V.N. Social'nye problemy Afriki juzhnee Sahary [Social problems in sub-Saharan Africa] // Mirovoe i nacional'noe hozjajstvo. 2006. N 1. URL: <http://mirec.ru/2006-01/socialnye-problemy-afriki-uznee-sahary> (in Russian).

Shherbakova E. 35% gorodskogo naselenija mira zhivet v trushhobah, 24% bez nadležashhego sanitarnogo blagoustrojstva [35% of the urban world population lives in slums, 24% without proper sanitation] // Demoskop Weekly. 2012. N 507–508. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0507/barom03.php> (in Russian).

Shherbakova E. Naselenie mira prodolzhit rasti do konca veka, naibolee bystro – v Afrike [The population of the world will continue to grow until the end of the century, most quickly in Africa] // Demoskop Weekly. 2015. N 663–664. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0663/barom02.php> (in Russian).

Shherbakova E. Materinskaja smertnost' snizilas' do 216 sluchaev na 100 tysjach rodivshijsja zhivymi [Maternal mortality has decreased to 216 cases per 100 thousand live births] // Demoskop Weekly. 2016. N 673–674. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0673/barom06.php> (in Russian).

Vsemirnaja organizacija zdravoochranenija. Vsemirnyj doklad o starenii i zdorov'e. [World Health Organization. World report on aging and health] 2015. URL: <http://www.who.int/ageing/publications/world-report-2015/ru/> (in Russian).

World population prospects // United Nations Department of Economic and Social Affairs. Population Division. 2015. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/>

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-108-120

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Юань Сюнь, асп. факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Ломоносовский просп., 27, к. 4, Москва, Российская Федерация, 119991*

В данной статье рассматриваются вопросы миграционной политики Китая. Особое внимание уделено нормативно-правовому регулированию миграционных процессов с 1949 г. по настоящее время. Анализ каждого из этапов развития миграционной политики Китая позволил выявить ключевые проблемы, вызванные особенностями институционального оформления и нормативно-правового регулирования сферы привлечения и адаптации иммигрантов, в особенности высококвалифицированных специалистов. Даются рекомендации по улучшению политики управления миграцией в Китае.

Ключевые слова: мигрант, миграционная политика Китая, нормативно-правовое регулирование миграционных процессов, высококвалифицированные специалисты.

CHINESE EXPERIENCE OF IMPROVING MIGRATION POLICY: MAJOR STAGES, UNUSED PROBLEMS

Yuan Syun, Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Department of Political Science, Lomonosovsky prospect, 27, build. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: qggw1989@163.com

This article examines the issues of China's migration policy. Particular attention is focused on the legal regulation of migration processes from 1949 to the present. Analysis of each stage of the development of China's migration policy made it possible to identify key problems caused by the peculiarities of institutionalization and regulation of attracting and adapting immigrants, especially highly qualified specialists. Recommendations are given to improve the migration management policy in China.

Key words: migrants, migration policies of China, legal regulation migration progress, high-skilled immigrants.

Введение

Значение термина “миграция” (от лат. *migratio* – “переселение, перемещение”) является общим и законодательно неопределенным

* Юань Сюнь, e-mail: qggw1989@163.com

в Китае. В официальных материалах он употребляется только при описании перемещения населения из Китая в другие страны на постоянное место жительства. Иностранцев, приезжающих в Китай, чаще называют “иностранцами” и “иностранцами гражданами”, нежели “мигрантами”.

В рамках этой статьи, мы используем общепотребительное в современной России значение миграции как переселения в пределах одной страны (внутренняя миграция) или из одной страны в другую (международная или внешняя миграция) на определенное время. Согласно официальным источникам, в 2015 г. численность китайских мигрантов, выехавших из Китая в другие страны, составила более 273 млн человек, а число иностранцев, прибывших в Китай, — 76,31 млн человек¹. Такой масштаб миграционных процессов имеет существенные демографические, социально-экономические и геополитические последствия не только для Китая, но и для всех регионов АТР, включая Россию. Именно поэтому анализ миграционной политики Китая является актуальным.

Во избежание неясности и путаницы необходимо пояснить термин “миграционная политика”. Китайский специалист Ли Минхуань выделяет его узкое значение — “институциональный строй, соответствующий интересам государства, направленный на регулирование процессов переселения, перемещения и размещения иностранных лиц на территории государства и (или) в отдельных его регионах, и содержащий нормативную регламентацию прав въезда и выезда из страны, разрешения на работу, обеспечения человеческих прав и благосостояния мигрантов”².

В миграционной политике Китая после 1949 г. можно выделить три периода.

Политика “закрывания дверей” (1949–1977)

После образования КНР в 1949 г. страна столкнулась с блокадой и санкциями западных стран, поэтому главным направлением международной политики стала “защита государственной безопасности от врагов и шпионов”. Под лозунгом Мао Цзэдуна “Приглашение гостей после уборки комнаты” проводилась политика “вытеснения” иностранных граждан, находившихся в Китае и при-

¹ 国务院关于印发“十三五”旅游业发展规划的通知 [Программа развития туризма во время “13-ой пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития”] // 公安部官网 [Министерство общественной безопасности]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/26/content_5152993.htm

² 李明欢. 国际移民政策研究 [Ли Минхуань. Исследование международной миграционной политики]. 厦门: 厦门大学出版社, 2011, 23 页.

бывавших на его территорию³. Этот период характеризуется незначительным числом пересекавших границу лиц по причине ограничений, введенных “Временно действующими правилами контроля за въездом в страну и выездом из страны, также проживанием в стране иностранцев-резидентов” (1951), “Временными мерами по управлению въездом в страну и выездом из страны иностранцев-резидентов” (1954), “Временными правилами выдачи визы и регистрации пребывания иностранцам” (1954), “Временными правилами путешествия иностранцев” (1954) и “Правилами управления въездом в страну и выездом из страны, транзитом, пребыванием и путешествием иностранцев” (1964) и др. Эти законодательные нормы послужили основой китайской политики в сфере управления иммиграцией. Они существенно ограничивали возможности иностранцев на получение разрешения для въезда в Китай. Те, кто все-таки получал разрешение и въезжал на территорию КНР, всегда были под строгими надзором и контролем⁴.

Ослабление ограничений в эпоху “реформ и открытости” (1978–2004)

Принятая в 1978 г. программа экономических реформ способствовала расширению деловых связей с иностранцами, привлечению из-за рубежа высококвалифицированных специалистов и инвестиций, что прямо и косвенно оказало влияние на миграционную политику КНР. Цель Китая заключалась в том, чтобы, с одной стороны, снизить ограничения для въезда иностранцев в Китай и выезда из него, а с другой — ослабить контроль за их действиями на территории страны.

Во-первых, в 1985 г. Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей был опубликован закон “О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев”, условно разделивший иностранцев, пребывающих в Китай, на три категории: прибывшие для “краткосрочного проживания”, “долгосрочного проживания” и “постоянного проживания”. В “Подробных правилах осуществления Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев” (1986) и их редакции от 1994 г.

³ 刘云刚、陈跃. 全球化背景下的中国移民政策 [Лю Юйньган, Чень Юэ. Китайская миграционная политика на фоне глобализации: критики и перспективы] // 评述与展望 // 世界地理研究 [Исследование мировой геологии]. 2015. 24 卷. 1 期. 3 页.

⁴ Например, в Пекине, согласно данным законам, иностранцы в этот период могли легально находиться в центре города от площади Тяньаньмэнь в радиусе 20 км, а за ее пределами — только при наличии особого разрешения. См: 中国绿卡变迁史 [История изменения режима китайского “Грин-карда”] // Uschinapress.com. 2017. 3 марта. URL: <http://news.uschinapress.com/2017/0303/1097100.shtml>

введен современный визовый режим. Пребывающим на территории КНР иностранным гражданам выдавались визы следующих категорий: виза для постоянного проживания (D), рабочая (Z), учебная (X), деловая (F), туристская (L), транзитная (G), виза для членов экипажа (C) и приграничная виза⁵. Принятые законы привели к ослаблению строгих миграционных ограничений и упрощению миграционных процедур.

Во-вторых, в ходе рыночной реформы руководство КНР убедилось в том, что дефицит специалистов становится одним из главных препятствий экономического развития. Учитывая опыт других стран, правительство стало активно стимулировать иммиграцию иностранных специалистов в Китай. Необходимо отметить, что “Испытательные положения об иностранных культурно-просветительных специалистах”, опубликованные Госсоветом КНР в 1980 г., впервые определили понятие “иностранного культурно-просветительного специалиста” как “иностранного гражданина, нанятого китайскими вузами, пропагандистскими, издательскими, культурно-художественными, медицинскими и спортивными учреждениями и получающего государственные льготы или вознаграждение”⁶. Последующие официальные документы – Временные положения по привлечению иностранных специалистов (1983), “Методы стимулирования иностранных специалистов” (1990) и “Меры управления иностранными инвестициями и иностранными специалистами” (1996) – подробно описывали способы отбора, поддержки и адаптации высококвалифицированных кадров. В 1994 г. Академия наук Китая начала проводить Программу “Сто талантов” для привлечения ученых и специалистов высшего уровня, предложив им огромную финансовую поддержку. Из-за отсутствия на тот момент конкретных правил адаптации иностранных специалистов большинство участников этой программы были китайскими гражданами, получившими образование за рубежом. В 2002 г. Канцелярия ЦК КПК и Канцелярия Госсовета издали Программу “Планирование и подготовка персонала специалистов в 2002–2005 гг.” с перечислением сфер, нуждающихся в привлечении иностранных специалистов: информационно-техническая, биологическая, материально-техническая, производственно-техническая, авиакос-

⁵ 中华人民共和国公民出境入境管理法实施细则 [Подробные правила осуществления Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев] // 中华人民共和国国务院公报 [Официальный бюллетень Государственного Совета КНР]. 1986年. 34期.

⁶ 国发【1980】270号《外国文教专家工作试行条例》[Испытательные положения об иностранных культурно-просветительных специалистах]. URL: https://baike.baidu.com/redirect/6145g0f3MgyNz0dRmhL4yZ2qZxVyOhXxobcQ3YQ3BH9lTpFVhygPqfEpZcwDMt1WzBT8JG8p9yhcuuW-11GALaMDuaxNLqadDCTCoVyGKv_HQsE

мическая, финансовая, юридическая, а также сферы международной торговли и менеджмента. По данной программе специалистам-мигрантам были гарантированы высокие зарплаты, доступ к научно-исследовательским базам и лабораториям и т.д.⁷

По данным программам с 1985 по август 2004 г. более трех тысяч человек получили право временного и долгосрочного проживания в Китае и 50 человек – право на постоянное проживание⁸. С учетом огромного дефицита высококвалифицированных кадров эффект этих программ оказался не таким заметным. Причина заключалась в том, что в этот период не была разработана процедура предоставления иностранным лицам права постоянного проживания или гражданства, несмотря на то что эти права предусматривались Законом 1980 г. “О гражданстве КНР” и Закона 1985 г. “О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев”. Только те иностранцы, кто внес особый вклад в развитие Китая, получили разрешение на постоянное проживание в стране.

Вместе с тем существовали и общие проблемы трудоустройства иностранцев. Из-за отсутствия положения о процедуре получения рабочей визы (Z) все больше и больше иностранцев устраивались на работу нелегально. Для регулирования трудоустройства иностранцев и борьбы с нелегальными мигрантами был принят ряд нормативно-правовых актов, среди которых нужно отметить “Правила трудоустройства иностранцев и учащихся иностранных лиц без вида на жительство в КНР” (1987) и “Уведомление о запрете нелегального трудоустройства иностранцев в КНР” (1994)⁹. Только в 1996 г. были опубликованы “Положения об управлении трудоустройством иностранцев”, регламентирующие порядок оформления рабочей визы (Z) и процедуру трудоустройства иностранцев. В “Положениях...” не рассматривались вопросы соцобеспечения¹⁰.

В целом, в этот период главным ориентиром миграционной политики Китая было привлечение иностранных специалистов, что

⁷ См.: Лун Чанхай, Коробеев А.И. Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 77–82.

⁸ См.: 中国正研究降低绿卡门槛 年均发卡 248 张 [Китай рассматривает сокращение ограничения выдачи зеленой карты: ежегодно будут выдавать 248 карт] // People.cn. 2014.06.03. URL: <http://gx.people.com.cn/n/2014/0603/c229247-21332067.html>

⁹ См.: 关于未取得居留证件的外国人和来中国留学的外国人在中国就业的若干规定 [Правила трудоустройства иностранцев и учащихся иностранных лиц без вида на жительство в КНР] // 中华人民共和国劳动人事部 [Министерства по труду и кадрам КНР]. URL: http://china.findlaw.cn/fagui/p_1/210324.html

¹⁰ См.: 外国人在中国就业管理规定 [Положения об управлении трудоустройством иностранцев] // 中华人民共和国劳动部 [Министерства труда КНР]. URL: <http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjf/falv/2/2-1-51.html>

позволило заложить правовую основу управления миграцией на территории КНР. Впоследствии Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей сосредоточил свое внимание на совершенствовании данной политики.

Стратегия привлечения специалистов и борьбы с нелегальной миграцией (с 2004 г. по настоящее время)

В целях облегчения процедуры получения вида на жительство в Китае было принято Положение “О регулировании выдачи иностранным лицам вида на жительство в Китае” (2004), предоставившее право постоянного проживания в КНР высококвалифицированным специалистам, работающим на совместных с Китаем предприятиях, крупным зарубежным инвесторам, лицам, внесшим большой вклад в развитие Китая, членам воссоединяющихся семей (при этом, право распространяется как на супругов и детей, так и на дальних родственников)¹¹. Спустя год после вступления в силу данного Положения, к сентябрю 2005 г., численность иностранцев, получивших вид на жительство, составила 649 человек, что в сто раз больше, чем за период с 1978 по 2003 г.¹²

Для совершенствования институтов привлечения высококвалифицированных специалистов государство занялось вопросами их социального обеспечения. В 2012 г. вступил в силу “Перечень прав и социального обеспечения, предоставляемых иностранцам, имеющим вид на жительство в Китае”, установивший, что у иностранцев при наличии права постоянного жительства такие же права и обязанности, как и у всех китайских граждан. Данный порядок распространяется на все жизненно важные правовые аспекты и вопросы благосостояния, в том числе в области работы, учебы и покупки недвижимости¹³.

¹¹ 外国人在中国永久居留审批管理办法 [Положение о регулировании выдачи иностранным лицам вида на жительство в Китае] // 公安部出入境管理局网站 [Управление въезда и выезда Министерства общественной безопасности КНР]. URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n84147/n84181/1043045.html>

¹² 中华人民共和国公安部新闻发布会 [Пресс-конференция Министерства общественной безопасности КНР]. 2005.17.11. URL: http://www.china.com.cn/zhibo/200511/17/content_8784797_2.htm

¹³ 中华人民共和国人力资源和社会保障部, 中共中央组织部人力资源社会保障部公安部等 25 部门关于印发《外国人在中国永久居留享有相关待遇的办法》的通知中华人民共和国人力资源和社会保障部 [Уведомление о публикации “Перечня прав и социального обеспечения, предоставляемых иностранцам, имеющим вид на жительство в Китае” / Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР; Организационный отдел ЦК КПК, Министерство общественной безопасности и другими 25 отделами] // 中华人民共和国人力资源和社会保障部 [Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР]. URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n1282/n3508/n2173912/3445263.html>

Закон “О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев” (2012) и подробные Правила “Контроля за въездом в страну и выездом из страны иностранцев” (2013) создали режим благоприятствования для въезда в страну и работы в ней иностранных специалистов и инвесторов. По сравнению с предшествующим режимом появились новые разновидности виз: коммерческая виза (М), виза членам семей граждан Китая или имеющим вид на жительство иностранным гражданам, которые приезжают в Китай в целях воссоединения с семьей или осуществления опекуновства (Q1), виза для приезжающих в Китай к родственникам (Q2), виза специалиста (R), гостевая виза для родственников иностранца, работающего или обучающегося в Китае (S).

В 2008 г. на государственном уровне была разработана специальная программа “Тысяча талантов”, в целях привлечения в Китай высококвалифицированных кадров, научных исследователей высокого уровня и предпринимателей научно-технических предприятий. Китайское Правительство выделило специальные пособия и компенсировало расходы иностранным специалистам, предоставив им “сверхнациональный статус”, льготы и преференции в различных социальных услугах¹⁴. В отличие от предыдущей программы “Сто талантов”, новая программа добилась очевидного прогресса в привлечении специалистов. За 2008–2017 гг. более 6000 иностранных экспертов, предпринимателей и соотечественников, добившихся высоких научных результатов за границей, воспользовались этой программой и внесли вклад в развитие Китая¹⁵.

Другим важным направлением миграционной политики этого периода стала борьба с незаконной миграцией. В течение долгого времени большинство нелегальных мигрантов составляли беженцы или лица, незаконно переселившиеся в Китай из таких приграничных стран, как КНДР, Вьетнам и т.д. С начала 2000-х гг., по мере бурного развития экономики и международной торговли Китая, выросла численность иностранных мигрантов, которые незаконно въехали и работали в Китае. Согласно имеющимся статистическим данным, в 2005 г. в Китае находились 31 735 незаконных мигрантов, 27% из которых принадлежат к “трем видам нелегалов” – нелегально въезжающих, нелегально пребывающих и нелегально работающих. В 2006 г. более 36 тысяч нелегальных мигрантов были наказаны, 9,5 тыс. из них были депортированы из Китая¹⁶. В по-

¹⁴ См.: сайт Спецпрограммы “Тысяча талантов”. URL: <http://www.1000plan.org/qjrh/section/2?m=grcd>

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: 宋全成. 欧洲与中国: 非法移民及其社会控制政策之比较 [Сон Чуаньчжень. Европа и Китай: Сравнение проблемы нелегальной миграции и политики ее регулирования] // 山东社会科学 [Социальная наука Провинции Шаньдун]. 2011. 8 期. 23 页.

следние годы, ситуация с нелегальной миграцией в Китае ухудшилась. Прежде всего надо отметить нелегальных мигрантов из стран Африки, к примеру в Гуанчжоу в 2016 г. проживало 200–300 тыс. африканцев (90% из них мужчины), 10% из них находились в Китае легально¹⁷. Такое количество нелегалов не только негативно влияет на местный рынок труда, но и угрожает общественной стабильности, поскольку некоторые из них вовлечены в преступную деятельность, в том числе в наркоторговлю.

В октябре 2004 г. Министерством общественной безопасности КНР проведена дискуссия по проблеме борьбы с правонарушениями и преступлениями, совершаемыми незаконными мигрантами. В ходе дискуссии были проанализированы состояние и динамика незаконной миграции в Китае, обобщен опыт борьбы с ней, подчеркнута важность сотрудничества с сопредельными странами в сфере совместной борьбы с нелегальной миграцией¹⁸. Сегодня Китай уже наладил договорно-правовое сотрудничество в данной области с более чем 40 странами, в том числе с государствами ЕС, США, Россией и другими странами СНГ. Кроме того, в Законе “О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев”, вступившем в силу с 1 июля 2013 г., усилена административная ответственность лиц, нарушающих пограничный режим и режим пребывания на территории Китая: нелегальные мигранты могут быть оштрафованы на сумму до 10 000 юаней или арестованы на срок до 15 дней. Нелегальная трудовая деятельность наказывается штрафом в размере до 20 000 юаней¹⁹. В регионах, где фиксируется наибольшее число незаконных мигрантов, часто проводятся спецоперации против нелегалов, например “100 дней разгона” в приграничных регионах Китая и др.

Таким образом, в последние годы приняты и введены в действие Закон о “Контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев” и сотни других нормативно-правовых актов, позволивших уточнить процедуры регулирования миграционных процессов и упорядочить положение различных категорий населения Китая, что приблизило его миграционную политику к нормам международного права.

¹⁷ См.: 广州到底有多少非洲人? 来自学者的几点澄清和讨论 [Сколько африканцев в Гуанчжоу? Разборы и обсуждение ученых] // 澎湃新闻 [Пресса Волны]. 2016. 14.07. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1498095

¹⁸ См.: *Лун Чанхай, Коробеев А.И.* Указ. соч.

¹⁹ 中华人民共和国出境入境管理法 (第六十条) [Закон о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев (пункт №60)] // 中华人民共和国中央人民政府网站 [Центральное народное правительство КНР]. URL: http://www.gov.cn/fifg/2012-06/30/content_2174944.htm

Проблемы и пути их решения

Можно выделить ряд проблем миграционной политики Китая. Во-первых, в Китае отсутствуют официальное определение термина “мигрант” и классификация мигрантов, поэтому вместо этого термина в официальных материалах и нормативно-правовых актах употребляется много слов с расплывчатыми значениями: “иностранец”, “гражданин другой страны” и др. Из-за отсутствия точной классификации мигрантов существуют затруднения как при их учете, так и при проведении научных исследований. Таким образом, на базе изучения опыта других стран мира необходимо ввести в законодательные акты нормативное толкование термина “мигрант” и классификацию мигрантов, отвечающую реальной миграционной ситуации КНР.

Во-вторых, в настоящий момент в Китае нет специального органа, занимающегося исключительно проблемой миграции. Эти функции в основном выполняют три органа власти: Министерство общественной безопасности отвечает за регулирование въезда в страну и выезда из нее иностранцев; Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения — за управление социальным обеспечением и трудоустройство иностранцев; Бюро по делам иностранных специалистов — за привлечение экспертов в Китай. Кроме того, в регулировании миграции участвуют и другие органы власти: Канцелярия Госсовета по делам китайцев, проживающих за границей, Министерство коммерции, Министерство иностранных дел, Государственный комитет по развитию и реформам, Министерство образования, Министерство науки и техники, Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство финансов и др. Хотя налажено взаимодействие этих государственных органов, но нередко случается дублирование административных функций или их невыполнение — в том случае, если органы сваливают свою ответственность друг на друга. Все это снижает эффективность реализации миграционной политики в Китае. Опыт других стран (России, США, Австралии и т.д.) убеждает в необходимости создания специального государственного органа, реализующего государственную политику в сфере миграции и осуществляющего правоприменительные функции, функции контроля, надзора и оказания государственных услуг в сфере миграции.

В-третьих, в настоящее время в Китае отсутствует единый закон, регулирующий все вопросы миграции и определяющий вектор развития миграционной политики КНР. В действующем законодательстве существует много недоработок и ограничений, препятствующих осуществлению эффективной миграционной политики

в Китае. Главный недостаток законодательной базы в том, что она абстрагирована от проблем экономического развития страны. Как мы уже упоминали, в Китае наблюдается серьезный дефицит высококвалифицированных специалистов, и для их привлечения принят ряд поправок в предшествующие законодательные акты, предоставлявшие иностранным специалистам “вид на жительство” и льготы в социальных обеспечениях. Но процедура их оформления столь сложна, что закон стал настоящим слагаемым на пути иммиграции в Китай. В конце 2011 г. лишь 4752 иностранца получили вид на жительство, среди них научно-технические работники составили только 1735 человек. В том же году численность специалистов, получивших постоянный вид на жительство в США, Австралии и Великобритании, составила более 120 тыс., 100 тыс. и 30 тыс. соответственно. Из этого следует, что для привлечения большего числа специалистов необходимо совершенствовать миграционную политику и законодательные акты в целях упрощения административной процедуры оформления разрешения на работу и проживание для иностранцев, введения современной системы отбора иммигрантов, улучшения социального обеспечения иностранцев и условий адаптации иммигрантов в Китае.

Заключение

Таким образом, в рамках данной статьи были рассмотрены три основных этапа развития миграционной политики Китая с 1949 г. по настоящее время, что позволило выявить ряд нерешенных проблем в нормативно-правовой и институциональной сферах и выдвинуть несколько предложений по совершенствованию китайской миграционной политики. Можно прогнозировать, что на фоне развития экономики КНР ее связи с другими странами будут теснее, а численность иммигрантов, переселяющихся в Китай, больше. Поэтому разработка эффективной миграционной политики еще долгое время будет актуальной и будет оказывать влияние не только на положение мигрантов, но и на все другие сферы развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лун Чанхай, Коробеев А.И. Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. 2010. № 9. С. 77–82.

国务院关于印发“十三五”旅游业发展规划的通知 [Программа развития туризма во время “13-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития”] // 公安部官网 [Министерство общественной безопасности]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/26/content_5152993.htm

李明欢. 国际移民政策研究 [Ли Минхуань. Исследование международной миграционной политики]. 厦门: 厦门大学出版社, 2011, 23 页.

刘云刚、陈跃. 全球化背景下的中国移民政策 [Лю Юйньган, Чень Юэ. Китайская миграционная политика на фоне глобализации: критики и перспективы] // 评述与展望//世界地理研究 [Исследование мировой географии]. 2015. 24 卷. 1 期. 3 页.

中国绿卡变迁史 [История изменения режима китайского “Гринкарда”] // Uschinapress.com. 2017. 3 марта. URL: <http://news.uschinapress.com/2017/0303/1097100.shtml>

中华人民共和国公民出境入境管理法实施细则 [Подробные правила осуществления Закона о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев] // 中华人民共和国国务院公报 [Официальный бюллетень Государственного Совета КНР]. 1986 年. 34 期.

国发【1980】270 号《外国文教专家工作试行条例》 [Испытательные положения об иностранных культурно-просветительных специалистах]. URL: https://baike.baidu.com/redirect/6145g0f3MgyNz0dRmhL4yZ2qZxVyOhXxobcQ3YQ3BH91TpFVhygPqfEpZcwDMt1WzBT8JG8p9yhcuuW-11GALaMDuaxNLqaDCTCoVyGKvV_HQsE

中国正研究降低绿卡门槛 年均发卡 248 张 [Китай рассматривает сокращение ограничения выдачи зеленой карты: ежегодно будут выдавать 248 карт] // People.cn. 2014. 06.03. URL: <http://gx.people.com.cn/n/2014/0603/c229247-21332067.html>

关于未取得居留证件的外国人和来中国留学的外国人在中国就业的若干规定 [Правила трудоустройства иностранцев и учащихся иностранных лиц без вида на жительство в КНР] // 中华人民共和国劳动人事部 [Министерство по труду и кадрам КНР]. URL: http://china.findlaw.cn/fagui/p_1/210324.html

外国人在中国就业管理规定 [Положения об управлении трудоустройством иностранцев] // 中华人民共和国劳动部 [Министерство труда КНР]. URL: <http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjif/falv/2/2-1-51.html>

外国人在中国永久居留审批管理办法 [Положение о регулировании выдачи иностранным лицам вида на жительство в Китае] // 公安部出入境管理局网站 [Управление въездом и выездом Министерства общественной безопасности КНР]. URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n84147/n84181/1043045.html>

中华人民共和国公安部新闻发布会 [Пресс-конференция Министерства общественной безопасности КНР]. 2005. 17.11. URL: http://www.china.com.cn/zhibo/200511/17/content_8784797_2.htm

中华人民共和国人力资源和社会保障部, 中共中央组织部人力资源和社会保障部公安部等 25 部门关于印发《外国人在中国永久居留享有相关待遇的办法》的通知中华人民共和国人力资源和社会保障部 [Уведомление о публикации “Перечня прав и социального обеспечения, предоставляемых иностранцам, имеющим вид на жительство в Китае” / Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР; Организационный отдел ЦК КПК, Министерство общественной безопасности и другие 25 отделов] // 中华人民共和国人力资源和社会保障部 [Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР]. URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n1282/n3508/n2173912/3445263.html>

宋全成. 欧洲与中国: 非法移民及其社会控制政策之比较 [Сон Чуаньчень. Европа и Китай: Сравнение проблемы нелегальной миграции и политики ее регулирования] // 山东社会科学 [Социальная наука Провинции Шаньдун]. 2011. 8 期. 23 页.

广州到底有多少非洲人? 来自学者的几点澄清和讨论 [Сколько африканцев в Гуанчжоу? Разборы и обсуждение ученых] // 澎湃新闻 [Пресса Волны]. 2016. 14.07. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1498095

中华人民共和国出境入境管理法 (第六十条) [Закон о контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев (пункт №60)] // 中华人民共和国中央人民政府网站 [Центральное народное правительство КНР]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-06/30/content_2174944.htm

REFERENCES

Long Changhai, Korobeev A.I. Features of the migration policy of modern China // Journal of Russian Law. 2010. N 9. С. 77–82 (in Russian).

国务院关于印发“十三五”旅游业发展规划的通知 [The program of development of tourism during the “13th five-year program of economic and social development”] // 公安部官网 [Ministry of Public Security]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-12/26/content_5152993.htm (in Chinese).

李明欢. 国际移民政策研究 [Li Minghuan. Study of the International Migration Policy]. 厦门: 厦门大学出版社, 2011, 23 页 (in Chinese).

刘云刚、陈跃. 全球化背景下的中国移民政策 [Liu Yungang, Chen Yue. Chinese migration policy under the background of globalization: critics and prospects] // 评述与展望//世界地理研究 [Research of world geology]. 2015. 24 卷. 1 期. 3 页 (in Chinese).

中国绿卡变迁史 [History of the change in the regime of the Chinese “Green Card”] // Uschinapress.com. 2017. 3 march. URL: <http://news.uschinapress.com/2017/0303/1097100.shtml> (in Chinese).

中华人民共和国公民出境入境管理法实施细则 [Rules for the Implementation of the Law of the People’s Republic of China Governing the Administration of Entry and Exit of Foreigners] // 中华人民共和国国务院公报 [Official Bulletin of the State Council of the People’s Republic of China]. 1986 年. 34 期.

国发【1980】270 号《外国文教专家工作试行条例》 [Measures for the Administration of Wages and Living Treatments for Foreign Cultural and Educational Experts]. URL: https://baike.baidu.com/redirect/6145g0f3MgyNz0d-RmhL4yZ2qZxVyOhXxobcQ3YQ3BH9ITpFVhygPqfEpZcwDMt1WzBT8JG-8p9yhcuuW-1IGALaMDuaxNLqDCTCoVyGKv_HQsE (in Chinese).

中国正研究降低绿卡门槛 年均发卡248张 [China is researching to reduce the threshold of green card issuance of 248 cards a year] // People.cn. 2014. 06.03. URL: <http://gx.people.com.cn/n/2014/0603/c229247-21332067.html> (in Chinese).

关于未取得居留证件的外国人和来中国留学的外国人在中国就业的若干规定 [Provisions on employment of foreigners and foreign students without a residence permit in the PRC] // 中华人民共和国劳动人事部 [Ministry of Labor and Personnel of PRC]. URL: http://china.findlaw.cn/fagui/p_1/210324.html (in Chinese).

外国人在中国就业管理规定 [Provisions on the Employment of Foreigners in China] // 中华人民共和国劳动部 [Ministry of Labor and Personnel of PRC]. URL: <http://www.people.com.cn/zixun/flfgk/item/dwjf/falv/2/2-1-51.html> (in Chinese).

外国人在中国永久居留审批管理办法 [Measures for the Administration of Examination and Approval of Foreigners' Permanent Residence in China] // 公安部出入境管理局网站 [Exit & Entry Administration Department of the Ministry of Public Security, P.R. China.]. URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n84147/n84181/1043045.html> (in Chinese).

中华人民共和国公安部新闻发布会 Press Conference of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China]. 2005. 17.11. URL: http://www.china.com.cn/zhibo/200511/17/content_8784797_2.htm (in Chinese).

中华人民共和国人力资源和社会保障部, 中共中央组织部人力资源和社会保障部公安部等 25 部门关于印发《外国人在中国永久居留享有相关待遇的办法》的通知中华人民共和国人力资源和社会保障部 [Circular of 25 Authorities Including the Organization Department of the Central Committee of Communist Party of China, the Ministry of Human Resources and Social Security and the Ministry of Public Security on Printing and Distributing the Measures for Entitlements of Foreigners with Permanent Residency in China] // 中华人民共和国人力资源和社会保障部 [Ministry of Human Resources and Social Security]. URL: <http://www.mps.gov.cn/n16/n1282/n3508/n2173912/3445263.html> (in Chinese).

宋全成. 欧洲与中国: 非法移民及其社会控制政策之比较 [Song Quancheng. Europe and China: Comparing the problem of illegal migration and its regulatory policies] // 山东社会科学 [Social Science of China]. 2011. 8 期. 23 页 (in Chinese).

广州到底有多少非洲人? 来自学者的几点澄清和讨论 [How many Africans are in Guangzhou? Discussions and discussions of scientists] // 澎湃新闻 [The Paper]. 2016. 14.07. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1498095 (in Chinese).

中华人民共和国出境入境管理法 (第六十条) [Exit-Entry Administration Law of the People's Republic of China (item №60)] // 中华人民共和国中央人民政府网站 [Central People's Government of the People's Republic of China]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-06/30/content_2174944.htm (in Chinese).

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-121-132

СПЕЦСЛУЖБЫ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СМИ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫЕ ИМИ, КАК СУБЪЕКТЫ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МОЛОДЕЖЬ*

С.О. Елишев, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Объектом исследования является процесс социального манипулирования современной молодежью. Предмет исследования – спецслужбы иностранных государств, международные организации и СМИ, поддерживаемые ими, как агенты-субъекты процесса социального манипулирования молодежью. Актуальность выбора темы исследования обусловлена тем, что в условиях системного кризиса базовых институтов и институтов социализации современного российского общества существует насущная потребность в выработке эффективных механизмов противодействия манипулятивному воздействию различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности на современную молодежь, использующих ее как объект манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов. В этом контексте систематизация соответствующих научных знаний о деятельности спецслужб иностранных государств, международных организаций и СМИ, поддерживаемых ими, как значимых субъектов социального манипулирования, является важной задачей, стоящей перед современным российским обществом и наукой. Проведенный анализ деятельности этих агентов-структур социального манипулирования подтвердил актуальность, новизну и перспективность разработки данной проблематики, а также насущную потребность в ограничении влияния этих субъектов на политическую жизнь российского общества, а также на молодое поколение нашей страны.

Ключевые слова: тайные операции, международные организации, спецслужбы иностранных государств, иностранное государство, субъект манипулятивного воздействия, манипуляции, молодежь, социальные манипуляции, революция, пропаганда.

* Грант РФФИ № 18-011-01106-а “Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России”.

** Елишев Сергей Олегович, e-mail: elishev@list.ru

FOREIGN INTELLIGENCE AGENCIES, INTERNATIONAL ORGANIZATIONS AND THE MEDIA, SUPPORTED BY THEM AS SUBJECTS OF MANIPULATIVE INFLUENCE ON YOUNG PEOPLE

Elishev Sergey O., the Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Modern Sociology of Sociological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: elishev@list.ru

The process of social manipulation of modern youth is the object of the study. Foreign intelligence services, international organizations and the media, supported by them as agents of the process of social manipulation of young people is the subject of the research. The relevance of the research topic is due to the fact that in the conditions of the systemic crisis of the basic institutions and institutions of socialization of modern Russian society, there is an urgent need to develop effective mechanisms to counter the manipulative effects of various, not unambiguous subjects of social life. These subjects use young people as an object of manipulation, as well as testing of political, social and psychological technologies and experiments on them. In this context, the systematization of relevant scientific knowledge about the activities of foreign intelligence agencies, international organizations and the media, supported by them as important subjects of social manipulation, is an important task facing modern Russian society and science. The analysis of the activities of these agents of social manipulation confirmed the relevance, novelty and prospects of the development of this problem, as well as the urgent need to limit the influence of these actors on the political life of Russian society, as well as the younger generation of our country.

Key words: social manipulation, secret operations, international organizations, foreign intelligence agencies, foreign state, the subject of manipulative influence, manipulation, youth, revolution, propaganda.

Одним из важных и перспективных направлений современных социологических исследований является изучение целенаправленного воздействия на молодежь различных неоднозначных субъектов общественной жизнедеятельности, использующих ее как объект манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов. Например, для осуществления так называемых “цветных революций” на постсоветском пространстве, для экстремистских выступлений, для участия в деятельности деструктивных политических сил, религиозных сект и культов на территории Российской Федерации.

Таковыми субъектами общественной жизнедеятельности, оказывающими бесперывное манипулятивное воздействие на современную молодежь, безусловно, являются спецслужбы иностранных государств, международные организации и СМИ, поддерживаемые

ими, представляющие в этом плане опасность фактически для любого общества и государства.

Иностранное государство, как показывает мировая история, является одним из самых важных субъектов процесса манипулятивного воздействия на молодежь в той или иной стране, в том числе и в России. Обладая значимыми ресурсами и возможностями, оно стремится дестабилизировать ситуацию в стране-конкуренте посредством поддержки и финансирования оппозиционных, экстремистских, террористических, сепаратистских движений и организаций, религиозных сект и культов, СМИ и пропаганды, различных субъектов “революционных” процессов и государственных переворотов. Иностранное государство посредством своих спецслужб и связанных с ними структур создает хорошо законспирированную разветвленную агентурную сеть, вербуя агентов и агентов влияния, организует осуществление государственных переворотов и революций, ведет информационную войну против подлежащего свержению режима, активно поддерживает в информационном поле и финансирует деятельность различных деструктивных субъектов общественной жизнедеятельности. Для достижения поставленных целей кроме спецслужб оно может задействовать самые разные структуры и институты. Например, банки и финансовые учреждения, собственные и международные НКО, религиозные организации, средства массовой информации и пропаганды, различные международные организации и научно-исследовательские центры и институты.

Спецслужбы иностранного государства проводят масштабные спецоперации по смене режимов или дестабилизации обстановки в “недружественной” им стране. Широко известно, что особенно в этом преуспели английские и американские спецслужбы.

Например, Джеффри Ричалсон, один из ведущих экспертов в сфере изучения деятельности спецслужб, выделил несколько разновидностей “тайных операций”, осуществляемых ЦРУ США и призванных скрыть прямое участие США в организации государственных переворотов, “революций” или дестабилизации обстановки в других странах мира. К подобным “тайным операциям” ЦРУ он отнес:

“1. Оказание влияния на политических, государственных и общественных деятелей зарубежных стран.

2. Создание выгодной для США ориентации общественного мнения в зарубежных странах.

3. Оказание финансовой поддержки и материально-технической помощи (включая снабжение оружием и боеприпасами) политическим партиям, группам, фирмам, организациям и отдельным

лицам, деятельность которых отвечает государственным интересам США.

4. Пропагандистские мероприятия.

5. Экономические мероприятия.

6. Политические и полувоенные акции с целью поддержки или свержения существующих в зарубежных странах режимов.

7. Физическую ликвидацию отдельных лиц”¹.

Иными словами, речь в том числе идет и об активном применении спецслужбами и связанными с ними структурами манипулятивных методов и технологий в отношении целых народов и социальных групп, в том числе и молодежи.

Известный американский историк А.М. Шлезингер охарактеризовал масштабы и последствия тайных операций ЦРУ следующим образом:

«В последние годы американская приверженность международному праву идет на спад... Центральному разведывательному управлению как инструменту внешней политики стали придавать все более растущее значение. Конечно, все державы имеют свои разведывательные службы. Шпионы то и дело нарушают закон, а когда попадают, то отвечают по заслугам. У соперничающих разведслужб может даже выработаться своя собственная этика на основе взаимности, как это тонко подметил в своих романах Джон Ле Карре. Но если не считать периодов войны, большинство разведок сосредоточено на сборе и анализе добытой информации. Крупным нововведением ЦРУ стал упор на “тайные операции” в мирное время, то есть использование подпольных методов для изменения политики и смены режимов в других странах. Вместо того чтобы ограничиваться выяснением, что происходит в тех или иных регионах, ЦРУ готово превзойти всех в попытках сделать так, чтобы происходило именно то, что ему нужно. Шпионаж в некотором смысле “нормальное” явление, явление принятое, хотя и не имеющее легального статуса в межгосударственных отношениях. Тайные операции несут куда более серьезную угрозу договорным обязательствам и нормальным отношениям между государствами. Однако американские администрации одна за другой игнорировали последствия тайных операций ЦРУ и то, как они сказываются на мировом правопорядке»².

По поводу того что тайные операции являются своеобразным нововведением американских спецслужб, А.М. Шлезингер, конечно

¹ Цитируется по: *Даллес А.* Доктрина: Россию надо поставить на место. М., 2011. Приложение. С. 215.

² *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 124–125.

же, немного преувеличивает. Тайные операции традиционно являлись своеобразной визитной карточкой англосаксонских спецслужб. Американцы же давно научились у англичан, как их осуществлять в различных частях мира. Другое дело, что в условиях холодной войны скрывать их стало практически невозможно, чего, впрочем, уже и не делали, что отмечает в своей книге сам А.М. Шлезингер:

«В 1983 г. Рейган откровенно подтвердил “право страны проводить тайные операции в тех случаях, когда она считает, что это наилучшим образом отвечает ее интересам”. В 1985 г. он добавил сюда новый принцип: “Поддержка борцов за свободу является самообороной и полностью соответствует уставам ОАГ и ООН”. “Борцами за свободу” Рейган называет партизан, воюющих на нашей стороне. Он применял этот свой принцип к “каждому континенту, от Афганистана до Никарагуа”. Советский Союз действует по тому же принципу, с той лишь разницей, что он предпочитает выражение “национально-освободительные войны”. В итоге каждая из сверхдержав, таким образом, провозглашает, что она вправе действовать на мировой арене так, будто для нее закон не писан»³.

Осуществление тайных операций является одной из значимых функциональных обязанностей спецслужб любой страны. Так устроен мир.

Посредством пропаганды и иного рода воздействия иностранное государство стремится превратить молодежь страны, своего геополитического конкурента, в движущую и деструктивную силу по дестабилизации обстановки в ней. Именно на волне молодежного протеста при активной поддержке извне, как правило, и играют “цветные” революционные спектакли. Как говорил Отто фон Бисмарк: “Революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы”⁴.

По ходу развития сюжета того или иного революционного сценария (процесса) в роли упомянутых “фанатиков” революции часто выступают отдельные молодые люди или группы, составляющие значительную часть в революционной толпе-массовке.

«Молодежные политизированные сообщества и в России, и во всем мире маргинальны по отношению к “взрослой” политике, но можно привести многочисленные примеры эффективной деятельности этих сообществ в ситуациях политических кризисов, когда молодежь выступает “как движущая сила революции”. Для новей-

³ Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 127–128.

⁴ См.: Афоризмы. Отто фон Бисмарк. Официальный сайт Orator.ru. URL: <http://www.orator.ru/bismarck> (дата обращения: 28.06.2018).

шего времени это, например, события “студенческой революции” во Франции (1968 г.), антивоенное движение конца 1960-х — начала 1970-х годов в США и движение хунвейбинов в годы культурной революции в Китае... В начале XXI века примерами эффективного уличного акционизма как политического приема стали многочисленные “цветные революции”, произошедшие в мире: революция в Югославии (2000 г.), “революция роз” в Грузии (2003 г.), “оранжевая революция” на Украине (2004 г.), события в Киргизии (2005 и 2010 гг.) и Ливане (2005 г.). Предпринимались попытки осуществить смену власти по “цветным” методикам в Белоруссии (2006 г.), Армении (2008 г.), Молдавии (2009 г.). В 2010–2012 годах волнения, иногда сопровождаемые сменой власти, прокатились по арабским странам»⁵.

Неудачную попытку осуществления очередного “цветного” революционного сценария мы наблюдали в 2011–2012 гг. и в Российской Федерации, в виде “болотной”, “белоленточной” митинговщины. И вполне удачную попытку подобного рода “революции” — на Майдане в 2013–2014 гг.

В революционных спектаклях молодежь фактически выступает в роли статистов или массовки на фоне определенным образом подобранных театральных декораций. Основным местом действия этого театрализованного революционного спектакля является, конечно же, улица.

“Уличные акции — одна из форм политического действия; к их числу относятся демонстрации, шествия, митинги, пикеты, перфомансы, хэппенинги и т.д. Во всем мире наибольшую активность в проведении уличных акций проявляет молодежь. Россия в данном случае не исключение”⁶.

С. Вальцев, анализируя участие молодежи в “оранжевой революции” 2004 г. на Украине, заметил следующее: «Политтехнологами из штаба Ющенко умело используется потребность молодежи принадлежать к определенной группе. Место на площади Независимости в Киеве превратилось в молодежную тусовку, а оранжевая повязка — пропуск на нее. Молодежь особо не волнуют Ющенко и его программа, им интересно “тусоваться” и слушать “халявную” музыку. Показателен в этом отношении тот факт, что более 90% из тех, кто страстно доказывает правоту Ющенко, не могут даже назвать его отчество, не говоря уже о чем другом. Управляемый протест, разбавленный дискотеккой и подогретый выпивкой, очень

⁵ Громов Д.В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М., 2012. С. 7–8.

⁶ Там же. С. 6.

хорошо направляется в определенное русло и служит для выполнения задач, о которых молодежь даже не догадывается»⁷.

Современные “цветные”, “бархатные”, “твиттерные” революционные спектакли всегда хорошо спланированы, организованы и материально обеспечены. В. Осипов так описывает спектакль “оранжевой революции” на Украине: «“Оранжевая революция” осуществлялась мотивированным и хорошо тренированным активом, в подготовку которого были инвестированы немалые средства. Кроме того, она имела постоянное музыкальное сопровождение. Практически все популярные украинские рок-команды непрерывно выступали на Майдане, задавая всему происходящему возбуждающую, восторженную атмосферу, поддерживая дух праздника... Меня поразило, что организаторам удалось несколько недель сохранять в людях состояние энтузиазма и восторга. С активом палаточного городка все было проще — они жили на Майдане постоянно, получали деньги; но держать в заведенном состоянии толпы киевлян и приезжих, ежедневно приходивших на площадь, — сложная и важная гуманитарно-технологическая задача. “Оранжевые” решили ее на “хорошо”. Им удалось мобилизовать массовое народное движение. В том числе — у тысяч людей, ставших инструментом производства этой иллюзии»⁸.

Используя имеющееся социальное недовольство и обостряя его до крайности посредством соответствующих пропагандистских и информационных атак, взятием под контроль средств массовых коммуникаций, “сценаристы”-организаторы революционных спектаклей создавали и использовали различные молодежные организации (в Югославии — “Отпор”, в Грузии — “Кмара”, на Украине — “Пора!”, в Киргизии — “Кел-Кел” и “Бирге”) как катализатор этих “революционных процессов”. Они возвращали и обучали лидеров, активистов, “массовиков-затейников” будущих революционных спектаклей.

Политтехнологи, “революционные” журналисты, блогеры активно создавали “образ врага” из представителей действующей власти, с которыми невозможен никакой диалог и компромисс и для которых в сложившейся ситуации предусмотрен только один путь — отказ от власти. Создавая водораздел между “нашими”, — революционерами (быть которыми “модно”, “круто” и “престижно”), и “не нашими”, они всячески подчеркивали неизбежность победы “революции”. А различные уличные акции превращали в своеобразный “праздник”, “уличный карнавал” для молодежи,

⁷ Вальцев С. Украинский раскол, как он есть // Дуэль. 2005.18.01. № 2 (402).

⁸ Цит. по: Кара-Мурза С.Г. “Оранжевые” политические технологии // Проблемы управления. 2011. № 1 (38). С. 167.

умело воздействуя на ее неокрепшее сознание посредством различных каналов: образов, музыки, особого языка, лозунгов, текстов, цвета, света, пластики, декораций.

Искусственно конструируя процесс массообразования, политтехнологи и режиссеры того или иного революционного спектакля стремятся превратить образующиеся уличные толпы в организованную силу и инструмент для достижения поставленных целей, придавая их действиям узаконенный статус.

Как заметил М.В. Ремизов: «Революционные технологии – это механизмы придания “целеустремленной” толпе статуса народа. Специфика бархатных революций в том, что этот статус не завоевывается “революционной массой”, а приходит к ней извне. Именно внешний центр власти – не столько по дипломатическим, сколько по каналам мировых СМИ, – гарантирует статус митингующих в качестве авангарда народа, вышедшего на смену истории, чтобы сменить режим. Внешнее признание важно для любого революционного режима, но в одном случае оно только следует за фактом взятия власти, а в другом – логически предшествует ему»⁹.

При помощи различных политтехнологий, молодежь как необходимый мобилизационный ресурс для создания революционной массы часто организуется в форме сетевых сообществ и неформальных молодежных движений, по команде-призыву выплескивающих на улицы. Главная задача политтехнологов и организаторов революционных спектаклей – вовремя парализовать государственные и проправительственные структуры и не допустить поддержки свергаемого правительства со стороны потенциально поддерживающих его слоев населения (ведь революционная толпа в процентном соотношении к населению страны представляет собой подавляющее меньшинство). В случае же если что-то пойдет не по сценарию, молодежь используют как “пушечное мясо” и “жертву кровавого режима”, откладывая само свержение режима “до следующего раза”.

Невежество, тщеславие, самоуверенность молодежи, часто воплощаемые в категоричных суждениях и “черно-белом” видении мира, в полной мере используются социоинженерами и политтехнологами для осуществления манипулятивных действий в ее отношении. Задействовав лесть и играя на этих свойствах, манипуляторы (как внешние, так и внутренние) добиваются от молодежи нужных им действий, восприятия и мышления. Различные молодеж-

⁹ Ремизов М.В. Неоколониальная революция: осмысление вызова // Агентство Политических Новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1237.htm> (дата обращения: 16.06.2016).

ные субкультуры, контркультуры, формальные или неформальные объединения, группы или отдельные личности при определенном воздействии на них СМИ и коммуникаций, а также применении самых простых технологий (вроде флэшмобов, концертов и подобного рода акций), становятся полностью подконтрольными организаторам различных социальных и политических проектов, в том числе и “революционных”, с целью привода к власти своих ставленников. Примером тому служат события во Франции в 1968 г.

В 1968 г. американские и связанные с ними спецслужбы других государств провели во Франции операцию по организации очередной “современной” революции с целью свержения неподконтрольного англосаксонским элитам французского президента Шарля де Голля. Причины этого были вполне прозрачны. Шарль де Голль, как истинный национальный лидер и герой Франции, последовательно проводил политику, направленную на обретение Францией всей полноты государственного суверенитета. Он наладил дружеские отношения с Советским Союзом, добился выхода Франции из блока НАТО, т.е. способствовал осуществлению Францией курса независимой внешней политики и обретения дипломатического суверенитета. В 1967 г. политика де Голля чуть было не обрушила всю англосаксонскую систему мировой экономической гегемонии, заставив англосаксов поменять имеющиеся у Франции долларовые запасы на золото, что явно было направлено на обретение Францией всей полноты экономического суверенитета. Естественно, англосаксонские элиты и спецслужбы не могли простить этого де Голлю и запустили реализацию очередного революционного спектакля, движущей силой которого выступили французские студенты¹⁰.

Многих французских и иностранных журналистов и наблюдателей, не имеющих представления о технологиях осуществления англосаксами экспорта революций, в буквальном смысле этого слова поражали те лозунги, под которыми французские студенты вышли свергать Шарля де Голля. Но и студенты сами не понимали и не могли связно объяснить, чего они хотят. Они скандировали лозунги и несли транспаранты: “Запрещается запрещать!”, “Забудь все, чему тебя учили – начни мечтать!”, “Анархия – это я”, “Распахните окна ваших сердец!”, “Нет экзаменам!”, “Все хорошо: дважды два уже не четыре”, “Оргазм – здесь и сейчас!”, “Все – и немедленно!”, “Границы – это репрессии”, “Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем”, “Вы устарели, профессора!”, “Революцию не делают в галстуках”, “Ста-

¹⁰ См.: *Гонсалес-Мата Л.М.* Невидимые властители: записки агента. М., 1983. С. 36–44.

рый крот истории наконец вылез – в Сорбонне (телеграмма от доктора Маркса)”, “Университеты – студентам, заводы – рабочим, радио – журналистам, власть – всем!” и т.п.¹¹

Следует отметить, что французским студентам доставляло удовольствие участвовать в различного рода многолюдных, уличных “действиях”, об истинных организаторах которых они не имели никакого представления. В этом контексте весьма ценным историческим источником являются воспоминания-свидетельства бывшего сотрудника Главного управления безопасности Испании Л.М. Гонсалес-Мата, который принимал самое активное участие во взаимодействии с сотрудниками ЦРУ США в организации студенческих выступлений и беспорядков в мае 1968 г. во Франции с целью свержению президента Шарля де Голля¹². При активном участии ЦРУ и иных связанных с ним спецслужб несанкционированные акции быстро выродились в массовые и хорошо организованные беспорядки, а молодые французы приложили все силы, не понимая, что творят и кто ими руководит, к свержению и отставке своего национального героя и лидера. Ситуация во Франции оказалась полностью дестабилизирована, что сказалось на результатах апрельского референдума 1969 г., после которого де Голль ушел в отставку¹³. Как только Шарль де Голль ушел в отставку, молодежный бунт завершился, но и французская молодежь осталась ни с чем.

Привыкнув принимать участие в “тусовке”, безобидных флэш-мобах, различных молодежных акциях, молодой человек не осознает, не замечает и, конечно же, будет отрицать, что его фактически уже давно используют их организаторы, часто только в им понятных целях. Поэтому получив соответствующие смс-сообщения или сообщения в социальных сетях, многие из них пойдут, не задумываясь и не осознавая сути происходящего, принимать участие в новых акциях, которые могут принять характер мероприятий вроде “акций” на “Чистых прудах” и “Болотной площади”. Именно такого рода технологии часто и используются для организации “цветных” и “твиттерных” революций. Как видно, ничего принципиально нового со времен операции по свержению Шарля де Голля в результате студенческих волнений 1968 г. за исключением технических средств и методов социоинженерами и спецслужбами изобретено не было.

¹¹ См.: *Замостьянов А.* 1968: “Все – и немедленно!”. Тот год определил развитие цивилизаций на несколько десятилетий вперед // Военное обозрение. 2013.14.02. URL: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html> (дата обращения: 15.05.2018).

¹² См.: *Гонсалес-Мата Л.М.* Указ. соч. С. 36–44.

¹³ Там же. С. 43.

В современных революционных процессах, являющихся в подавляющем большинстве своем не “классическими” революциями, а операциями спецслужб и различных структур по смене власти в той или иной стране, молодежь является объектом и жертвой манипулятивного воздействия и политтехнологий со стороны организаторов подобных революционных спектаклей. И ни о каком процессе политической социализации речь здесь, конечно же, не идет. Если кому-то нужны великие потрясения, то для российской молодежи более актуальным является вопрос возрождения российской государственности и основ существования гражданского общества, а вместе с этим и преодоление кризиса, который переживают в настоящее время большинство институтов социализации молодежи.

Как справедливо отметил В.В. Путин, “Россия исчерпала свой лимит на политические и социально-экономические потрясения, катаклизмы, радикальные преобразования. Только фанатики или глубоко равнодушные, безразличные к России, к народу политические силы в состоянии призывать к очередной революции. Под какими бы лозунгами — коммунистическими, национально-патриотическими или радикально-либеральными — ни развернулась бы очередная крутая ломка всего и вся, государство и народ ее не выдержат. Терпение и способность нации к выживанию, равно как и к созиданию, находятся на пределе истощения. Общество просто рухнет — экономически, политически, психологически и морально”¹⁴. В данной связи использованию молодежи в различных революционных сценариях надо противодействовать всеми доступными средствами и на корню пресекать любые действия в этом направлении, в том числе, с внешней стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афоризмы. Отто фон Бисмарк // Официальный сайт Orator.ru. URL: <http://www.orator.ru/bismarck> (дата обращения: 28.06.2018).

Вальцев С. Украинский раскол, как он есть // Дуэль. 2005.18.01. № 2 (402).

Гонсалес-Мата Л.М. Невидимые властители: записки агента. М., 1983.

Громов Д.В. Уличные акции (молодежный политический активизм в России). М., 2012.

Даллес А. Доктрина: Россию надо поставить на место. М., 2011.

Замостьянов А. 1968: “Все — и немедленно!”. Тот год определил развитие цивилизаций на несколько десятилетий вперед // Военное обозрение. 2013. 14.02. URL: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html> (дата обращения: 15.05.2018).

¹⁴ См.: *Путин В.В.* Россия на рубеже тысячелетий. URL: <http://www.agitclub.ru/vyboru/put/put2000/putinn210.htm> (дата обращения: 16.06.2016).

Кара-Мурза С.Г. “Оранжевые” политические технологии // Проблемы управления. 2011. № 1 (38).

Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. URL: <http://www.agitclub.ru/vybory/put/put2000/putinn 210.htm> (дата обращения: 16.06.2016).

Ремизов М.В. Неоколониальная революция: осмысление вызова // Агентство Политических Новостей. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1237.htm>. (дата обращения: 16.06.2016).

Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.

REFERENCES

Aforizmy. Otto fon Bismark [Aphorisms. Otto von Bismarck] // Oficial'nyj sajt Orator.ru [Official site of Orator.ru]. URL: <http://www.orator.ru/bismarck> (data obrashcheniya 28.06.2018) (in Russian).

Dalles A. Doktrina: Rossiyu nado postavit' na mesto [Doctrine: Russia should be put into place]. М., 2011 (in Russian).

Gonsales-Mata L.M. Nevidimye vlastiteli: zapiski agenta [Invisible masters: agent's notes]. М., 1983 (in Russian).

Gromov D.V. Ulichnye akcii (molodyozhnyj politicheskij aktivizm v Rossii) [Street actions (youth political activism in Russia)]. М., 2012 (in Russian).

Kara-Murza S.G. “Oranzhevye” politicheskie tekhnologii [Orange political technologies] // Problemy upravleniya [Management Problems]. 2011. N 1 (38) (in Russian).

Putin V.V. Rossiya na rubezhe tysyacheletij [Russia at a turn of the millennium]. URL: <http://www.agitclub.ru/vybory/put/put2000/putinn 210.htm> (data obrashcheniya: 16.06.2016) (in Russian).

Remizov M.V. Neokolonial'naya revolyuciya: osmyslenie vyzova [Neo-colonial revolution] // Agentstvo Politicheskikh Novostej [Agency of Political News]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1237.htm> (data obrashcheniya 16.06.2016) (in Russian).

Shlezinger A.M. Cikly amerikanskoj istorii [Cycles of American history]. М., 1992 (in Russian).

Val'cev S. Ukrainskij raskol, kak on est' [The Ukrainian split as it is] // Duehl'. 2005. 18.01. N 2 (402) (in Russian).

Zamost'yanov A. 1968: “Vsyo – i nemedlenno!” Tot god opredelil razvitie civilizacij na neskol'ko desyatiletij vperyod [1968: “All – and immediately!” That year has defined development of civilizations for several decades ahead] // Voennoe obozrenie [Military review]. 14.02.2013. URL: <https://topwar.ru/82297-sekty-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html> (data obrashcheniya: 15.05.2018) (in Russian).

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-133-149

АГЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ О РИСКАХ ДЕВИАНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Т.В. Шипунова, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034*

Статья посвящена одной из актуальных и затрагивающих многие аспекты социальной жизни проблем — определению рисков девиантности молодежи. Для современных российских реалий характерным является повышение уровня, омоложение и феминизация девиантного поведения. Все это свидетельствует о недостатках организации профилактического социального контроля, который не ограничивается разработкой политики в отношении профилактики, но в большей степени зависит от профессиональных практик и представлений о рисках девиантности, складывающихся в дискурсах различных агентов контроля. В статье представлены основные подходы к пониманию рисков, рассмотрена важность изучения рисков в повседневных профессиональных практиках агентов контроля. Основное внимание уделяется презентации результатов исследования, целью которого было выявление общего и специфического в содержании дискурсов агентов социального контроля относительно рисков девиантности молодежи. Рассмотрены дискурсы основных агентов контроля — полиции, школы, учреждений социального обслуживания (государственных и негосударственных). Автор приходит к выводу, что в полицейском и учительском дискурсах преимущественно применяется институциональный подход, предполагающий использование внешнего контроля поведения. Дискурс учреждений социальной защиты ближе к современным представлениям о риск- и защитных факторах, базирующимся на необходимости рассмотрения положения и жизненных ситуаций молодежи, а также развития внутреннего контроля. Данная статья может быть интересна специалистам, работающим в области социологии молодежи, социологии семьи, социальной работы, а также представителям всех агентов профилактического социального контроля. Материалы статьи будут полезны разработчикам и организаторам социальной политики в области профилактики девиантности, сотрудникам некоммерческих организаций социальной защиты, преподавателям и учащимся вузов.

Ключевые слова: девиантность, риски, риск- и защитные факторы, профессиональные дискурсы, социальный контроль, молодежь.

* Шипунова Татьяна Владимировна, e-mail: t.shipunova@spbu.ru, shtatspb@yandex.ru

AGENTS OF SOCIAL CONTROL ABOUT THE RISKS OF YOUTH DEVIANCE

Shipunova Tatiana V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: t.shipunova@spbu.ru, shtatspb@yandex.ru

The article is devoted to one of the most urgent problems of the social life – to the identifying the risks of young people’s deviance. For modern Russian realities, the growth of deviant phenomena in a given social group is characteristic. This testifies to the shortcomings of the organization of preventive social control, which is not limited to the development of a policy on prevention, but is more dependent on professional practices and ideas about the risks of deviance in the discourses of various control agents. The article presents the main approaches to understanding risks, the importance of studying risks in everyday professional practices of control agents is examined. The main attention is paid to the presentation of the research results, the purpose of which was to identify the general and specific in the content of discourses of social control agents regarding the risks of deviance of youth. The discourses of the main agents of control – police, school, social service institutions (state and non-state) are considered. The author comes to the conclusion that in the police and teacher discourses, an institutional approach, involving the use of external control of behavior, is predominantly used. The discourse of social security institutions is closer to the modern concepts of risk- and protective factors, based on the need to consider life situations of youth and the development of internal control. This article may be of interest to specialists working in the field of the sociology of youth, the sociology of the family, social work, as well as to representatives of all agents of preventive social control.

Key words: deviance, risks, risk and protective factors, professional discourses, social control, youth.

Введение

Изучению рисков девиантности молодежи посвящено много зарубежных и российских исследований¹. Общество возвращается

¹ См. например: *Тейван-Трейновский Я.* Анализ факторов риска преступности несовершеннолетних в Латвии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 102–110; На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа): Коллективная монография / Под науч. ред. М.Е. Поздняковой, Т.А. Хагурова. Краснодар, 2012; *Farrington D.P.* Protective and promotive factors in the development of offending // *Antisocial Behavior and Crime: Contributions of Developmental and Evaluation Research to Prevention and Intervention.* Cambridge, 2011. P. 71–88; *Oberwittler D., Schwarzenbach A., Gerstner D.* Polizei und Jugendliche in multiethnischen Gesellschaften Ergebnisse der Schulbefragung 2011 “Lebenslagen und Risiken von Jugendlichen” in Köln und Mannheim. Freiburg im Br., 2014.

к этой теме с циклической периодичностью². Попытки ее объяснения лежат в разных плоскостях и изменяются в зависимости как от социально-политической, экономической ситуации, так и от доминирующей научной парадигмы. В конце XX в. дискуссия о молодежной девиантности строилась на рассмотрении ее связи с модернизацией. Проявления нарушения норм, особенно в насильственной форме, расценивались как результат модернизационных процессов³. Данную точку зрения дополняли утверждения, что девиантность является результатом “деформированной” модернизации, вызывающей у людей восприятие своего жизненного пространства как непригодного для жизни⁴. Позже, когда научное сообщество и общественность разочаровались в идее модернизации в качестве лучшего обустройства общества, объяснение нарушения норм стало базироваться на рисках глобализации. Тогда было осознано, что национальное государство не способно обеспечить достойное существование всех своих членов, создать для всех одинаково благоприятные условия для роста, развития и полноценной интеграции в социальное пространство. Вместе с этим стало понятно, что “порядок и здравый смысл, моральное совершенство и просвещенность перестали быть общими для всех... высшими ценностями”⁵. Плюрализм и неоднородность как атрибуты современного общества принуждают индивидов вступать “в контакт со многими идеями и ценностями”⁶, оставаясь при этом один на один с необходимостью принятия решений, что создает риски выбора альтернативных, а иногда — девиантных образцов поведения.

В настоящее время при изучении факторов риска девиантного поведения молодежи находят применение идеи теории повседневности. Так, в теории жизненных циклов (*life course theories*) при объяснении девиаций учитываются факторы повседневной жизни, влияющие на изменения в девиантной карьере. Теория течения жизни и невыгодного положения (*life course of cumulative disadvantage*) в качестве центрального пункта рассматривает представление о кумулятивном невыгодном положении девиантного образа жизни⁷. Развитие повседневной “девиантной” активности соотносится,

² Hafeneger B. Jugend-Gewalt: zwischen Erziehung, Kontrolle und Repression: ein historischer Abriss. Opladen, 1994. S. 7–8.

³ Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main, 1986. S. 25.

⁴ Россия: риски и опасности “переходного общества” / Под ред. О.Н. Яницкого. М., 1998. С. 16.

⁵ Харп К. Постмодернизм. М., 2006. С. 34.

⁶ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 580.

⁷ Schneider H.J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie. Münster, 2001. S. 61.

прежде всего, с неудачами в таких социальных связях, как семья, школьная среда, сверстники. Этим подчеркивается, что континуум неодобряемого обществом поведения образуется в неформальных и формальных социальных интеракциях⁸. Нестабильность и беспокойство, вызванное неудачами, оказывают негативное воздействие на жизнь людей и ведут при определенных условиях к совершению девиаций. Исследователи считают, что в качестве рисков следует изучать положение молодежи, жизненные ситуации, события повседневной жизни, которые предшествуют нарушениям норм, выступающим в виде особого рода реакций на ситуацию в момент осуществления интеракции⁹.

От того, как понимаются риски и каким содержанием они наполняются, напрямую зависит профилактическая деятельность агентов социального контроля. Конечно, государственная политика контроля молодежной девиантности как макроуровневый феномен задает определенные ориентиры, в которых находят отражение понимание нормального/девиантного, рисков, методов, средств и границ контроля. Однако социальный контроль как деятельность в своем реальном выражении протекает на микроуровне социальной реальности во взаимодействиях “лицом к лицу” в мы-отношениях¹⁰. Различные агенты социального контроля имеют особенности, которые влияют на формирование профессионального дискурса, понимаемого как совокупность идей, заданных спецификой и направленностью деятельности и определяющих взаимодействия по поводу определения социальной реальности и/или ее элементов. При этом профессиональная повседневная деятельность (рутинные профессиональные практики) предстает как экспериментальное пространство для формирования консенсуса между участниками профессиональной группы, “что позволяет участникам поддерживать общение, имеющее определенную целевую направленность, даже в том случае, если по ходу дела обнаруживается, что их смысловые каркасы не общезначимы, что они вступили в коммуникацию, успех которой не гарантирован, но цели, к которым они стремятся, так важны, что ради них надлежит всеми силами стремиться к консенсусу”¹¹. Взаимодействия в повседневной профессиональной деятельности формируют единое коммуникативное пространства среды, в которой

⁸ Delinquenz im Jugendalter: Erkenntnisse einer Münsteraner Längsschnittstudie / K. Boers, J. Reineke (Hrg.) Münster, 2007. S. 28–29.

⁹ Breuer T. Kriminologie als kriminologische Handlungslehre: Ein Grundriss für die Aus- und Fortbildung. Landwaden, 1998. S. 30–31.

¹⁰ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М., 2003. С. 114–115.

¹¹ Порус В. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М., 2009. С. 17.

осуществляется “непрерывная выработка тех смыслов, вокруг которых (хотя бы на время) объединяются до того разрозненные мнения отдельных участников”¹² тематической (профессиональной) коммуникации. Наличие в дискурсах специфического сенсориума – того, что позволяет “селективно реагировать на процессы во внешнем мире, сохраняя свою системную специфичность”¹³ – обеспечивает основу для аутентичного восприятия происходящего в окружающей социальной реальности, которая дает импульс для конструирования своих собственных представлений, в том числе, касательно рисков девиантности.

В связи с этим представляется, что для лучшего понимания девиантных явлений, процесса контролирования и повышения эффективности профилактических мероприятий следует изучать профессиональные дискурсы агентов социального контроля, к которым традиционно относят официальные социальные институты, осуществляющие формальный контроль, и институты, реализующие неформальный социальный контроль – семья, церковь, гражданские (общественные) инициативы. В рамках данной статьи представлены результаты исследования конструкторов, развиваемых в дискурсах профессиональной деятельности основных агентов профилактики девиантности молодежи, – полиции, школы, учреждений социального обслуживания. Цель исследования – выявление общего и специфического в содержании дискурсов относительно рисков девиантности молодежи. Представляется, что такой подход может дать сведения о видении субъекта и предмета профилактического воздействия “изнутри”, в дискурсе тех, кто несет ответственность (хотя бы отчасти) за неблагоприятную ситуацию с девиантностью молодежи в России¹⁴, а также может способствовать пониманию интенций представителей разных дискурсов и их адекватности современным вызовам.

Предварительные замечания об исследовании

В 2016–2017 гг. было проведено исследование¹⁵, целью которого было изучение дискурсов представителей агентов социального

¹² Порус В. Указ. соч. С. 20–21.

¹³ Антоновский А.Ю. Пространство и время коммуникации и сознания: Бурдьё vs. Луман // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М., 2009. С. 85.

¹⁴ См., например: Ефимовский А.В., Стебенева Е.В. Современная преступность: тенденции, причины, прогноз (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 82–86; Ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2015 г. СПб., 2016.

¹⁵ Исследование проведено в рамках проекта “Положение и риски девиантности молодежи, проживающей в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)” при поддержке гранта РФФИ № 15-03-00383.

контроля, занимающихся профилактикой девиантности молодежи Петербурга. Задачи формулировались на основе выделения компонентов, помогающих наиболее полно раскрыть содержание дискурсов, и предполагали идентификацию представлений о ситуации с девиантностью молодежи в мегаполисе (распространенность, виды и т.д.), определение субъекта профилактического воздействия, рассмотрение точек зрения на риск- и защитные факторы, характеристику представлений об агентах социального контроля и эффективности их деятельности. В данной статье мы остановимся лишь на одном аспекте интервью – конструировании агентами социального контроля риск- и защитных факторов девиантности молодежи.

В исследовании использовался метод индивидуального фокусированного интервью (n = 15), концентрировавшего внимание респондентов на проблеме, ее определении и субъективных переживаниях, связанных с восприятием ситуации. Указанный метод позволяет на основе разрозненных данных описать специфику дискурсивного конструкта рисков девиантности молодежи у разных агентов социального контроля. Длительность интервью с экспертами в среднем составляла 45 минут, место проведения – привычная рабочая обстановка. Гайд интервью включал пункты: самопрезентация, описание проблемной ситуации, блоки вопросов, соответствующих исследовательским задачам. Методом обработки транскриптов интервью выступил контент-анализ.

В фокусированном интервью не применяется выборка, поскольку не ставится задача экстраполяции выводов на большие социальные общности. Выбор экспертов определялся лишь задачами исследования, общей логикой изучения деятельности агентов социального контроля и организационными моментами (например, необходимостью согласования кандидатур экспертов и организации интервью с руководством некоторых ведомств). В целях обеспечения достоверности информации в группу экспертов включены представители основных агентов социального контроля/профилактики девиантности молодежи на территории Санкт-Петербурга: сотрудники полиции (3 человека), школы (2 человека), государственных (6 человек) и негосударственных (4 человека) социозащитных учреждений. Группа респондентов формировалась на основе трех критериев: включенность в практическую деятельность, связанную с социальным контролем девиантности молодежи, опыт работы с молодежью в течение не менее года, наличие высшего образования, позволяющего более четко формулировать высказывания. Среди экспертов было десять женщин и пять мужчин. Средний стаж работы экспертов 14 лет, с разбросом от 1–2 лет (3 чело-

века в госучреждениях социального обслуживания) до более 20 лет практической работы (в полиции, школе и социозащитных учреждениях).

В соответствии с ведомственной принадлежностью, спецификой организации и направленностью деятельности при анализе данных были выделены три дискурса: полицейский, учительский и социозащитный (государственные и негосударственные учреждения социальной защиты), в которых происходит уточнение, детализация общего для всех агентов конструкта социального контроля. *Полицейский дискурс* был представлен сотрудниками службы участковых, полиции по охране общественного порядка и отдела участковых уполномоченных полиции по делам несовершеннолетних трех районов Санкт-Петербурга. Районы отличаются количеством и составом населения, что влияет на специфику и число девиаций, совершаемых молодежью. В качестве экспертов руководством Городского управления внутренних дел (после запроса) были определены заместители руководителей указанных служб, имеющие общий стаж работы от 11 до 26 лет и опыт практической деятельности по профилактике девиантного поведения молодежи. *Учительский дискурс* выделен на основе интервью с преподавателем (по совместительству – классным руководителем) лица и социальным педагогом одной из школ Петербурга (стаж работы с детьми – по 20 лет). Их оценка рисков девиантности молодежи ограничилась рамками школы, причем на полноту ответов могла повлиять установка, озвученная одним из экспертов: “любая школа старается не выносить сор”, а также неосведомленность учителей о жизни детей вне школы/лица. *Социозащитный дискурс* представлен сотрудниками государственных и негосударственных учреждений социального обслуживания. В интервью приняли участие представители следующих государственных учреждений: центр социальной помощи семье и детям одного из районов города, подростково-молодежный центр, центр профилактики асоциальных явлений среди молодежи. В интервью участвовали как руководители подразделений, так и специалисты по социальной работе с молодежью. Стаж практической работы от 1 года до 25 лет. Негосударственные учреждения социальной защиты представлены сотрудниками центра социальной адаптации молодежи, имеющей проблемы с законом, и одного из фондов, принимающих на стационарное обслуживание несовершеннолетних с аддикциями. Стаж работы сотрудников – от 16 до 20 лет.

Перейдем к результатам анализа тех компонентов, которые в достаточной мере раскрывают вопрос о конструировании рисков, рисков и защитных факторов девиантности молодежи. Поскольку россий-

ская практика превентивного социального контроля девиантности ограничена возрастными рамками субъекта контроля, то в высказываниях экспертов чаще всего упоминается несовершеннолетняя молодежь.

Основные результаты исследования

Следует отметить, что представители всех официальных агентов социального контроля рассматривают риски как синонимы причин, а потому в своих определениях рисков и факторов часто используют терминологию, свойственную для позитивистского подхода, ориентированного на установление причинно-следственных связей. Чтобы не допустить конфликта между понятиями и соблюсти некоторую логику и единство при изложении материала, мы будем использовать ту терминологию, которая прозвучала при формулировке вопросов интервью, имея, однако, в виду синонимизацию понятий “риск” и “фактор риска” в высказываниях экспертов.

В *полицейском* дискурсе основным риском девиантности выступает взаимодействие молодежи между собой при отсутствии контроля со стороны взрослых. Бесконтрольность, неуправляемость ведут к некритическому восприятию образцов поведения, предлагаемых СМИ и интернетом. Однако “дурной пример взрослых” также может стать фактором риска противоправного поведения. Важную роль играет фактор безнаказанности, отсутствие боязни наказания и ответственности. Среди других значимых рисков отмечены: отсутствие должного воспитания и конфликты в семье, демонстрация в интернете негативных моделей поведения и призывов к их реализации (“ключ в интернете”), опыт потребления некоторых веществ (алкоголь, наркотики) в группе сверстников. Опасным фактором риска выступает невключенность молодежи в организованные и контролируемые взрослыми формы деятельности: учебные заведения, армия, секции, кружки и т.п. При отсутствии включенности в жизнь данных социальных институтов у молодых людей возникает потребность в поиске других форм активности, например, в виде общения в интернете или в молодежной среде, “которая ничем не занята”. При наличии денег, молодежь “тусуется” (ходит по клубам, устраивает шоппинг), при отсутствии финансовых средств начинает активно их искать, а “их можно или заработать... или украсть”.

Анализ ситуации “от обратного” (при ответе на вопрос о защитных факторах) показывает, что представители полиции видят возможность избегания девиантного поведения при условии, если у подрастающего поколения сформирована боязнь наказания, на-

пример, в виде общественных работ, хотя применение такой меры чрезвычайно полезно. При ее широком использовании молодой человек сможет не только исправить совершенную ошибку, но и получит возможность общения с сотрудниками правоохранительных органов, которые являются если не образцом в плане поведения, то “эталонном в плане отношения к жизни, к социуму, к обществу”. Общение с сотрудниками могло бы “подтянуть детей” и, возможно, вызвало бы желание в дальнейшем работать в полиции, “потому что проступок не перечеркивает жизнь, но дает ребенку возможность исправиться”. Кроме того, в качестве защитного фактора рассматривается формирование ответственности. Один из экспертов утверждает, что в обществе существует некоторый перекос в воспитании: “Постоянно говорим про права ребенка, но никто не говорит детям об их обязанностях”. Не менее значима пропаганда и демонстрация в СМИ того, “что плохо”. Важно и воспитание в семье, так как семья примерно в семидесяти процентов случаев определяет отказ от повторного совершения административных правонарушений. Важным элементом системы защитных факторов в этом дискурсе считается правильно организованный досуг. Молодые люди всегда должны быть заняты, особенно посредством включения в организованные формы деятельности. Если этого не происходит, то они чувствуют себя ушербными, ущемленными.

В *учительском* дискурсе первое место среди рисков занимают отсутствие внимания со стороны родителей, а также неумение и нежелание трудиться. К факторам риска относится отсутствие интересов, увлечений и возможностей их реализации. Эти факторы, в свою очередь, ведут к погружению индивида в интернет-коммуникации, в которых он “привыкает жить”. Названные факторы риска девиантности коррелируют с представлениями экспертов о защитных факторах, к которым, прежде всего, относятся внимание со стороны родителей, увлеченность каким-то делом, которое позволяет ребенку почувствовать себя частичкой общества, значимой личностью, повышает его самооценку, включенность с раннего возраста в социально активную деятельность (кружки, секции) с целью повышения самооценки. В этом дискурсе часто упоминается советское прошлое, когда школа играла важную роль в воспитании детей и у нее был высокий статус в обществе. Кроме того, сдерживающим фактором считается соблюдение законов, например, комендантского часа, установленного для несовершеннолетних лиц.

Дискурс *государственных учреждений социальной защиты* близок учительскому, хотя здесь спектр факторов риска значительно шире. К ним относятся плохие отношения в семье, отсутствие родительского контроля, гиперопека, отношения между самими родителями

и/или их девиантное поведение (алкоголизм, наркомания, антиобщественный образ жизни), проблемы психологического характера, отношения со сверстниками, особенно с лицами, пропагандирующими антиобщественное поведение. Ухудшению отношений в семье и безнадзорности детей способствуют как педагогическая неграмотность родителей, так и плохие экономические условия семьи, чрезмерная трудовая занятость матерей, разводы родителей, повторные браки и т.д. Факторами риска могут выступать также исключение из образовательного процесса (30% детей нигде не учатся) или недостатки образования, жизнь в неполных и/или неблагополучных семьях, где родители “не развивают” детей (однако один из экспертов считает, что уровень доходов не играет роли, и девиантными могут стать дети из семей с высоким уровнем достатка), отсутствие представлений о системе ценностей, установка на «достижение материального достатка, причем чаще всего “легких денег”». Если ребенок не нужен близким родственникам, он начинает искать компанию, “где его будут принимать, одобрять и неважно, чем будет заниматься эта компания”. В этом дискурсе, также как в двух предыдущих, обращается внимание на отсутствие возможностей занятости в сфере досуга. По мнению одного из экспертов, все интересные для молодежи клубы и секции функционируют на платной основе, и это существенно сокращает возможности молодежи (как несовершеннолетней, так и совершеннолетней) для включения в социально одобряемые формы досуга. А “если досуг не организован, они болтаются на улице”, знакомятся с представителями девиантных субкультур и приобщаются к их образу жизни.

Защитными факторами, препятствующими развитию девиантной карьеры, выступают гармоничная полная семья, благоприятные внутрисемейные отношения, традиции, культура, способность к целеполаганию, сформированная в детстве система ценностей, страх потери чего-то важного, заинтересованность родителей в решении проблемы деструктивного поведения детей, особенно 10–14-летнего возраста, поскольку их поведение еще поддается коррекции. Девиации может сдерживать и позитивный пример авторитетного в молодежной среде лидера, который транслирует значимые социальные ценности и идеи. Кроме того, это может быть знание законов и последствий совершения девиаций, сведения о которых должны даваться на специальных уроках в школах. В дискурсе выделяют также негативный защитный фактор – наказание, применяемое в соответствии с принципом неотвратимости.

Отдельно можно выделить дискурс *негосударственных учреждений социальной защиты*. Отчасти он аналогичен дискурсу представителей госучреждений, поэтому мы остановимся лишь на отличительных

моментах. Главный отличительный признак – критическое осмысление выстраиваемого социальными институтами воспитательного процесса, призванного выполнять роль первичной (общей) профилактики. Он дезориентирует молодежь, поскольку построен на лжи взрослых, которые “не держат слова”. Это могут быть как школьные учителя, так и некомпетентные родители. Среди семейных факторов риска указываются плохой психологический климат, девиантное поведение самих родителей, кризис современной семьи. Последний обусловлен постоянными экономическими и социальными проблемами российского общества, вносящими свой вклад в кризис ценностей и развитие деструкций в семьях. Сюда относится также социальное расслоение общества. В результате страдают самые слабые – дети, которых родители не только не могут, но и не хотят воспитывать, предпочитая свалить заботу о них на государство. Большую роль играет рождение от матери, страдающей алкогольной или наркотической зависимостью. Можно говорить о некоей перинатальной патологии, которая дает толчок для развития девиаций в период 13–14 лет, когда у подростков происходит гормональная перестройка организма.

Школьная среда в данном дискурсе часто определяется как рискогенная, поскольку именно в школе ребенок получает первые оценки себя как социального субъекта. И когда в школе что-то не ладится, и ребенок наделяется стигмой “плохого”, то появляется заниженная самооценка и возникает враждебное отношение ко взрослым, пытающимся воспитывать не на собственных примерах, а на словах. Некоторые эксперты считают, что современное поколение подчинено соблазну прожить свою жизнь иждивенцем (за счет родителей или государства), ничего не делая, стремясь получить лишь удовольствия. В этом смысле они – “потерянное поколение”.

К сдерживающим факторам развития девиантного поведения несовершеннолетней молодежи эксперты отнесли: улучшение школьной успеваемости детей, отстающих от своих сверстников, что могло бы снять чувство ущербности, развитие интересов при помощи дополнительного образования (кружки, секции), присутствие в жизни ребенка взрослого, которому он доверяет, причастность к отечественной истории и памяти о предках, приверженность традициям, комплексная включенность в “позитивную активную среду”, пропагандирующую здоровый образ жизни, увлеченность спортом или какими-то другими интересами в досуговой сфере, а также создающую возможность для реализации творчества, своего “Я”, приобщение на добровольной основе к социально одобряемым видам деятельности, которые формируют самоуважение, наличие планов на будущее и обозримых перспектив их реализации, ком-

петентность родителей, способных создать благоприятную среду развития, заложить нравственные ценности, сформировать социально одобряемую модель поведения.

Исследование показало, что представители основных агентов профилактики видят риски девиантности и в индивидуальных особенностях молодежи. Эксперты формируют представления об образе нарушителя норм как с позиций интересов общества, так и с позиций самих нарушителей¹⁶. Однако существует некоторое различие в зависимости от степени формализации и ведомственной принадлежности агента контроля. Эксперты полицейского дискурса более склонны выделять негативные характеристики нарушителей норм из числа молодежи, делая упор на вреде и опасности их поступков для общества. К характерным чертам девиантов (особенно правонарушителей) эксперты относят сравнительно низкий уровень образования (неполное среднее или профессионально-техническое), ориентация на авторитет группы, внушаемость и нарушения эмоционального развития, неспособность отдавать отчет в последствиях своих поступков, отсутствие ценностей и каких-либо положительных (нравственных) качеств, правовой нигилизм и неуважение к полицейским, “пофигизм”, безразличие к своей дальнейшей судьбе.

В других дискурсах образ нарушителя норм менее однозначный. Негативные характеристики преимущественно связываются с неблагоприятной средой развития – семейной или школьной, жизненной ситуацией и повседневными практиками. В учительском дискурсе образ подростка презентуется с позиций либо уровня воспитанности (“грубый”, “резкий”, “хамство” и т.д.), либо с позиции способности к обучению. В дискурсе социозащитных учреждений конструируется наиболее многогранный образ девианта, который различается в зависимости от интенсивности связей с семьей, видам и “тяжести” девиации. Ценностные ориентации и установки зависят от стажа девиантной карьеры и тяжести проступка. Например, в случае административных нарушений несовершеннолетние “в целом не отличаются от большей части молодых людей”. У несовершеннолетних, неоднократно совершавших административные и уголовные правонарушения, наблюдается полное “отсутствие интереса к учебе, спорту, творчеству”. Социальная активность этих ребят “в основном направлена на получение удовольствия”.

¹⁶ Подробно см.: *Штупнова Т.В.* Дискурсивная презентация нарушителя норм в коммуникативной модели социального контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 441–453.

Вместо заключения

В целом, при рассмотрении рисков эксперты выделяют основные уровни социальной реальности, которые воздействуют на формирование девиантного поведения молодежи: индивидуальный, групповой и социетальный. Однако можно отметить, что степень формализации агента социального контроля оказывает влияние на представления о рисках и создает вариативность в их рассмотрении. Так, в полицейском и учительском дискурсах преимущественно используется институциональный подход, который делает акцент на интенсивном использовании ресурсов различных социальных институтов для внешнего профилактического воздействия на молодежь. Социозащитный дискурс ближе к современным представлениям о риск- и защитных факторах, предполагающих активизацию внутреннего контроля поведения через формирование и развитие личности подростка. Эксперты дискурса, особенно представители негосударственных учреждений социальной защиты, дают более полное определение рискогенности социальных факторов, опираясь на рассмотрение положения и жизненной ситуации молодежи. Важность ориентации именно на данные характеристики обусловлена тем, что смысловой рамкой индивидуальной активности индивидов (помимо социокультурного контекста, являющегося общим фоном их жизнедеятельности) выступают контексты повседневности. Они содержат в себе разнообразные риски, оказывающие как прямое, так и косвенное воздействие на поведение. А поскольку риск — это “сложный комплекс обстоятельств, с которыми обычно приходится иметь дело”¹⁷, то любое решение, принятое индивидом в этих обстоятельствах чревато вероятностью ошибок¹⁸, выражающихся в том числе в нарушении социальных норм. Разнообразные контексты формируют жизненные ситуации индивидов, в которых объединяются внешние и внутренние стимулы (возможного) нарушения социальных норм (=факторы риска). Поскольку ресурсы у всех индивидов разные, то их поведение также будет различаться таким образом, что создается некий спектр выбора и варианта поступка/поведения/деятельности.

Современная реальность характеризуется изменчивостью и постмодернизмом, шоуизацией и возрастанием конкуренции, начиная с детского возраста. Все это, с одной стороны, размывает идентичность, а с другой — принуждает искать новую, которая будет заменена следующей и т.д. Особенно трудно приходится (несовершеннолетней) молодежи, поскольку власть мира взрослых над реальностью,

¹⁷ Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. Вып. 5. С. 151.

¹⁸ Там же. С. 153.

над ребенком безраздельна. Более того, это не всегда власть любящих родителей. Это может быть власть безличного государства, ограниченного в своей заботе о молодом поколении собственными амбициями, дефицитом ресурсов, установками, идеологией, политическими приоритетами. “Власть в обществе включает власть над определением того, как будут организованы основные процессы социализации, а тем самым и власть над производством реальности”¹⁹. Ребенок сразу помещается в эту реальность и взрослеет в ней без права выбора. Однако он живет совсем в другом определении момента и времени, другом настоящем и будущем, чем те взрослые, которые его окружают. Это несоответствие временного опыта определяет драматизм – и трудность – жизни многих молодых людей, ведущий к личностным кризисам. Для молодежи в условиях экспрессивной современной реальности характерны экстремальная противоречивость усилий и в целом – жизни, ориентированной на будущее²⁰. Непримируемость с несправедливостью, царящей в обществе, зачастую нелепые и/или устаревшие требования взрослых, консервативная мораль и т.д. могут подтолкнуть молодого человека к сопротивлению в форме негативных девиаций.

Сказанное означает, что необходимо рассматривать не отдельные факторы, а их совокупности, т.е. использовать комплексный подход. Кроме того, необходимо предпринимать усилия по нахождению консенсуса по вопросам профилактики рисковенных показателей (положения молодежи, негативных жизненных ситуаций, факторов риска), распределению полномочий и налаживанию взаимодействий всех агентов социального контроля, делая упор на развитие защитных факторов. При этом социальная политика в отношении профилактики девиантности молодежи должна уделять больше внимания развитию негосударственных учреждений социальной защиты, нацеленных, в первую очередь, на формирование внутреннего контроля поведения у молодежи. Значимость такой работы особенно возрастает в ситуации, когда деятельности легитимных агентов социального контроля противостоят нелегитимные агенты – организованные преступные группировки, различные девиантные субкультуры, продвигающие негативные и саморазрушительные образцы поведения (потребление наркотиков, экстремизм и т.д.). Они зачастую имеют большую мотивацию и финансовое обеспечение контроля, что обуславливает их более

¹⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 195.

²⁰ Thiersch H. Lebensweltorientierte Soziale Arbeit: Aufgaben der Praxis im sozialen Wandel. Weinheim; München, 1997. S. 50.

высокую результативность и эффективность в деле продвижения в повседневную жизнь образцов поведения, альтернативных общепринятым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антоновский А.Ю. Пространство и время коммуникации и сознания: Бурдьё vs. Луман // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М., 2009. С. 64–93.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Гидденс Э. Социология. М., 2005.

Ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2015 г. СПб., 2016.

Ефимовский А.В., Стебенева Е.В. Современная преступность: тенденции, причины, прогноз (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 82–86.

Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа): Коллективная монография / Под науч. ред. М.Е. Поздняковой, Т.А. Хагурова. Краснодар, 2012.

Порус В. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М., 2009. С. 11–24.

Россия: риски и опасности “переходного общества” / Под ред. О.Н. Яницкого. М., 1998.

Тейван-Трейновский Я. Анализ факторов риска преступности несовершеннолетних в Латвии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 102–110.

Харт К. Постмодернизм. М., 2006.

Шипунова Т.В. Дискурсивная презентация нарушителя норм в коммуникативной модели социального контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 441–453.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М., 2003.

REFERENCES

Antonovskij A. Ju. Prostranstvo i vremja kommunikacii i soznanija: Burd'e vs. Luman [The space and time of communication and consciousness: Bourdieu vs. Luhmann] // Kommunikativnaja racional'nost': jepistemologicheskij podhod [Communicative rationality: the epistemological approach]. М., 2009. P. 64–93 (in Russian).

Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main, 1986.

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of knowledge]. M., 1995 (in Russian).

Breuer T. Kriminologie als kriminologische Handlungslehre: Ein Grundriss für die Aus- und Fortbildung. Landwaden, 1998.

Delinquenz im Jugendalter: Erkenntnisse einer Münsteraner Längsschnittstudie / K. Boers, J. Reineke (Hrg.). Münster, 2007.

Efimovskij A.V., Stebeneva E.V. Sovremennaja prestupnost': tendencii, prichiny, prognoz (na primere Sankt-Peterburga) [Modern crime: trends, causes, forecast (on the example of St. Petersburg)] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia]. 2015. N 1 (65). P. 82–86 (in Russian).

Ezhegodnyj doklad upolnomochennogo po pravam rebenka v Sankt-Peterburge za 2015 g. [Annual report of the Commissioner for Children's Rights in St. Petersburg in 2015]. SPb., 2016 (in Russian).

Farrington D.P. Protective and promotive factors in the development of offending // Antisocial Behavior and Crime: Contributions of Developmental and Evaluation Research to Prevention and Intervention. Cambridge, 2011. P. 71–88.

Giddens Je. Sociologija. [Sociology]. M., 2005 (in Russian).

Hafeneger B. Jugend-Gewalt: zwischen Erziehung, Kontrolle und Repression: ein historischer Abriss. Opladen, 1994.

Hart K. Postmodernizm [Postmodernism]. M., 2006 (in Russian).

Luman N. Ponjatie riska [The concept of risk] // Al'manah THESIS [Almanac THESIS]. 1994. P. 135–160 (in Russian).

Na puti k prestupleniju: deviantnoe povedenie podrostkov i riski vzroslenija v sovremennoj Rossii (opyt sociologicheskogo analiza) [On the way to the crime: deviant behavior of teenagers and the risks of growing up in modern Russia (experience of sociological analysis)]: Kollektivnaja monografija / Pod nauch. red. M.E. Pozdnjakovoj, T.A. Hagurova. Krasnodar; M., 2012 (in Russian).

Oberwittler D., Schwarzenbach A., Gerstner D. Polizei und Jugendliche in multiethnischen Gesellschaften Ergebnisse der Schulbefragung 2011 "Lebenslagen und Risiken von Jugendlichen" in Köln und Mannheim. Freiburg im Br., 2014.

Porus V. Racional'naja komunikacija kak problema jepistemologii [Rational communication as a problem of epistemology] // Kommunikativnaja racional'nost': jepistemologicheskij podhod [Communicative rationality: the epistemological approach]. M., 2009. P. 11–24 (in Russian).

Rossija: riski i opasnosti "perekhodnogo obshhestva" [Russia: risks and dangers of a "transitional society"] / Pod red. O.N. Janicki. M., 1998 (in Russian).

Schneider H.J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie. Münster, 2001.

Shipunova T.V. Diskursivnaja prezentacija narushitelja norm v kommunikativnoj modeli social'nogo kontrolja [Discourse presentation of the offender in the communicative model of social control] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12: Psihologija. Sociologija. Pedagogika [Vestnik St. Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy]. 2017. T. 10. Vyp. 4. S. 441–453 (in Russian).

Shjutc A. Smyslovaja struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoj sociologii [The notional structure of the everyday world: essays on the phenomenological sociology] / Nauch. red. perevoda G.S. Batygin. M., 2003 (in Russian).

Tejvan-Trejnovskij Ja. Analiz faktorov riska prestupnosti nesovershennoletnih v Latvii [Analysis of risk factors for juvenile delinquency in Latvia] // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava [Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law]. 2013. N 2. P. 102–110 (in Russian).

Thiersch H. Lebensweltorientierte Soziale Arbeit: Aufgaben der Praxis im sozialen Wandel. Weinheim; München, 1997.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-150-168

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Ю.М. Большакова, канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления, руководитель Центра социального мониторинга и прогноза Коми республиканской академии государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Республика Коми, 167001, Российская Федерация, e-mail: academy.prof.com@mail.ru*

Выдвинута гипотеза о том, что сложившиеся основные характеристики органов исполнительной власти региона и реализации государственных служащими аппарата регионального управления политически значимых решений способствуют повышению уровня общественного доверия. Показатели качества жизни населения основываются на системном развитии качества предоставления государственных и муниципальных услуг и более тесной взаимосвязи с общей динамикой восприятия деятельности государственного аппарата по управлению обществом. Современное государство ставит во главу угла задачи эффективного и результативного развития. Данные задачи актуализируют задачи концептуализации аналитической деятельности в сфере оценки эффективности и результативности государственного управления, что позволяет обращаться к социологическому институту общественного мнения как открытого и независимого индикатора состояния качества государственного управления. Высокий общественный уровень доверия к государству увеличивает эффективность государственной политики, повышая в конечном итоге общий уровень благосостояния общества. Общественное мнение может не только облегчать, усложнять, а при возможности и отменять проведение реформ, но и является одним из важнейших индикаторов того, насколько хорошо осуществляются преобразования. В данном случае массовое доверие выступает определенной формой воплощения надежд населения региона на улучшение общественно-политической и социальной ситуации, оздоровление всей системы государственного и муниципального управления. Целью исследования является выявление потенциала общественного доверия институтам государственной власти как показателя эффективности государственного управления, определение направлений его роста, а также особенностей сложившихся практик регионального управления.

Ключевые слова: эффективность государственного управления, институты власти, общественная оценка.

* Большакова Юлия Михайловна, e-mail: academy.prof.com@mail.ru

EFFECTIVENESS OF PUBLIC ADMINISTRATION AND REGIONAL POWER INSTITUTIONS IN POPULATION ESTIMATES

Bolshakova Yuliya M., Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, SEI VO “Komi Republican Academy of Public Administration and Management”, Head of the Center for Social Monitoring and Forecasting, Syktyvkar, Respublika Komi, Russian Federation, 167001, e-mail: academy.prof.com@mail.ru

A hypothesis has been put forward that the existing basic characteristics of the executive authorities of region and the implementation by government officials of the apparatus regional administration of politically significant decisions contribute to raising the level of public confidence. Indicators of the quality of life of the population are based on a systemic development of the quality of provision of state and municipal services and a closer relationship with the overall dynamics of the perception of the state apparatus for the management of society. The modern state sets priorities for effective and effective development. These tasks actualize the tasks of conceptualizing analytical work in the field of assessing the effectiveness and effectiveness of public administration, which allows you to turn to the sociological institute of public opinion as an open and independent indicator of the state of quality of public administration. A high level of public confidence in the state increases the effectiveness of state policy, ultimately increasing the overall level of welfare of society. Public opinion can not only facilitate, complicate, and if possible, cancel reforms, but is also one of the most important indicators of how well the reforms are carried out. A high level of public confidence in the state management mechanism increases the effectiveness of state policy, ultimately increasing the overall level of welfare of society. Public opinion can not only facilitate, complicate, and if possible, cancel reforms, but is also one of the most important indicators of how well the reforms are carried out. In this case, mass trust is a certain form of embodiment of the hopes of the population of the region in improving the socio-political and social situation, improving the entire system of state and municipal government. The purpose of the study is to identify the potential of public confidence in the institutions of state power as an indicator of the effectiveness public administration, to identify trends in its growth, and to identify specific features of the established practices of regional governance.

Key words: *efficiency of public administration, institutions of power, public evaluation.*

Введение

Значительное количество правительственных задач зачастую имеет мало общего с эффективностью. Политики и государственные служащие, особенно на самых верхних ступенях государственной иерархии, не всегда оперируют показателями эффективности – наименьшей стоимости решения проблемы или максимизации

результата следствия своих решений. Дж. Персон из Национальной академии государственного управления (США) отмечает, что эффективность, экономичность, результативность и социальная справедливость являются четырьмя основными краеугольными элементами фундамента государственного управления, и по его мнению, слабость этой конструкции заключается в том, что именно эффективность является одним из четырех элементов фундамента государственного управления¹.

П. Говард пишет, что эффективная государственная служба должна своевременно реагировать на политическую повестку дня в соответствии с теми публичными политическими процессами, которые могут быть реализованы в условиях низких административных затрат, на основе целенаправленности, справедливости, прозрачности и отвечать национальным интересам².

Следует отметить, что зачастую многие исследователи (М. Стоян, Н. Ене) предпринимают попытки сравнить эффективность государственного сектора и частного сектора, не всегда осознавая дивергентность целей. Государственный сектор управления постоянно ставит многоцелевые задачи в реализации государственных проектов, которые вынужденно учитывают социальные, экологические и иные потребности³. Именно поэтому так часто встречаются подходы к определению эффективности государственного управления, основывающиеся на методологии анализа эффективности частного сектора, с целью продемонстрировать неэффективность первого.

Если пытаться сравнивать данные категории и оперировать дивергентной подходом, констатируя, что эффективное управление бизнесом, частным корпоративным сектором действительно отличается от эффективного государственного управления, то необходимо пересмотреть общественные ожидания от деятельности государственного аппарата в целом и государственного служащего в частности, а также общественные представления о конструкции органов власти и управления.

Государственные служащие, функционируя в рамках государственного аппарата управления, должны принимать на себя цели, установленные организацией аппарата в целом, управлять/админи-

¹ *Pearson J.* Efficiency as the Primary Value in the Public Administration. URL: <http://patimes.org/efficiency-primary-public-administration> (accessed: 20.08.2017).

² *Pru G.* Sex discrimination commissioner. Institute of public administration National Conference. Wrest Point Conference Centre. Tasmania. Friday 4 November 2005. URL: <https://www.humanrights.gov.au/news/speeches/efficiency-effectiveness-and-equity-public-administration> (accessed: 20.08.2017).

³ *Stoian M., Ene N.C.* General and particular in evaluating the public sector efficiency // *Administrative Management Public.* 2003. N 1. P. 32.

стрировать структурами, которые созданы социальными группами, отличными от их собственных, работать с людьми, чьи карьерные устремления полностью зависят от позиции и контроля руководства. Достижение собственных целей в государственном аппарате возможно за гораздо более длительный период, чем в корпоративном секторе.

Эффективность государственного управления – это требование концепции нового государственного управления, *new public management*, в рамках этой доктрины реформ государственного управления последние должны обеспечить прозрачность и открытость системы государственного и местного управления. Сама доктрина нового государственного управления является объективным требованием информационного общества, гражданских институтов общества к государству, к необходимости повышения его эффективности, задач контроля за действиями государственных органов и институтов, повышения эффективности действий демократических институтов государства.

Важнейшим направлением реформирования государственного управления является открытость органов государственного управления, формирование ценностей государственного аппарата, направленного на прозрачность, подотчетность и открытость с целью повышения качества государственного управления⁴. Идею нового государственного управления состоит в повышении качества предоставления государственных и муниципальных услуг гражданам, в переходе на сервисные принципы функционирования государственного механизма управления, в конкурентном и качественном предоставлении услуг населению⁵. Современный механизм государственного управления является рыночно-центрированным, основывается на экономической направленности государственного управления⁶.

Современное государство считает приоритетными задачи эффективного и результативного развития. Данные задачи актуализируют концептуализацию аналитической деятельности в сфере оценки эффективности и результативности государственного управления, что позволяет обращаться к социологическому институту

⁴ Бочарова А.К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: препринт WP14/2012/05. М., 2012.

⁵ Denhardt R.B., Denhardt J.V. The new public service: serving rather than steering // Public Administration Review. 2000. Nov.–Dec. Vol. 60. N 6. P. 549–559.

⁶ Уайт Л.Д. Введение в науку государственного управления. Заметки по теории организации // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003. С. 105–117.

общественного мнения как открытого и независимого индикатора состояния качества государственного управления.

Показателями, снижающими результативность измерения и оценок эффективности институтов государственного управления, являются низкий уровень адаптационного потенциала институтов государственной службы, принятие слишком перегруженных программ и методик оценки, низкий уровень экспертного контроля административных и политических решений в органах государственной власти.

Высокий уровень общественного доверия к государству увеличивает эффективность государственной политики, повышая в конечном итоге общий уровень благосостояния общества. Общественное мнение может не только облегчать, усложнять, а при возможности и отменять проведение реформ, но и является одним из важнейших индикаторов того, насколько хорошо осуществляются преобразования.

В современных условиях политическая среда обесценивается в отсутствие политической конкуренции и активизации технологических манипуляций, в результате для органов власти соблазнительной выглядит возможность искусственно поддерживать высокий уровень общего доверия политическим деятелям, лидерам, символически сохранять высокие уровни одобрения деятельности, результативности управления. Поэтому повышенное внимание органов государственной власти к рейтингам, чрезмерный интерес к уровню политического доверия и политического одобрения деятельности являются признаком неуверенности и в то же время перспективности реализации выбранных политических проектов и программ.

Индикаторы общественного доверия обозначают фокус неоднородных установок, ведь одобрение деятельности институтов власти может предполагать как одобрение реализуемого политического курса, так и готовность ждать позитивных изменений в общественной жизни, здесь могут скрываться такие общественные феномены, как персонализация политического института, имиджевые характеристики политического деятеля⁷. Подобные общественные оценки одобрения политических институтов и доверия к ним зависят от типа и масштаба ожиданий общества, определением характера системы общества. Индивид, давая подобные оценки поддержки публичным институтам, активно задействует коллективный опыт, традиции, прочность социальных норм и институтов, личных связей и пр.

⁷ Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006. С. 178–188.

Методология исследования и источники

Объектом исследования выступил региональный аппарат управления, служащие исполнительной ветви власти региона, Республики Коми. Использованная анкета отразила основные концептуальные подходы к изучению оценки деятельности государственного аппарата управления, осведомленности о результатах этой деятельности, общественной оценки степени удовлетворенности деятельностью органов власти региона, представительного органа.

Численность (объем) выборки зависит от степени однородности изучаемых объектов, величины допустимой ошибки (доверительного интервала) и величины генеральной совокупности. Для проведения анкетирования использовался общепринятый при проведении опросов количественный параметр выборочной совокупности, рассчитанный с помощью критерия Стьюдента. В рамках данного исследования объем выборки, 241 человек, является достаточной базой для эмпирического подтверждения гипотезы.

Социологический анализ позволяет сориентировать общественные установки относительно деятельности регионального бюрократического аппарата, приоритетов и направлений его деятельности.

Общественные оценки эффективности государственного управления

Факторы одобрения деятельности органов государственного управления, политического лидера Республики Коми (избранному в 2016 г.) являются показателем общественного доверия как определенным ресурсом власти. Институты власти и ее представители используют в своих интересах доверие общества к политическим деятелям, институтам, лозунгам, но не опираются только на общественное доверие, нуждаясь в консолидации общества в одобрении результатов своей деятельности.

Анализируя данные оценки одобрения деятельности губернатора/главы Республики Коми, можно констатировать определенные сложности, связанные не столько с одобрением, сколько с доверием региональным институтам государственной власти: в сумме 49,9% респондентов не одобряют и “скорее не одобряют” деятельность губернатора (главы) Республики Коми, 24,5% респондентов скорее одобряют и однозначно одобряют деятельность главы Республики.

Здесь вызывает тревогу тот факт, что данные негативные оценки были получены той социально-профессиональной группой, которая в значительной мере представлена региональными гражданскими служащими и/или работниками бюджетной сферы (это 18% государственных или муниципальных служащих, 29% работников бюджетной сферы).

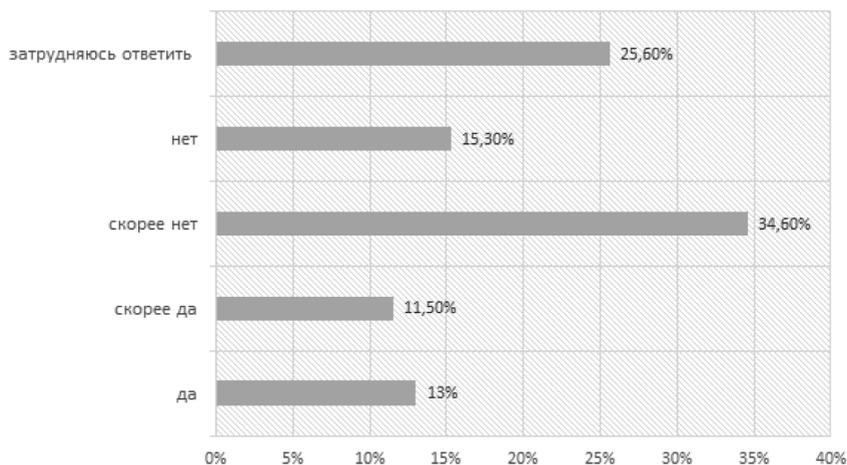

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос “Одобряете ли Вы деятельность губернатора?” (Республика Коми, 2017 г.), данные в % от всех опрошенных

Скорее всего, оценки одобрения вызваны не столько поиском нравственных начал в институтах власти, сколько практическими расчетами — сохранения преемственности власти (после сложного электорального выбора и коррупционных скандалов), требования позитивных перемен в региональном сообществе, определенного аванса доверия “новому” главе Республики. Конечно, подобное рационализированное доверие нуждается в дальнейшей проверке, оценки дальнейших действий и главы и правительства Республики.

Социологические оценки доверия главе Республики основываются на повышенных ожиданиях, противопоставлении качеству работы предыдущей управленческой команды; фактор “несбывшихся надежд” является значимым индикатором общественных настроений, способным повлиять на последующие электоральные процессы.

Нельзя не вспомнить, что единодушная общественная демонстрация недоверия существующим политическим институтам — универсальный фон всех событий и перемен последних лет. Сам механизм доверия/недоверия общества институтам власти и его лидерам может выступать как ресурсный по способу воздействия, поскольку низкий уровень доверия, или недемонстрируемое доверие в перспективе могут проецироваться как потенциальный ресурс политической мобилизации⁸.

⁸ Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 46–53.

Фиксируемое недоверие органам власти не столько аккумулирует, сколько нивелирует и гасит энергию общественного протеста, создавая своеобразный социальный “громоотвод” и противостоит тенденциям “вселенской катастрофы”, а в результате демпфируется потенциал “бунта” реального.

Нельзя не отметить, что многозначность самой оценочной категории доверия делает ее необходимой в сравнении эффективности средств ее оценки в органах исполнительной власти, на уровнях государственного и муниципального управления.

Исследование показывает, что доверие к главе Республики практически не зависит от возраста респондентов. Есть, конечно, свои нетривиальные факторы, объясняющие недоверие к СМИ, особенно в условиях широкой диверсификации региональных средств массовой коммуникации, активности использования электронных форм массовой коммуникации и задействования потенциала социальных сетей.

Проанализируем, насколько общество вообще интересуется деятельностью региональных органов государственной власти и управления, теми общественно-значимыми политическими решениями, которые принимаются (см. рис. 2).

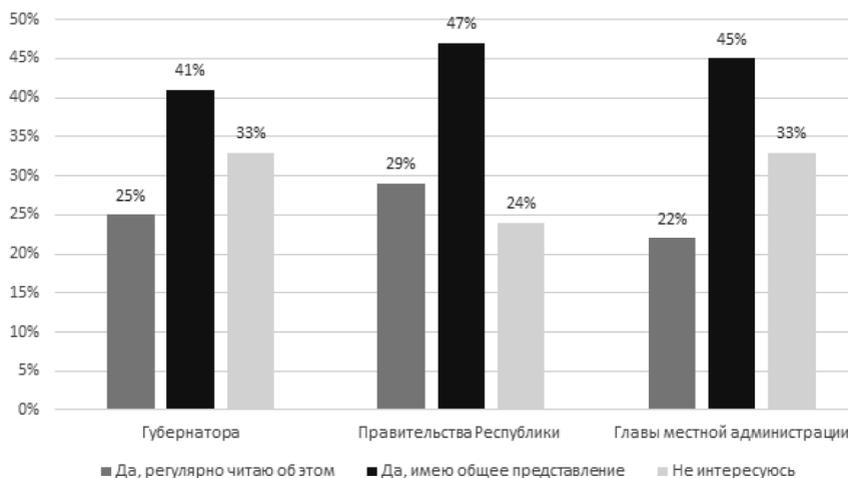

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос “Интересуетесь ли Вы деятельностью и результатами управленческих решений?” (Республика Коми, 2017 г.), данные в % от всех опрошенных

В отличие от дифференцированных оценок одобрения деятельности главы Республики отличаются единством результаты оценок респондентов управленческих решений. Так, каждый четвертый респондент регулярно информирован разнообразными СМИ о деятельности

губернатора и главы местной администрации (25% и 22% соответственно), каждый третий респондент (29%) регулярно ознакомлен и информирован о деятельности Правительства Республики Коми. Налицо широкое информационное освещение в масс-медиа пространстве региона деятельности всех институтов государственного управления региона: главы Республики – 41%, правительства республики – 47%, главы местной администрации – 45%.

Часть респондентов отметила отсутствие интереса как к результатам управленческой деятельности региональных органов управления, так и к их деятельности в целом: 33% респондентов интересуются деятельностью главы Республики, 24 – правительства Республики, 33% – главы местной администрации.

В этих оценках видна определенная “оторванность” символических и инструменталистских функций власти от общества региона, где-то это и существенные репутационные потери коррупционных скандалов республики 2015 г. Здесь важно отметить долговременность воздействия репутационных потерь от коррупционных дел. В контексте социологического анализа феномена коррупционности государственного аппарата как признака новых элитных групп, сформировавшихся в 2000–2015 гг., лишенных социально-правовых ограничений, отчужденных от общества правовыми, нравственными, антропологическими рамками, важно понимать, что это тяжелая “социальная” болезнь всего общества с модернизирующимися институтами.

Как мы уже отмечали, все показатели оценки деятельности органов исполнительной власти на основе доверия обладают определенной степенью неопределенности. Анализ ответов респондентов позволяет констатировать, что нет четкой взаимосвязи между уровнем доверия государственному институту, политическому лидеру/деятелю его представляющему, шансами приобрести или сохранить властные позиции (С.А. Гапликов был избран главой Республики Коми в сентябре 2016 г., назначен и.о. в сентябре 2015 г.). С.А. Гапликов получил мандат доверия после “крушения” всего комплекса общественного доверия предыдущему главе Республики, В.М. Гайзеру, и его команде, арестованной по обвинению в организации преступной группы. В данном случае массовое доверие выступает определенной формой воплощения надежд населения региона на улучшение общественно-политической и социальной ситуации, на оздоровление всей системы государственного и муниципального управления. Поэтому высокий уровень осведомленности о деятельности региональных институтов власти является следствием активного интереса как к новому главе Республики Коми (“варягу”), так и к новой управленческой команде, а также к

тем принимаемым политическим решениям, которые способны вывести развитие региона на новую траекторию общественного доверия к институтам власти.

Весьма интересной представляется оценка осведомленности респондентов деятельностью институтов государственного управления региона, которая значительно выше, нежели оценка информированности и общих представлений о деятельности институтов власти региона, не превышающая 45–47%.

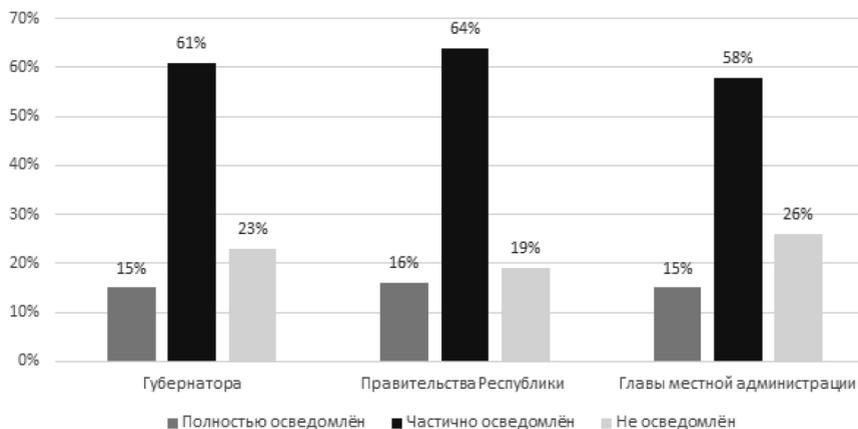

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос “Насколько Вы осведомлены о деятельности?” (Республика Коми, 2017 г.), данные в % от всех опрошенных

Отмечается высокий уровень (61%) частичной осведомленности о деятельности главы Республики, 64 – правительства Республики, 58% – главы местной администрации. Полностью осведомлены о деятельности указанных институтов публичной власти 15–16%. Все это позволяет говорить о возможных ретрансляциях в общество результатов деятельности самими работниками государственных органов, поскольку в выборке среди респондентов очень значима доля государственных или муниципальных служащих, работников государственных учреждений (28 и 29% соответственно).

Сложности в работе новой команды управления регионом породили стремление органов государственного управления постоянно расширять свое присутствие в информационной среде, искать новые направления повышения эффективности своей работы. Можно констатировать, что в обществе сложилось ощущение “разрыва” между представлениями об “обществе надежд” на перемены и повышения социальных ожиданий (как способности новой команды управления регионом решать комплекс социальных и общественно-политических проблем) и довольно скромными первыми ре-

зультатами новой команды в деле управления региональной социально-экономической сферой.

Оценивая информационное сопровождение региональных институтов государственной власти и объективность СМИ, респонденты отмечают, что последние необъективно освещают деятельность главы Республики (55%), правительства республики (55%), главы местной администрации (46%). Скорее объективной и объективной информацию СМИ в отношении главы Республики считают 18% респондентов, по отношению к правительству республики – 18%, по отношению к деятельности главы местной администрации – 21%. Нельзя не констатировать настороженные оценки респондентов относительно качества и объективности СМИ по отражению деятельности как главы республики и правительства Республики Коми – по 27%, так и местной администрации – 33%. Это означает невысокий уровень доверия респондентов по отношению к СМИ, освещающим деятельность региональных и муниципальных органов управления, сомнения аудитории (каждый третий ответ) в достоверности получаемой информации.

Анализируя качество государственных и муниципальных услуг в сфере здравоохранения, респонденты в основном дают положительные оценки. Так, качеством медицинской помощи, оказываемой участковым врачом поликлиники, удовлетворены 47% респондентов (сумма оценок “да, удовлетворены” и “скорее удовлетворены”), качеством медицинской помощи, оказываемой врачом-специалистом поликлиники, – 49 (сумма оценок “да” и “скорее да”), скорой медицинской помощи – 52, стационарной медицинской помощи – 46%. Характеризуя состояние общего образования (школы, лицеи, гимназии) в Республике Коми, оказались в целом им удовлетворены 48% респондентов и оценили его как хорошее 7%, что в сумме означает, что более половины респондентов удовлетворены состоянием общего образования. Нельзя не отметить, что практически каждый четвертый респондент Республики Коми (23%) дает негативные оценки состоянию общего образования.

Сфера жилищно-коммунального хозяйства ожидаемо подвергается общественной критике и даже обструкции в СМИ. Традиционно сфера ЖКХ является самой критикуемой, поскольку каждый гражданин ждет качественных услуг, предоставляемых по непрерывно растущим тарифам на услуги ЖКХ, все респонденты постоянно сталкиваются с данной сферой. Две трети респондентов (59%) негативно характеризуют качество оказываемых жилищно-коммунальных услуг (сумма ответов “нет” и “скорее нет” на вопрос “Удовлетворены ли Вы в целом качеством оказываемых жилищно-коммунальных услуг...?”); при этом четверть респондентов оценила

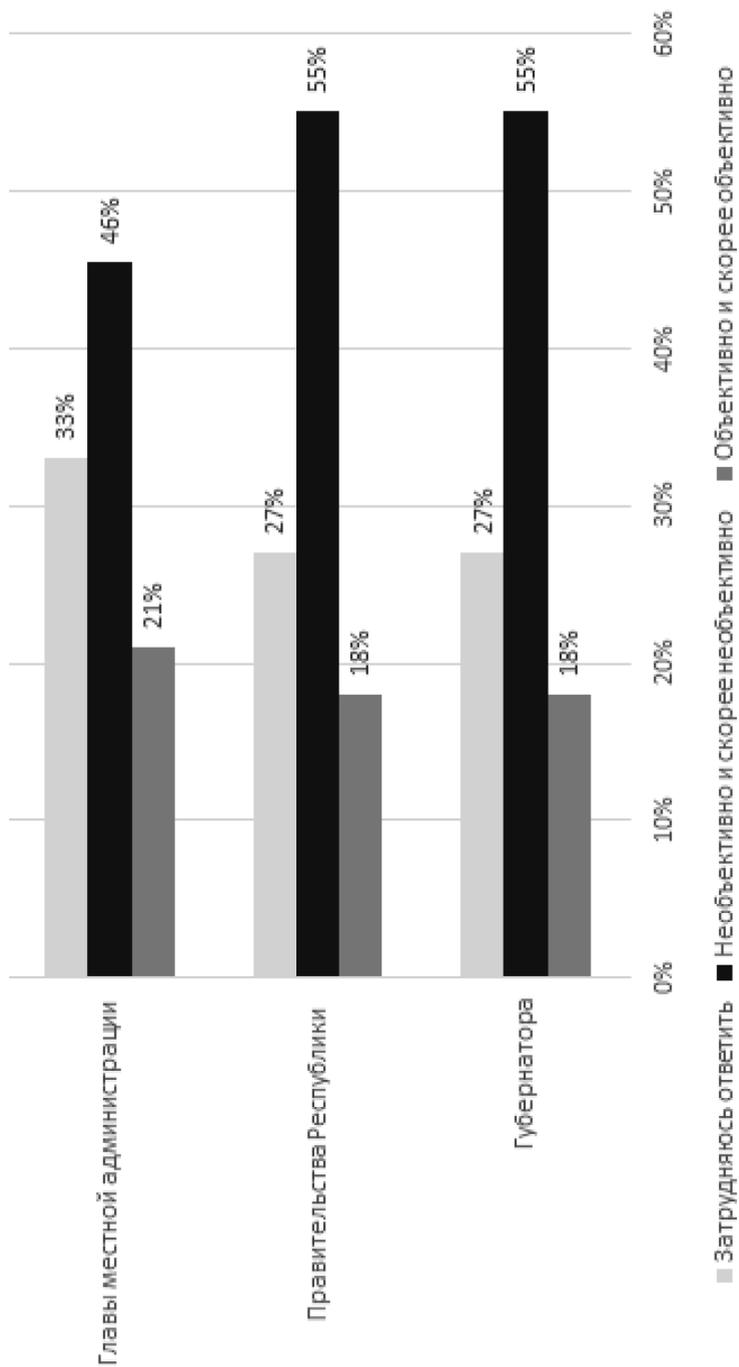

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос “Как Вы считаете, средства массовой информации объективно отражают деятельность?” (Республика Коми, 2017 г.), данные в % от всех опрошенных

деятельность этой сферы положительно (25% ответов “скорее да” и 8% – “да”). Для повышения оценок необходимо урегулирование ситуации с завышенными тарифами на услуги ЖКХ, установление контроля за качеством услуг, предоставляемых ЖКХ.

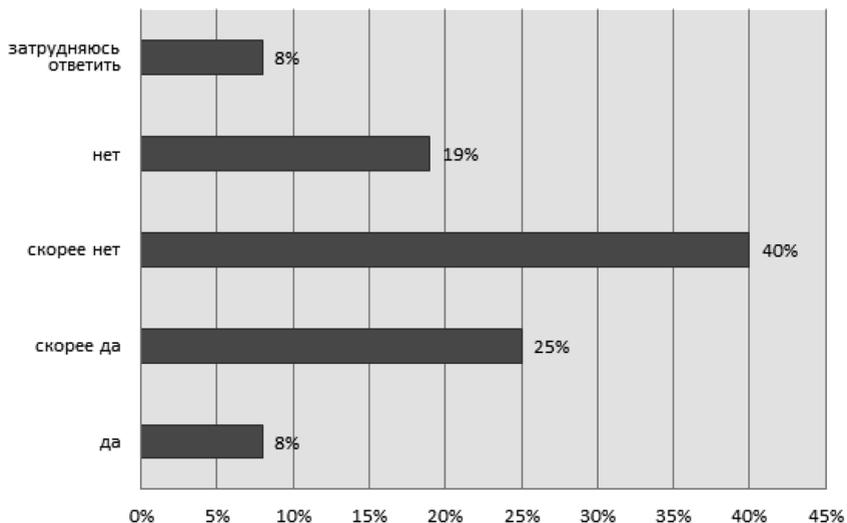

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос “Удовлетворены ли Вы в целом качеством оказываемых жилищно-коммунальных услуг (учитывая время ожидания специалистов, наличие необходимых средств, материалов и т.п.)?” (Республика Коми, 2017 г.)

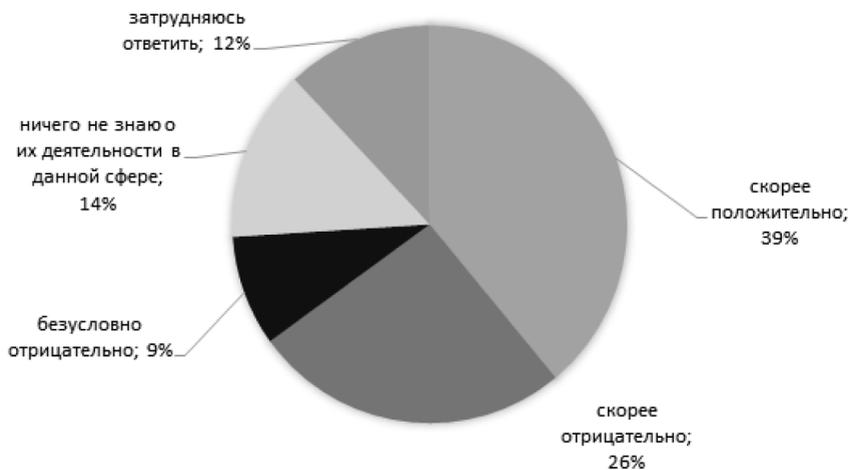

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос “Как Вы в целом оцениваете деятельность органов исполнительной власти субъекта РФ, где Вы живете, по обеспечению безопасности населения?” (Республика Коми, 2017 г.)

Анализируя полученные данные, следует помнить, что сам институт общественного мнения в кризисных, экстремальных ситуациях может служить средством конкретного социального действия, тем более это важно в условиях обеспечения задач безопасности населения, предотвращения террористических актов; как известно, широкое массмедийное освещение получили теракты в Лондоне, Париже, Брюсселе и др. Индикаторы обеспечения безопасности общества не всегда очевидны для общества, но функционально-процессный подход к анализу безопасности общества и его институциональное обеспечение важно тем, что в условиях реализации угроз обществу весь его негатив способен обрушить властные институты. Общественное мнение в этих условиях формирует язык оценки деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению безопасности населения, каналы его распространения и механизмы воздействия. Положительно оценивают деятельность органов государственной власти по обеспечению безопасности общества 39% респондентов, а “безусловно отрицательно” и “скорее отрицательно” – 35%.

Оценки, данные респондентами, демонстрируют определенное доверие к службам безопасности, что частично связано с эффективностью (в глазах населения) борьбы с коррупцией. Интересно, что фактор уровня образования не всегда однозначно отражается на оценке деятельности органов исполнительной власти в направлении обеспечения безопасности.

Оценивая важность и значимость тех или иных сфер деятельности органов исполнительной власти Республики Коми, респонденты расставляют приоритетность в следующем порядке: деятельность органов исполнительной власти субъекта РФ по улучшению качества оказания медицинской помощи населению (18%), состояния общего образования и качества оказываемых населению жилищно-коммунальных услуг (по 15% соответственно), обеспечению безопасности населения в целом (10%), по обеспечению безопасности населения от чрезвычайных ситуаций, характерных для Республики Коми (10%), созданию условий для занятия физической культурой и спортом (10%, 4-е место в рейтинге); хочется обратить внимание на то, что показатель отношения респондентов к деятельности руководителя исполнительной власти Республики Коми занял предпоследнее место (9%).

В заключение хочется отметить, что органы государственной власти Республики Коми обладают потенциалом общественного доверия, налицо необходимость выделить приоритеты организации работы государственного аппарата управления и служащих на тех основных направлениях, которые в первую очередь вызывают

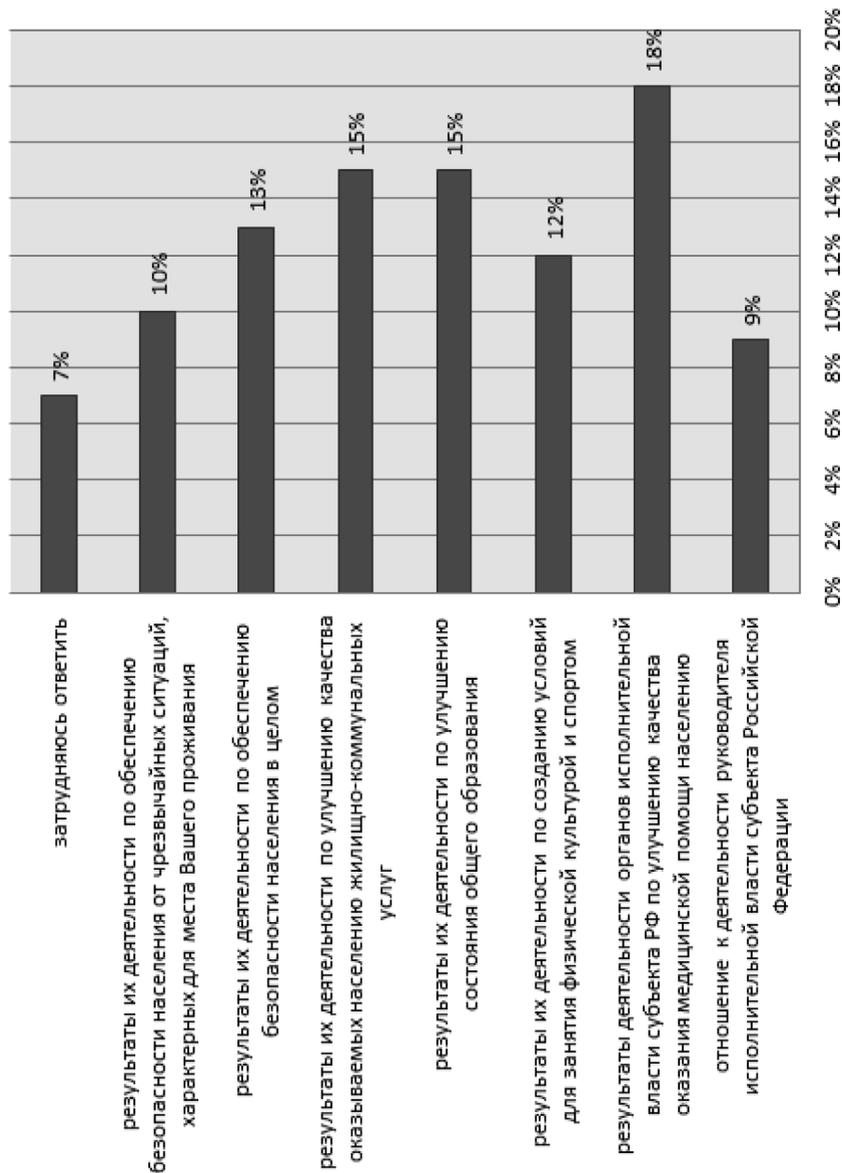

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Какие из нижеперечисленных факторов наиболее важны для Вас при оценке деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации?» (Республика Коми, 2017 г.)

у населения отторжение и демонстрируют низкие оценки эффективности органов власти – ЖКХ и здравоохранение. Важно отметить наличие проблемы общественного недоверия СМИ, освещению деятельности главы Республики и правительства в целом: 55% респондентов дают негативные оценки отражения их деятельности СМИ; значит, необходимо принятие управленческих решений в части формирования открытой информационной повестки дня для институтов власти Республики. Помимо этого, очевидны и проблемы осведомленности населения о деятельности органов государственной власти, удовлетворения интереса общества к последующим управленческим решениям органов власти региона. Исследования показывают расхождение между направлениями деятельности институтов власти и ожиданиями населения.

Результаты исследования убедительно демонстрируют необходимость формирования открытой модели функционирования регионального аппарата управления, выбор приоритетов кооперации и сотрудничества с институтами гражданского общества, что будет способствовать повышению уровня одобрения регионального политического курса, доверия новой политической команды главы республики. В то же время опросы показывают необходимость продолжения административных реформ в системе регионального управления, что обусловлено необходимостью развития концепции “нового государственного менеджмента” в сфере повышения качества государственных услуг, оказываемых гражданам. Данные факторы обозначают объективность требований к обновлению профессиональной культуры государственного аппарата, смене подходов к организации руда в условиях транспарентности органов публичной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большаков С.Н. Политика регионального экономического развития: методы и механизмы. Серия “Независимый экономический анализ”. М., 2005.

Большакова Ю.М. Инновации в предоставлении интегрированных государственных услуг: опыт Австралии // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 10.

Бочарова А.К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: препринт WP14/2012/05. М., 2012.

Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент. Что ждет Европу в будущем. М., 2015.

Гудков Л. Страх как рамка понимания происходящего // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6. С. 46–53.

Данилин А.В. Электронные государственные услуги и административные регламенты: от политической задачи к архитектуре “электронного правительства”. М., 2004.

Измерение инфляционных ожиданий и потребительских настроений на основе опросов населения. Развернутый отчет. По заказу банка России. 2016. URL: http://www.cbr.ru/dkp/standart_system/fom_15-06.pdf (дата посещения: 11.07.2017).

Калгин А.С. Административная реформа и административные ценности: анализ реформ в русле Нового государственного управления: препринт WP8/2014/05. М., 2014.

Калгин А.С. Управление по результатам на региональном уровне: контроль или результативность? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. С. 35–60.

Красильникова М. Достойная бедность. М., 2016. URL: <https://www.leveda.ru/2016/07/19/dostojnaya-bednost/> (дата посещения: 17.06.2017).

Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006.

Мониторинг качества и доступности государственных и муниципальных услуг–2010 / Под ред. А.В. Клименко, С.М. Плаксина. М., 2011.

Морев М.В. Опыт региональных социологических исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5(41).

Нисневич Ю.А. Административная реформа: цели и результаты // Вестник РУДН. Сер. “Политология”. 2008. № 4. С. 5–16.

Сморгунов Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к понятию “governance” // Политические исследования. 2003. № 4.

Уайт Л.Д. Введение в науку государственного управления. Заметки по теории организации // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003. С. 105–117.

Хейне П. Экономический образ мышления М., 1993.

Якобсон Л.И., Мерсиянова И.В. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 5–24.

REFERENCE

Bol'shakov S.N. Politika regional'nogo jekonomicheskogo razvitija: metody i mehanizmy. Serija “Nezavisimyj jekonomicheskij analiz” [Policy of regional economic development: methods and mechanisms. Series “Independent Economic Analysis”]. М., 2005 (in Russian).

Bol'shakova Ju.M. Innovacii v predostavlenii integrirovannyh gosudarstvennyh uslug: opyt Avstralii [Innovation in the provision of integrated public services: the experience of Australia] // Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki. 2014. N 10 (in Russian).

Bocharova A.K. Mehanizm ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii: preprint WP14/2012/05 [The

mechanism for assessing the effectiveness of the executive bodies of the subjects of the Russian Federation: preprint]. *Nac. issled. un-t "Vysshaja shkola jekonomiki"*. M., 2012 (in Russian).

Danilin A.B. Jelektronnye gosudarstvennye uslugi i administrativnye reglamenty: ot politicheskoy zadachi k arhitekture "jelektronnogo pravitel'stva" [Electronic public services and administrative regulations: from a political task to the architecture of "electronic government"]. M., 2004 (in Russian).

Denhardt R.B., Denhardt J.V. The new public service: serving rather than steering // *Public Administration Review*. 2000. Nov.–Dec. Vol. 60. N 6. P. 549–559.

Dunleavy P., Margetts H, Bastow S., Tinkler J. New public management is dead-long live digital-era governance // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2006. Vol. 16. N 3. P. 467–494.

General and particular in evaluating the public sector efficiency // *In Administrative Management Public*. 2003. N 1.

Giddens Je. Nespokojnyj i mogushhestvennyj kontinent. Chto zhdet Evropu v budushhem [An uneasy and powerful continent. What awaits Europe in the future]. M., 2015 (in Russian).

Gudkov L. Strah kak ramka ponimaniya proishodjashhego [Fear as a framework for understanding what is happening] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 1999. N 6. S. 46–53 (in Russian).

Hejne P. Jekonomicheskij obraz myshlenija [Introduction to the science of public administration. Notes on the theory of organization]. M., 1993 (in Russian).

Izmerenie infljacionnyh ozhidaniy i potrebitel'skih nastroenij na osnove oprosov naselenija. Razvernutyj otchet. Po zakazu banka Rossii [Measurement of inflationary expectations and consumer sentiments based on population surveys. The detailed report. By order of the Bank of Russia.]. 2016. URL: http://www.cbr.ru/dkp/standart_system/fom_15-06.pdf (data obrashhenija: 11.07.2017) (in Russian).

Jakobson L.I., Mersinjanova I.V. Sotrudnichestvo gosudarstva i struktur grazhdanskogo obshhestva v reshenii social'nyh problem [Cooperation of the state and civil society structures in solving social problems] // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. 2011. N 2. S. 5–24 (in Russian).

Kalgin A.S. Upravlenie po rezul'tatam na regional'nom urovne: kontrol' ili rezul'tativnost'? [Results-based management at the regional level: control or effectiveness?] // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. 2012. S. 35–60 (in Russian).

Kalgin A.S. Administrativnaja reforma i administrativnye cennosti: analiz reform v rusle Novogo gosudarstvennogo upravlenija: preprint WP8/2014/05/ [Administrative reform and administrative values: analysis of reforms in the mainstream of the New State Administration: preprint]. *Nac. issled. un-t "Vysshaja shkola jekonomiki"*. M., 2014 (in Russian).

Krasil'nikova M. Dostojnaja bednost' [Worthy Poverty]. M., 2016 // <https://www.levada.ru/2016/07/19/dostojnaya-bednost/> (data obrashhenija: 17.06.2017) (in Russian).

Levada Ju.A. Ishhem cheloveka. Sociologicheskie ocherki. 2000–2005 [We are looking for a person. Sociological essays. 2000–2005]. M., 2006. (in Russian).

Monitoring kachestva i dostupnosti gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug—2010. [Monitoring of quality and accessibility of state and municipal services—2010] / Pod red. A.V. Klimenko, S.M. Plaksina; Nac. issled. un-t “Vysshaja shkola jekonomiki”. M., 2011 (in Russian).

Morev M.V. Opyt regional'nyh sociologicheskikh issledovanij [Experience of regional sociological research] // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2015. N 5(41) (in Russian).

Nisnevich Ju.A. Administrativnaja reforma: celi i rezul'taty [Administrative Reform: Goals and Results] // Vestnik RUDN. Ser. “Politologija”. 2008. N 4. S. 5–16 (in Russian).

Pearson J. Efficiency as the primary value in the public administration. URL: <http://patimes.org/efficiency-primary-public-administration>

Pru G. Sex discrimination commissioner. Institute of public administration National Conference. Wrest Point Conference Centre. Tasmania. Friday 4 November 2005. URL: <https://www.humanrights.gov.au/news/speeches/efficiency-effectiveness-and-equity-public-administration>

Smorgunov L.V. Sravnitel'nyj analiz politiko-administrativnyh reform: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k ponjatiju “governance” [Comparative analysis of political and administrative reforms: from the new state management to the notion of “governance”] // Politicheskie issledovanija. 2003. N 4 (in Russian).

Stoian M., Ene N.C. General and particular in evaluating the public sector efficiency // In Administrative Management Public. 2003. N 1.

Uajt L.D. Vvedenie v nauku gosudarstvennogo upravljenija. Zametki po teorii organizacii // Klassiki teorii gosudarstvennogo upravljenija: amerikanskaja shkola / Pod red. Dzh. Shafritca, A. Hajda. M., 2003. S. 105–117 (in Russian).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-169-188

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ “ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА”

С.В. Габуев, асп. кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России, Москва, проспект Вернадского, 76, Москва, Российская Федерация, 119454*

Статья посвящена вопросам влияния “электронного правительства” на эффективность политического управления. При этом под “электронным правительством” понимается информатизация деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, а также взаимодействие указанных органов с обществом посредством электронных технологий. В статье предпринята попытка осмысления механизмов воздействия информационно-коммуникационных технологий на политико-управленческую эффективность в контексте значительного преобразующего потенциала указанных технологий в политике. Представленное исследование основано на неинституциональной методологии и сравнительном анализе, позволившем выявить институциональное значение и связи “электронного правительства”, влияние существующих в политической практике формальных и неформальных норм и правил реализации “электронного правительства” на эффективность политического управления, оценить воздействие процесса информатизации государственного аппарата на качество функционирования властных институтов. Проблема эффективности политического управления рассматривается в статье с точки зрения достижения целей субъектов управленческой деятельности – политических элит. В связи с тем, что основными целями субъектов политического управления выступают, с одной стороны, доступ к властным ресурсам и удержание власти (властный аспект), а с другой – достижение определенных показателей развития общества (социально-экономические и др. индикаторы; управленческий аспект), влияние “электронного правительства” на эффективность политического управления предлагается оценивать с позиций способствования достижению данных целей. Основной вывод проведенного исследования состоит в том, что воздействие “электронного правительства” на эффективность политического управления носит комплексный характер и зависит от форм и направлений его внедрения, а также качества существующих политических институтов.

Ключевые слова: электронное правительство, политическое управление, эффективность политического управления, информационные технологии, политическая коммуникация, информатизация управления.

* Габуев Сослан Валерьевич, e-mail: soslan.gabuew@yandex.ru

THE EFFECTIVENESS OF POLITICAL MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF THE INTRODUCTION OF “E-GOVERNMENT”

Gabuev Soslan V., graduate student, Department of Political Theory, Faculty of Political Science, MGIMO-University, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454, e-mail: soslan.gabuev@yandex.ru

The article is devoted to the influence of “e-government” on the effectiveness of political management. At the same time, by “electronic government” is meant the informatization of the activities of public authorities and local government, as well as the interaction of these bodies with society through electronic technologies. This article is an attempt to comprehend the mechanisms of influence of information and communication technologies on the political and administrative efficiency in the context of significant transformative potential of these technologies in politics. The presented study is based on a neoinstitutional methodology and comparative analysis that has made it possible to identify the institutional significance and links of “e-government”, the impact of existing formal and informal norms and rules for the implementation of e-government on the effectiveness of political governance, to assess the impact of the process of informatization of the state apparatus on quality of the functioning of government institutions. The problem of the effectiveness of political management is considered in the article from the point of view of achieving the objectives of subjects of management activity – political elites. Due to the fact that the main objectives of the subjects of political governance are, on the one hand, access to government resources and retention of power (overbearing aspect), on the other hand, the achievement of certain performance society development (social, economic and others indicator; administrative aspect), the influence of “e-government” on the effectiveness of political management is proposed to be assessed from the perspective of contributing to the achievement of these goals. The main conclusion of the study is that the impact of “e-government” on the effectiveness of political governance is complex and depends on the forms and directions of its implementation, as well as the quality of existing political institutions.

Key words: e-government, political management, the effectiveness of political management, information technology, political communication, informatization of management.

Активное использование информационно-коммуникационных технологий практически во всех сферах жизни общества, их широкое применение в коммерческом секторе свидетельствуют о понимании предоставляемых ими преимуществ. В то же время в сфере политико-административного управления механизмы их влияния недостаточно изучены, в политическом дискурсе, официальных документах зачастую преобладают излишне оптимистичные взгляды или поверхностные оценки последствий их применения. Следовательно, определение особенностей воздействия “электронного

правительства” на властную и управленческую эффективность политических субъектов является актуальной задачей, решение которой имеет теоретическую и практическую значимость.

Ключевым для понимания категории эффективности является понятие цели как состояния, которого необходимо достичь. Цель, являясь конечным результатом деятельности или процесса, определяет их эффективность. Поскольку эффективность определяется целью, она не имеет ни позитивной, ни негативной коннотации, которые зависят от целей, средств и методов деятельности. В зависимости от цели можно различить и два вышеобозначенных вида эффективности: при оценке эффективности результата (*effectiveness*) в качестве цели деятельности выступает результат в виде количественных или качественных значений соответствующего объекта управленческого воздействия, при оценке эффективности процесса (*efficiency*) целью деятельности является достижение оптимального соотношения затрат и результата, чем более экономичен процесс, тем более эффективным он считается.

О.Ф. Шабров считает, что всякую политику можно оценивать по тому, способствует ли она развитию человека и общества. Он полагает, что результаты политического управления “неплохо поддаются измерению” и «по статистике самоубийств, преступлений и тюрем, по массовости “зеленого” движения и другим вполне измеримым показателям мы можем весьма достоверно судить, куда мы движемся и что нас ждет впереди»¹. На наш взгляд, это справедливый вывод, который способствует формированию ценного как с исследовательской, так и с практической точки зрения подхода к оценке эффективности политического управления, основанного на объективных и измеримых показателях управленческой деятельности. Абстрактное и “трудно артикулируемое понятие общего блага”, являющееся целью политического управления, обретает осязаемые черты и, соответственно, поддается оценке эффективности деятельности по его достижению.

Для оценки эффективности политического управления важно знать не только цель управленческого процесса, но и особенности его субъекта (актора(-ов)). В этой связи представляется важным подход к данной проблематике отечественного исследователя А.М. Старостина, который предлагает рассматривать проблему эффективности государственной власти и управления в элитологическом аспекте². Рассматривая элиты в качестве основного по-

¹ Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997. С. 7.

² Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2006. Вып. № 1–2; Кислицын С.А., Старостин А.М. Эффективность деятельности

литического субъекта, А.М. Старостин считает, что эффективность их деятельности связана с двумя аспектами: властным и управленческим³. Властный аспект эффективности связан со способностью элит удерживать политическую власть в своих руках, степенью их легитимности, уровнем доверия и поддержки населения. Управленческий аспект эффективности определяется уровнем целеориентированности, организованности, результативности и затратности властной деятельности и связан с динамикой индексов развития человеческого потенциала (ИРЧП). По сути, это две цели управленческой деятельности: удержание власти (властный аспект) и “благо народа” в смысле качества жизни населения и других социально-экономических атрибутов успешного государства (управленческий аспект).

При оценке характера влияния “электронного правительства” на эффективность политического управления значимым исследовательским потенциалом, на наш взгляд, обладает информационно-кибернетическая модель, предложенная К. Дойчем⁴. Данный подход состоит в рассмотрении политической системы как совокупности информационных потоков с ведущей ролью государства как регулятора информационно-коммуникационных взаимодействий системы со средой и отдельных элементов внутри системы. Политическая система в модели К. Дойча представлена четырьмя фазами управленческого цикла: 1) “вход” информации (через такие “рецепторы” как центры изучения общественного мнения, специальные службы, официальные приемные, службы обработки обращений граждан и др.); 2) обработка информации (всесторонняя оценка поступающей информации, ее соотнесение с имеющимися данными, анализ и выработка возможных альтернатив); 3) “выход” информации в виде принятия и реализации политических решений и 4) “обратная связь” от среды в ответ на воздействие политической системы (при этом “обратная связь” может быть как положительной, так и отрицательной).

Ключевой особенностью подхода, предложенного К. Дойчем, является акцент на информационно-коммуникационной природе управленческого процесса и анализе динамических характеристик политической системы, понимаемой как инструмент координации

государственной власти и управления: критерии, оценки, анализ состояния, пути повышения (элитологический аспект). Ростов н/Д., 2005.

³ *Старостин А.М.* Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Дисс ... докт. полит. наук: 23.00.02. Ростов н/Д., 2003.

⁴ *Deutsch K.* The nerves of government: models of political communication and control. N.Y., 1966.

частных усилий для достижения общих целей. К. Дойч при анализе отдельных компонентов коммуникативной сети использует чисто технические категории: нагрузка, пропускная способность каналов и др., что свидетельствует о понимании общих закономерностей организации информационных потоков в социальных и технических системах. Примечательно также то, что К. Дойч изложил принципы информационно-кибернетического подхода в книге под названием “Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля” (*The nerves of government*)⁵. В данном случае проведение аналогии между информационно-коммуникационной сетью политического управления и нервной системой человека представляется справедливым, поскольку функциональность указанных компонентов системы во многом совпадает.

Проведение параллелей между функционированием нервной (или кровеносной) системы живых организмов и структурой информационных потоков в социальных и технических системах является достаточно распространенным объяснительным приемом в научной литературе по информационно-коммуникационным аспектам управленческого процесса. Так, Н. Винер значительное внимание уделял сопоставлению особенностей функционирования вычислительных машин (прообразов современных компьютеров) и нервной системы человека, усматривая определенное сходство в механизмах хранения и передачи информации⁶. Г. Лассуэлл, приводя в пример работу дипломатов по информированию политического руководства страны, отмечал, что “линии связи, идущие от внешней среды государства, являются функциональным эквивалентом центростремительных каналов, передающих нервные импульсы к центральной нервной системе отдельного животного”⁷. Дж.Е. Фонтейн, рассматривая институциональные аспекты информатизации государственных органов, прямо пишет: “...информационные технологии — это мозг и нервная система”⁸.

Т. Гоббс в своем знаменитом труде “Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского” также прибегнул к аналогии между государством и мифическим, но живым существом — библейским чудовищем Левиафаном. Развивая указанную аналогию, Т. Гоббс, в частности, отмечал, что “должност-

⁵ *Deutsch K.* Op. cit.

⁶ *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983. С. 187.

⁷ *Lasswell H.D.* The structure and function of communication in society // *The Communication of Ideas* / Ed. by Bryson. N.Y., 1948.

⁸ *Фонтейн Дж.Е.* Институциональное развитие в виртуальном государстве: недостающее звено в технологическом видении E-Government // *Политическая наука*. 2007. № 4. С. 66.

ные лица и другие представители судебной и исполнительной власти — искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле”⁹. “Нервами и сухожилиями” Т. Гоббс также называл государственных служащих, которым поручено управление всем государством (в случае регентства) или его частью (наместники). При этом философ делает важное заключение о том, что эти государственные служащие действуют “от имени суверена”, и только это дает им право “приводить в движение” различные части государственного “тела”¹⁰.

В книге “Бизнес со скоростью мысли. Как добиться успеха в информационную эру”, изданной в 1999 г. в США, известный американский предприниматель и общественный деятель Б. Гейтс подходит к рассматриваемому вопросу со стороны коммерческого сектора и называет “электронной нервной системой” “совокупность электронных процессов, с помощью которой компания воспринимает мир и адекватно реагирует на изменения, происходящие в нем, будь то новое событие в стане конкурентов или возникновение новой потребности у клиентов”¹¹. Если заменить слово “компания” на слово “государство” или “политическая система”, а слово “клиенты” на слово “граждане”, то данное определение вполне применимо и для “электронного правительства”. Для Б. Гейтса очевидно, что в современных условиях большинство проблем коммерческих организаций имеет информационную природу: компании вынуждены быстрее реагировать на изменения среды, что требует качественных коммуникаций и инструментов работы с информацией. Подход Б. Гейтса актуален в контексте реализации концепции нового государственного управления (*New public management*), которая предполагает применение в государственной сфере успешных бизнес-моделей, доказавших свою эффективность в коммерческом секторе.

Действительно, функции “электронного правительства” в государстве во многом подобны функциям нервной системы в живых организмах. В этой связи представляется интересным провести параллели между назначением, особенностями строения и механизмами нервной системы человека и свойствами “электронного правительства” в современных государствах.

⁹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. Как добиться успеха в информационную эру. М., 2000.

Основными функциями нервной системы человека являются *управление и координирование* внутренних процессов в организме и установление *взаимосвязей* с внешней средой. Нервные разветвления имеют рецепторные (чувствительные) и эффекторные (двигательные) окончания. Деятельность нервной системы носит рефлекторный характер, экспериментально подтвержденным является наличие “*обратной связи*” внутренних органов с нервными центрами (“обратная афферентация”), позволяющей осуществлять постоянную коррекцию реакций организма на изменения внешней и внутренней сред. Нервную систему подразделяют на соматическую и автономную (вегетативную) части, одним из отличий которых является возможность или невозможность сознательного влияния человека на контролируемые ими параметры¹².

Назначением “электронного правительства” является повышение эффективности информационного обмена и обработки информации в государственном секторе, включая сферу взаимодействия с социумом. Выступая в роли “электронной нервной системы” государства “электронное правительство” способствует более качественному и оперативному сбору информации, необходимой для выработки управленческих решений (аналог рецепторных окончаний нервных разветвлений) и более результативной обработке и передаче информации, составляющей управленческое решение (аналог высших нервных центров и эффекторных окончаний нервных разветвлений). Обязательным условием эффективного политико-административного управления является наличие механизмов “обратной связи”, посредством которых контролируется адекватность управленческого воздействия действительным потребностям социума и обеспечивается корректировка его направленности и интенсивности (“обратная афферентация”). Активное внедрение новейших систем автоматизации отдельных функций государственных органов позволяет сравнить указанную сферу с автономной (вегетативной) частью нервной системы человека, осуществляющей регулирование процессов жизнедеятельности без прямого участия высших нервных центров.

На наш взгляд, главными преимуществами внедрения “электронного правительства” являются повышение *скорости, достоверности и экономичности* обработки и обмена информацией в государственном секторе. Государство использующее “электронное правительство” становится более приспособленным к требованиям развива-

¹² Сапин М.Р., Бочаров В.Я., Никитюк Д.Б. и др. Анатомия человека: В 2 т. / Под ред. М.Р. Сапина. Т. 2. М., 2001.

ющего информационного общества, повышается гибкость и оперативность реагирования на запросы внутренней и внешней сред, снижаются временные и финансовые издержки на управленческую деятельность. Использование субъектами управляющего воздействия технологий и средств, повышающих оперативность и надежность информационного обмена, создающих возможности обработки больших объемов сведений, ведет к повышению эффективности управленческой деятельности.

Одним из основных факторов повышения эффективности управленческой деятельности при внедрении электронных технологий является также возможность сократить область неопределенности, порождаемую недостатком информации. Г. Саймон еще в 1977 г. обратил внимание на преобразующее воздействие информационных технологий, отмечая в частности следующее: “Внедрение компьютеров изменило способы выработки решений: теперь руководители могут учитывать значительно больший набор взаимосвязанных последствий, чем прежде. Сама оценка условий при принятии того или иного решения зависит, в частности, от источников информации и возможностей менеджера, принимающего решение, делать расчеты”¹³. Таким образом “электронное правительство” может служить инструментом частичного преодоления сферы ограниченной рациональности политических субъектов, позволяя им получать и обрабатывать большие объемы информации, необходимой для принятия решений.

Анализ влияния информационных и коммуникационных технологий на эффективность политического управления целесообразно провести на основе рассмотрения воздействия указанных технологий на отдельные функциональные фазы процесса принятия политических решений. Принято выделять следующие функциональные стадии принятия политических решений: 1) определение приоритетных проблем и формирование политической повестки дня; 2) разработка и рассмотрение альтернативных вариантов политического решения; 3) выбор, формулирование и легитимизация решения; 4) реализация принятого управленческого решения; 5) контроль за ходом осуществления решения и “обратная связь”.

На стадии определения приоритетных проблем и формирования повестки дня важное значение имеет использование преимуществ “электронного правительства” для оперативного получения объективной информации, ее анализа, установления задач, требу-

¹³ Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 27.

ющих первоочередного решения. Именно на данной стадии осуществляются сбор и анализ информации, необходимой для выработки различных вариантов политических решений, проводится своеобразная диагностика общественных проблем, выявляются наиболее приоритетные задачи. Существенное значение имеет обеспечение артикуляции и агрегирования общественных интересов, выразителями которых могут выступать многочисленные группы интересов и отдельные граждане.

Представляется, что решение этих задач на современном этапе развития управленческих технологий требует использования различных средств электронной коммуникации, а именно: социальных медиа (мониторинг общественных настроений), интернет-каналов взаимодействия с властью, официальных сайтов ведомств в сети интернет, электронных приемных органов власти и политических деятелей (мониторинг качества и эффективности осуществления органами власти функций, непосредственно затрагивающих интересы общества), автоматизированных информационных систем обеспечения управленческой деятельности (обработка информации с использованием государственных информационных систем). Последний компонент используется на всех стадиях процесса принятия политических решений. На стадии определения приоритетных проблем и формирования повестки дня использование автоматизированных информационных систем способствует, главным образом, сокращению временных и административных издержек, связанных со сбором и обработкой информации, необходимой для анализа общественных проблем.

Фаза выработки и рассмотрения альтернативных вариантов политических решений характеризуется необходимостью формирования набора решений, адекватных стоящим перед обществом проблемам, потребностью в оценке преимуществ и рисков различных вариантов развития политических событий, а также их согласования с заинтересованными группами интересов и урегулирования возможных разногласий. Использование информационных и коммуникационных технологий в указанных процессах возможно в части решения задач стратегического планирования и анализа вероятных последствий социально-экономического характера на основе применения автоматизированных информационных систем. Эффективность субпроцесса согласования вариантов политических решений с заинтересованными сторонами и урегулирования разногласий также в значительной степени может быть повышена вследствие применения таких элементов “электронного правительства”, как межведомственный электронный документооборот

органов государственной власти и защищенные каналы правительственной связи¹⁴.

“Электронное правительство” создает удобные инструменты для выработки проектов политических решений не только политическими элитами, но также широкой общественностью, а инициатором рассмотрения указанных проектов могут выступать отдельные граждане. Примером реализации подобного инструмента в России можно считать интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан РФ “Российская общественная инициатива” – <https://www.roi.ru/>. Данный интернет-ресурс создан в целях реализации Указа Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”» и предназначен для выдвижения общественных инициатив – предложений граждан России по вопросам различной тематики, в том числе социально-экономического характера, а также в сфере совершенствования публичного управления.

Вместе с тем, создание инструмента и обеспечение возможности его эффективного использования не всегда совпадают при реализации элементов электронной демократии. В научной литературе подчеркивается важность позиции власти по отношению к подобным инициативам, в частности к проекту “Российская общественная инициатива”¹⁵. Именно готовность власти к учету волеизъявления социума через каналы электронной коммуникации способна дать импульс росту эффективности использования данных инструментов.

Стадия выбора, формулирования и легитимизации политического решения, связанная с определением итогового варианта решения и приданием указанному решению официального статуса также трансформируется на современном этапе развития системы государственного управления и политической системы в целом вследствие влияния информационных и телекоммуникационных технологий. В качестве одного из элементов данной стадии можно

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 22.09.2009 № 754 “Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота”; *Барыкин Д.В., Боровин Ю.М., Латышева О.П., Присада С.А.* Обзор современных тенденций развития технологий в системах электронного межведомственного документооборота // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 1. № 4 (18). С. 312–315; *Володин Д.В.* Проблемы организации межведомственного электронного документооборота // Вестник архивиста. 2012. № 1 (117). С. 147–162.

¹⁵ *Волошинская А.А.* “Российская общественная инициатива”: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. № 1. С. 47–51.

выделить общественную экспертизу проектов политических решений, в том числе на предмет наличия коррупционных норм в указанных актах. Действующие требования в данной сфере прямо закрепляют обязательность публикации проектов административных регламентов предоставления государственных услуг на официальных сайтах органов власти¹⁶ и размещения проектов нормативных правовых актов на сайте regulation.gov.ru, созданном для публикации проектов решений и информации о результатах их общественного обсуждения¹⁷.

Поскольку легитимизация политических решений, принятых в виде нормативных актов, обусловлена необходимостью их официального опубликования, существенное значение для эффективности данных процедур имеют способы публикации официальных актов органов власти. Изменения в требованиях к публикации нормативных актов, принятые в рамках мероприятий развития “электронного правительства”, направлены на обеспечение публикации нормативных актов с использованием официальных государственных информационных ресурсов в интернете. Отмечается, что «официальными являются также тексты нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащиеся в Бюллетене нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, распространяемом в электронном виде... а также размещаемые на интернет-портале “Российской газеты” (www.rg.ru)»¹⁸. Это способствует более оперативному доведению до сведения общественности содержания законодательных требований и позволяет заинтересованным участникам правоотношений подготовиться к новациям в законодательстве. В качестве примера можно привести также информационные ресурсы Государственной Думы РФ Федерального Собрания РФ, позволяющие отслеживать законодательные инициативы начиная с проектной стадии¹⁹.

¹⁶ Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”. URL: <https://rg.ru/2010/07/30/gosusl-dok.html>

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 18.07.2015) “Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов”. URL: <http://mcop.dogm.mos.ru/anti-corruption/normative-legal-and-other-acts-in-the-field-of-combating-corruption/4985756/>

¹⁸ Указ Президента РФ от 23.05.1996 № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9400>

¹⁹ Официальный сайт ГД ФС РФ – <http://www.duma.gov.ru/systems/law/>; Информационно-аналитические материалы Государственной Думы – <http://iam.duma.gov.ru/>.

Технологии электронного правительства находят широкое применение на этапе реализации политических решений. Данная фаза управленческого цикла, заключающаяся в использовании административных средств реализации государственной политики, предполагает необходимость обеспечения согласованности действий управленческих звеньев государственного аппарата и открытости указанной деятельности для общественности. Административные учреждения в процессе реализации государственных решений взаимодействуют со значительным кругом участников, — иными государственными учреждениями, гражданами, коммерческими и некоммерческими организациями. Такое взаимодействие требует использования современных средств электронной коммуникации, которые предоставляют возможность повышения скорости и надежности обмена информацией между участниками.

Открытость власти, обеспечиваемая на этапе реализации политических решений, также требует применения каналов интернет-коммуникации с социумом. Реализуемый в России проект “Открытое правительство” предусматривает в качестве направлений развития “информационно-технологические механизмы”, включающие развитие систем электронной обработки писем, жалоб и запросов, создание порталов органов исполнительной власти, сайтов ведомств, содержащих информацию о результатах их деятельности, развитие систем идентификации и аутентификации и др.²⁰

Одним из элементов этапа реализации управленческих решений является предоставление государственных услуг органами публичной власти. Многие исследователи указывают на существенную роль применения информационных и коммуникационных технологий в повышении эффективности данной сферы взаимоотношений власти и общества²¹. В то же время в научной литературе справедливо отмечаются и имеющиеся ограничения в применении информационных и коммуникационных технологий при предоставлении государственных услуг, связанные, в частности, со

²⁰ Петрова А.С. Система “Открытое правительство” как фактор формирования гражданской культуры современного российского общества // Управленческое консультирование. 2014. № 6 (66). С. 154–160.

²¹ Гуляева В.Б. Электронные государственные услуги для бизнеса // Россия и Германия: экономика регионов после санкций. СПб., 2015. С. 183–185; Рагулина Ю.В., Авакян Н.С., Скакова Ж.Н. Предоставление государственных услуг в электронном виде // Вестник Академии. 2014. № 2. С. 89–92; Скакова Ж.Н. Предоставление государственных услуг в электронном виде // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2014. № 1–2. С. 5–6; Степанова А.М. Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде: исследование, анализ, направления совершенствования // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2014. № 1. С. 30–33.

спецификой отдельных государственных услуг, не позволяющей обеспечить их полный перевод в электронную форму²².

Однако в целом представляется, что эти ограничения носят частный характер, не затрагивают существенные аспекты реформирования сферы предоставления государственных услуг на основе механизмов “электронного правительства”. Предоставление государственных услуг в электронной форме сокращает временные издержки населения, связанные с необходимостью личного посещения органов власти, повышает качество административных процессов внутри органов власти вследствие автоматизации большинства указанных процессов, снижает финансовые расходы на административный персонал и повышает уровень доверия населения к власти.

Завершающая фаза управленческого цикла, состоящая в осуществлении контроля за ходом реализации политических решений и “обратной связью” от населения, имеет целью обеспечение соответствия практических мероприятий, проводимых государственными учреждениями, изначальной модели политического решения. Использование элементов “электронного правительства” на данной стадии процесса принятия политических решений направлено на создание возможностей осуществления лицами, принимающими политические решения, мониторинга эффективности реализации указанных решений на основе постоянного доступа к достоверной и полной информации об указанных мероприятиях, включая данные об установленных сроках их осуществления и ответственных должностных лицах.

Примером создания комплексной информационной системы, обеспечивающей в том числе процессы контроля реализации политических решений, является формирование и развитие в России государственной автоматизированной информационной системы “Управление”²³. Одними из задач данной системы являются осуществление мониторинга, анализа и контроля за исполнением принятых органами государственной власти РФ и органами местного самоуправления решений, а также осуществление мониторинга, анализа и контроля за достижением целевых значений показателей, предусмотренных в указах Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596–606 (так называемые “Майские указы”, содержащие 218 поручений, направленных на социально-экономическое развитие

²² Новикова Н.Г., Гладышев А.С. Проблемы формирования и перспективы развития системы электронных государственных услуг в России // Сервис plus. 2014. № 2. С. 52–56.

²³ Минкомсвязь России. Государственная автоматизированная информационная система “Управление” (ГАС “Управление”). URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/govservices/infosystems/1/>

страны и совершенствование системы государственного управления)²⁴.

Показателем эффективности реализации управленческих решений являются особенности распоряжения исполнительными органами государственной власти бюджетными средствами (целевой характер использования финансовых ресурсов). В этой связи важным инструментом мониторинга эффективности указанных мероприятий выступает формируемая в России система управления общественными финансами “Электронный бюджет”²⁵. Данная система обеспечивает доступность информации о финансовой деятельности государственных и муниципальных учреждений, возможность проведения мониторинга достижения финансовых результатов реализации государственных программ и др.²⁶ Представляется, что подобные инструменты реализации принципа прозрачности (открытости) бюджетного процесса оказывают определенное стимулирующее влияние на распорядителей бюджетных средств в части соблюдения установленного порядка их расходования, что отражается на общей эффективности реализации политических решений.

Другим элементом данной фазы управленческого цикла является “обратная связь” населения с властью при реализации политических решений. Этот элемент имеет важное значение для коррекции управленческого решения на этапе его реализации, что способствует более адекватному удовлетворению потребностей социума — объекта политического управления, и, в конечном счете, свидетельствует о качестве управленческой деятельности. Среди примеров использования инструментов электронного правительства, применяемых в данной сфере, можно выделить проект “Активный гражданин”, реализуемый региональными органами власти города Москвы (<https://ag.mos.ru/>). Несмотря на неоднозначную оценку в научной литературе данного и других подобных проектов²⁷, в целом их роль в повышении эффективности реализации политических решений очевидна: указанные инструменты формируют почву

²⁴ Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088 (ред. от 27.11.2015) «О государственной автоматизированной информационной системе “Управление”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95553/

²⁵ Распоряжение Правительства РФ от 20.07.2011 № 1275-р (ред. от 03.03.2017) «О Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами “Электронный бюджет”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117479/#dst100006

²⁶ Единый портал бюджетной системы РФ “Электронный бюджет” — <http://budget.gov.ru/>

²⁷ Романова Н.П., Лаврик Н.В. Роль гражданской инициативы в формировании электронной демократии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. № 2. С. 83–89.

для создания действенных механизмов электронной демократии в перспективе.

Вместе с тем, влияние информационно-коммуникационных технологий на эффективность политического управления необходимо оценивать с точки зрения целей субъектов управленческой деятельности. Продолжая логику выделения в деятельности политических субъектов двух основных целей, – 1) доступ к властным ресурсам и удержание власти (властный аспект) и 2) решение общегосударственных задач, повышение уровня жизни граждан (управленческий аспект), – сформулируем основные выводы о воздействии “электронного правительства” на каждый аспект эффективности политического управления в отдельности.

Рост эффективности властного позиционирования при внедрении “электронного правительства” обеспечивается вследствие повышения качества государственного администрирования (предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронной форме, сокращение административных издержек населения и бизнеса и др.) и функционирования органов публичной власти, предоставляющих доступные электронные сервисы взаимодействия власти с социумом. Это приводит к росту поддержки политического режима со стороны населения, повышению легитимности власти и, тем самым, положительно влияет на эффективность властного позиционирования.

Властная эффективность также увеличивается благодаря ключевому свойству информационно-коммуникационных технологий – повышению возможностей поиска и обработки необходимой для политических субъектов информации. Как отмечал Г. Лассуэлл “одной из функций коммуникации является обеспечение информацией об активности и возможностях других элит”²⁸. Действительно, современные электронные технологии предоставляют широкие возможности для мониторинга и контроля, анализа внутри- и внешнеполитической ситуации. В данном случае, ключевой вопрос заключается в использовании технологий “электронного правительства” исключительно в предусмотренных законодательством случаях и формах.

Вместе с тем, развитию “электронного правительства” сопутствует параллельный рост использования информационно-коммуникационных технологий в обществе, что стимулирует повышение спроса населения на доступ к информации о деятельности государственных и муниципальных органов власти и участие в выработке

²⁸ *Lasswell H.D. Op. cit. P. 128.*

политических решений посредством технологий “электронного правительства”. Указанные обстоятельства могут негативно отразиться на эффективности властного позиционирования в случае неготовности субъектов политического управления обеспечить необходимые институциональные условия для удовлетворения требований населения.

Рост управленческой эффективности обусловлен ключевыми свойствами технологий “электронного правительства”. Информационно-коммуникационные технологии обеспечивают более оперативный доступ к достоверной информации и помогают ее быстрее обрабатывать и передавать. В основе любой управленческой деятельности, в том числе политического управления, лежит совокупность информационных потоков: от субъекта к объекту в виде управляющего воздействия и от объекта к субъекту в виде “обратной связи”. Весь управленческий цикл, по сути, есть круговорот информации. Эффективность реализации политических решений зависит в том числе от полноты и качества доведенной до исполнителей информации. Само управляющее воздействие также предваряется анализом информации, ее обработкой, формулированием на ее основе вариантов управленческих решений.

Соответственно использование технологий, которые позволяют более оперативно и надежно передавать, получать и обрабатывать информацию, а также сокращает временные, финансовые и другие издержки при работе с информацией, приводит к росту управленческой эффективности. “Электронное правительство” является “электронной нервной системой” современного государства, способствуя его адаптации и развитию в условиях “информационного общества”.

Таким образом, воздействие “электронного правительства” на эффективность политического управления носит комплексный характер и зависит от форм и направлений его внедрения, а также качества политических институтов. При готовности субъектов политического управления обеспечить необходимые институциональные преобразования и проведение административных реформ одновременно с внедрением “электронного правительства” последнее может выступить мощным инструментом повышения эффективности политического управления. В случае несоответствия существующих политических институтов требованиям “информационного общества” и отсутствия политической воли для их модернизации, внедрение технологий “электронного правительства” будет обострять указанное противоречие, что может отрицательно отразиться на эффективности политического управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барыкин Д.В., Боровин Ю.М., Латышева О.П., Присада С.А. Обзор современных тенденций развития технологий в системах электронного межведомственного документооборота // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2013. Т. 1. № 4 (18). С. 312–315.

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1983.

Володин Д.В. Проблемы организации межведомственного электронного документооборота // Вестник архивиста. 2012. № 1 (117). С. 147–162.

Волюшинская А.А. “Российская общественная инициатива”: парадоксы отечественной электронной демократии // Власть. 2016. № 1. С. 47–51.

Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. Как добиться успеха в информационную эру. М., 2000.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1991.

Государственное и муниципальное управление // Ученые записки СКАГС. 2006. Вып. № 1–2.

Гуляева В.Б. Электронные государственные услуги для бизнеса // Россия и Германия: экономика регионов после санкций. СПб., 2015. С. 183–185.

Единый портал бюджетной системы РФ “Электронный бюджет”. URL: <http://budget.gov.ru/>

Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. URL: <http://iam.duma.gov.ru/>

Кислицын С.А., Старостин А.М. Эффективность деятельности государственной власти и управления: критерии, оценки, анализ состояния, пути повышения (элитологический аспект). Ростов н/Д., 2005.

Минкомсвязь России. Государственная автоматизированная информационная система “Управление” (ГАС “Управление”). URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/govservices/infosystems/1/>

Новикова Н.Г., Гладышев А.С. Проблемы формирования и перспективы развития системы электронных государственных услуг в России // Сервис plus. 2014. № 2. С. 52–56.

Официальный сайт ГД ФС РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru/systems/law/>

Петрова А.С. Система “Открытое правительство” как фактор формирования гражданской культуры современного российского общества // Управленческое консультирование. 2014. № 6 (66). С. 154–160.

Постановление Правительства РФ от 22.09.2009 № 754 “Об утверждении Положения о системе межведомственного электронного документооборота”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91827/

Постановление Правительства РФ от 25.12.2009 № 1088 (ред. от 27.11.2015) «О государственной автоматизированной информационной системе “Управление”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95553/

Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 18.07.2015) “Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов

нормативных правовых актов”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98088/

Рагулина Ю.В., Авакян Н.С., Скакова Ж.Н. Предоставление государственных услуг в электронном виде // Вестник Академии. 2014. № 2. С. 89–92.

Распоряжение Правительства РФ от 20.07.2011 № 1275-р (ред. от 03.03.2017) «О Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами “Электронный бюджет”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117479/#dst100006

Романова Н.П., Лаврик Н.В. Роль гражданской инициативы в формировании электронной демократии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. № 2. С. 83–89.

Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf

Сапин М.Р., Бочаров В.Я., Никитюк Д.Б. и др. Анатомия человека: В 2 т. / Под ред. М.Р. Сапина. Т. 2. М., 2001.

Скакова Ж.Н. Предоставление государственных услуг в электронном виде // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2014. № 1–2. С. 5–6.

Степанова А.М. Предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде: исследование, анализ, направления совершенствования // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2014. № 1. С. 30–33.

Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Дисс. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Ростов н/Д., 2003.

Указ Президента РФ от 23.05.1996 № 763 “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10482/

Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/

Фонтейн Дж.Е. Институциональное развитие в виртуальном государстве: недостающее звено в технологическом видении E-Government // Политическая наука. 2007. № 4.

Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997. URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava2.htm>

REFERENCES

Barykin D.V., Borovin Iu.M., Latysheva O.P., Prisada S.A. Obzor sovremennykh tendentsii razvitiia tekhnologii v sistemakh elektronnoho mezhdovomstvennogo dokumentooborota // Izvestiia Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI. 2013. T. 1. N 4 (18). S. 312–315 (in Russian).

Deutsch K. The nerves of government: models of political communication and control. N.Y., 1966.

Federal'nyi zakon ot 27.07.2010 № 210-FZ "Ob organizatsii predostavleniia gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (in Russian).

Fontein Dzh.E. Institutsional'noe razvitie v virtual'nom gosudarstve: nedostaiushchee zveno v tekhnologicheskom videnii E-Government // Politicheskaiia nauka. 2007. N 4 (in Russian).

Geits B. Biznes so skorost'iu mysli. Kak dobit'sia uspekha v informatsionnuu eru. M., 2000 (in Russian).

Gobbs T. Leviafan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo // Gobbs T. Soch.: V 2 t. T. 2. M., 1991 (in Russian).

Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie // Uchenye zapiski SKAGS. 2006. Vyp. N 1–2 (in Russian).

Guliaeva V.B. Elektronnye gosudarstvennye uslugi dlia biznesa // Rossiia i Germaniia: ekonomika regionov posle sanktsii. SPb., 2015. S. 183–185 (in Russian).

Edinyi portal biudzhethnoi sistemy RF "Elektronnyi biudzheth". URL: <http://budget.gov.ru/> (in Russian).

Informatsionno-analiticheskie materialy Gosudarstvennoi Dumy. URL: <http://iam.duma.gov.ru/> (in Russian).

Kislitsyn S.A., Starostin A.M. Effektivnost' deiatel'nosti gosudarstvennoi vlasti i upravleniia: kriterii, otsenki, analiz sostoiianiia, puti povysheniia (elitologicheskii aspekt). Rostov n/D., 2005 (in Russian).

Lasswell H.D. The structure and function of communication in society // The Communication of Ideas / Ed. by Bryson. N.Y., 1948.

Minkomsviaz' Rossii. Gosudarstvennaia avtomatizirovannaia informatsionnaia sistema "Upravlenie" (GAS "Upravlenie"). URL: <http://minsvyaz.ru/ru/activity/govservices/infosystems/1/> (in Russian).

Novikova N.G., Gladyshev A.S. Problemy formirovaniia i perspektivy razvitiia sistemy elektronnykh gosudarstvennykh uslug v Rossii // Servis plus. 2014. N 2. S. 52–56 (in Russian).

Ofitsial'nyi sait GD FS RF. URL: <http://www.duma.gov.ru/systems/law/> (in Russian).

Petrova A.S. Sistema "Otkrytoe pravitel'stvo" kak faktor formirovaniia grazhdanskoi kul'tury sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2014. N 6 (66). S. 154–160 (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22.09.2009 N 754 "Ob utverzhdenii Polozheniia o sisteme mezhdedomstvennogo elektronnoho dokumentooborota". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91827/ (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25.12.2009 N 1088 (red. ot 27.11.2015) «O gosudarstvennoi avtomatizirovannoi informatsionnoi sisteme "Upravlenie"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95553/ (in Russian).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.02.2010 N 96 (red. ot 18.07.2015) "Ob antikorrupsionnoi ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98088/ (in Russian).

Ragulina Iu.V., Avakian N.S., Skakova Zh.N. Predostavlenie gosudarstvennykh uslug v elektronnom vide // Vestnik Akademii. 2014. N 2. S. 89–92 (in Russian).

Rasporiazhenie Pravitel'stva RF ot 20.07.2011 N 1275-r (red. ot 03.03.2017) «O Kontseptsii sozdaniia i razvitiia gosudarstvennoi integrirovannoi informatsionnoi sistemy upravleniia obshchestvennymi finansami “Elektronnyi biudzhets”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117479/#dst100006 (in Russian).

Romanova N.P., Lavrik N.V. Rol' grazhdanskoj initsiativy v formirovanii elektronnoi demokratii // Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. N 2. S. 83–89 (in Russian).

Saimon G.A. Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniia // THESIS. 1993. Vyp. 3. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf (in Russian).

Sapin M.R., Bocharov V.Ia., Nikitiuk D.B. i dr. Anatomiiia cheloveka: V 2 t. T. 2 / Pod red. M.R. Sapina. M., 2001 (in Russian).

Shabrov O.F. Politicheskoe upravlenie: problema stabil'nosti i razvitiia. M., 1997. URL: <http://shabrov.info/Polupr/glava2.htm> (in Russian).

Skakova Zh.N. Predostavlenie gosudarstvennykh uslug v elektronnom vide // Innovatsionnaia ekonomika: informatsiia, analitika, prognozy. 2014. N 1–2. 2014 (in Russian).

Stepanova A.M. Predostavlenie gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug v elektronnom vide: issledovanie, analiz, napravleniia sovershenstvovaniia // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii. 2014. N 1. S. 30–33 (in Russian).

Starostin A.M. Effektivnost' deiatel'nosti administrativno-politicheskikh elit: kriterii otsenki i analiz sostoianii v sovremennoi Rossii. Diss. ... dokt. polit. nauk: 23.00.02. Rostov n/D., 2003 (in Russian).

Ukaz Prezidenta RF ot 23.05.1996 N 763 “O poriadke opublikovaniia i vstupleniia v silu aktov Prezidenta RF, Pravitel'stva RF i normativnykh pravovykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10482/ (in Russian).

Viner N. Kibernetika, ili upravlenie i sviaz' v zhivotnom i mashine. M., 1983 (in Russian). (in Russian).

Volodin D.V. Problemy organizatsii mezhvedomstvennogo elektronnoho dokumentooborota // Vestnik arkhivista. 2012. N 1 (117). S. 147–162 (in Russian).

Voloshinskaia A.A. “Rossiiskaia obshchestvennaia initsiativa”: paradoksy otechestvennoi elektronnoi demokratii // Vlast'. 2016. N 1. S. 47–51 (in Russian).

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-189-204

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В XXI веке: БЛАГОПОЛУЧНЫЕ ГОДЫ (2002–2012). РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Ю.П. АВЕРИНА*

В.А. Сушко, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Российская Федерация, 119234**

Рецензируемая работа посвящена оценке состояния ощущаемого качества жизни российского населения и его изменений в течение 10 лет, в период наиболее благополучного экономического развития России.

Оценка состояния качества жизни населения и факторов его формирования направлена на решение фундаментальных и прикладных задач социологической науки. Данная оценка позволяет понять, во-первых, то, на каком этапе развития находится общество, какого качества жизни оно достигло в целом и по отдельным его составляющим; во-вторых, как функционирование общественной системы, государственных институтов влияет на состояние качества жизни; в-третьих, в каком состоянии находятся отдельные объективные составляющие качества жизни; в-четвертых, как состояние объективных составляющих качества жизни обуславливает состояние его субъективных составляющих — ощущаемого качества жизни, его составляющих; в-пятых, каково состояние ощущаемого качества жизни, его отдельных составляющих и как они воздействует на состояние социального порядка в обществе.

В книге обосновываются методологический и методический подходы к исследованию ощущаемого качества жизни населения. На основе результатов эмпирических исследований, проведенных в 2002, 2008 и 2012 гг. по единой методологии и методике, раскрываются произошедшие за этот период изменения в состоянии восьми параметров ощущаемого качества жизни взрослого населения России: физической активности, роли физических и эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности, психического здоровья, болевых ощущений, общего состояния здоровья, жизнеспособности, социальной активности, а также вклад состояния этих параметров в обобщенный индекс качества жизни российского населения. Раскрываются факторы формирования состояния данных параметров: пол, возраст, профессиональная занятость, средний доход на одного человека в семье, образование, семейное положение, место проживания.

* Аверин Ю.П. Качество жизни населения России в XXI веке: благополучные годы (2002–2012). По результатам социологических исследований. М., 2017.

** Сушко Валентина Афанасьевна, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

Определяется то, как воздействует состояние экономики и экономического положения населения в России в данный период на состояние ощущаемого им качества жизни.

Ключевые слова: социологическое исследование, методы и методология, программа социологического исследования, качество жизни, социальное благополучие.

QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF RUSSIA IN THE 21ST CENTURY: PROSPEROUS YEARS (2002–2012). REVIEW OF THE MONOGRAPH BY Yu.P. AVERIN

Sushko Valentina A., Associate Professor, Candidate of Sociology, Associate head of the Department at Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: valentina.sushko@gmail.com

The work is devoted to the assessment of the perceived quality of life of the Russian people and its changes during the decade of the most prosperous economic development of Russia.

The assessment of life quality and factors of its formation is intended to solve the fundamental and practical problems of social science. First of all, the assessment allows understanding the stage of development of the society and the characteristics of the achieved life quality in general and concerning its separate components; secondly, it helps understanding the influence of social system and state institutions over the conditions of life quality; thirdly, it shows the state of separate objective components of life quality; fourthly, it represents the way objective components of life quality determine the state of its subjective components – perceived quality of life and its components; finally, the state of the perceived life quality, its separate components and their influence over the state of social order in the society.

The book covers the substantiation of the methodological and methodical approaches to the study of the perceived life quality of the population. Based on the results of empirical studies conducted in 2002, 2008 and 2012 according to a common methodology and method, the authors describe the changes in the state of the eight characteristics of the perceived life quality of the adult population of Russia which took place during the mentioned period: physical activity, the roles of physical and emotional problems in limitation of life activity, mental health, pain sense modality, general health, vitality, social activity and the contribution of the state of these parameters to the generalized index of life quality of the Russian population. The following factors of formation of the state of these characteristics were disclosed: gender, age, employment, average income per person in a family, education, marital status, place of residence. The authors define the influence of the state of the economy and economic situation in Russia in this period over the state of the perceived life quality.

Key words: sociological research, methods and methodology, the program of sociological research, the quality of life, social welfare.

Качество жизни населения является одним из системных, результирующих параметров общества, характеризующих его состояние. Являясь результатом жизнедеятельности всей общественной системы, всех ее сфер – политической, экономической, духовной, социальной, – качество жизни одновременно выступает важнейшим фактором, воздействующим на состояние социального порядка в обществе, его устойчивое самовоспроизводство и направление развития¹. Данный процесс в условиях изменяющейся внешней среды достигается благодаря устойчивому развитию самих индивидов и порядка их взаимодействия, что является следствием повышения их качества жизни.

Оценка состояния качества жизни населения и факторов его формирования направлена на решение фундаментальных и прикладных задач социологической науки. Данное знание в условиях ограниченности материальных ресурсов позволяет вырабатывать более эффективные управленческие решения, направленные на развитие общества. Оно дает возможность определить те “болезненные” составляющие качества жизни, целенаправленное изменение состояния которых позволит быстрее повысить общее качество жизни российского населения, обеспечить воспроизводство устойчивого социального порядка в обществе.

Для России оценка состояния качества жизни населения имеет повышенное значение. Существующее состояние качества жизни остается низким после катастрофического социального упадка российского общества и государства в девяностые годы прошлого тысячелетия. Первые десятилетия XXI в. были временем восстановления Российского государства, социального порядка в российском обществе, повышения качества жизни населения. Рост политической устойчивости российского общества и высокие темпы экономического развития, наблюдающиеся в России в данный период, сделали возможным повышения качества жизни российских граждан. Тем не менее, качество жизни российского населения остается еще не высоким.

В настоящее время сохраняется огромный разрыв в качестве жизни различных социальных групп населения России. Дифференциация населения по уровню доходов в XXI в. постоянно увеличивается. К 2007 г. она достигла максимума, и в последующие годы начала незначительно снижаться.

В то же время данные о величине децильного коэффициента фондов в других странах следующие. “В Европе самое низкое зна-

¹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994. С. 461.

чение в Дании, Швеции и Финляндии. В этих странах доходы богатых и бедных различаются в 3 раза. В таких странах, как Германия и Франция, этот показатель выше в среднем в три раза. При этом в этих странах реализуются программы, направленные на снижение социальной напряженности, поэтому неравенство в доходах имеет тенденцию к уменьшению. Самый большой показатель характерен для Намибии, Боливии, Сьерра-Леоне, Гондураса, Гаити, Ботсваны и Бразилии (75 в среднем). Обобщенный децильный коэффициент в странах Европейского союза равен 6 (наименьший – в скандинавских странах – около 4), в США – 15, в Японии – 6, в Северной Африке – 6².

В условиях ограниченности экономических ресурсов в России необходимо определить, во-первых, те социальные группы общества, качество жизни которых является самым низким. Во-вторых, то, как экономическое положение людей влияет на состояние их ощущаемого качества жизни.

В 2008 г. в российской экономике начался кризис. “Согласно данным, обнародованным 23 января 2009 года Росстатом, в декабре 2008 года падение промышленного производства в России достигло 10,3% по отношению к декабрю 2007 года (в ноябре – 8,7%), что стало самым глубоким спадом производства за последнее десятилетие; в целом, в 4 квартале 2008 года падение промышленного производства составило 6,1% по сравнению с аналогичным периодом 2007 года”. Падение промышленного производства привело к снижению заработных плат, росту безработицы, повышению экономической неопределенности. К началу 2010 г. падение промышленного производства прекратилось, и начался экономический рост³.

В этой связи пристального внимания заслуживает вышедшая в 2017 г. книга Ю.П. Аверина⁴ “Качество жизни населения России в XXI веке: благополучные годы (2002–2012). По результатам социологических исследований”. Монография посвящена оценке состояния ощущаемого качества жизни российского населения и его изменений в течение 10 лет, в период наиболее благополучного экономического развития России. Обосновываются методологический и методический подходы к исследованию ощущаемого ка-

² Что такое децильный коэффициент? Децильный коэффициент дифференциации доходов // Businessman.ru. URL: <http://vse-temu.org/new-chto-takoe-decilnyj-koefficient.html> (дата обращения: 05.12.17).

³ Россия отличилась удвоением миллиардеров // Независимая газета. 2010. 12 марта.

⁴ Аверин Юрий Петрович – профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой методологии социологических исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Автор более 50 научных публикаций.

чества жизни населения. На основе результатов эмпирических исследований, проведенных в 2002, 2008 и 2012 гг. по единой методологии и методике, раскрываются произошедшие за этот период изменения в состоянии восьми параметров ощущаемого качества жизни взрослого населения России: физической активности, роли физических и эмоциональных проблем в ограничении жизнедеятельности, психического здоровья, болевых ощущений, общего состояния здоровья, жизнеспособности, социальной активности, а также вклад состояния этих параметров в обобщенный индекс качества жизни российского населения. Раскрываются факторы формирования состояния данных параметров: пол, возраст, профессиональная занятость, средний доход на одного человека в семье, образование, семейное положение, место проживания. Определяется то, как воздействует состояние экономики и экономического положения населения в России в данный период на состояние ощущаемого им качества жизни.

Монография состоит из двух частей и девяти разделов, логично объединенных общей авторской концепцией. Цель данной работы состоит в том, чтобы показать читателям, в каком состоянии находилось ощущаемое качество жизни российского населения в первое десятилетие XXI в. (с 2002 по 2012 г.), как оно изменялось в этот период; как состояние качества жизни населения меняется в зависимости от его социально-демографических характеристик; какое воздействие на формирование качества жизни оказывают социально-экономические, социально-территориальные и социальные (в узком смысле) факторы; какое влияние объективные процессы, происходившие в экономической сфере России, изменение экономического положения населения (заработной платы, пенсионного обеспечения) оказали на состояние ощущаемого качества жизни в данный период.

Хотя данные исследования проводились в 2002, 2008 и 2012 гг., их результаты представляют сегодня научную и практическую ценность. Они показывают, какое ощущаемое качество жизни российского населения было достигнуто в наиболее благополучный для развития России период, в период восстановления и быстрого роста российской экономики. Как оно изменялось, какие составляющие ощущаемого качества жизни в эти годы изменялись быстрее, какие медленнее, оставаясь на низком уровне и представляя собой социальную и социально-психологическую проблему для российского общества и государства. Понимание этого особенно важно в настоящее время. Российская экономика, начиная с 2014 г. переживающая экономический кризис, только выходит из него. Это не могло не сказаться на обострении имевшихся ранее про-

блем в состоянии ощущаемого качества жизни. Представленные результаты исследования позволили выявить эти проблемы, дали возможность определить те “болезненные” составляющие ощущаемого качества жизни российского населения, целенаправленное изменение состояния которых сегодня приведет к его повышению в ближайшем будущем.

Следует также обратить внимание на структуру книги. Она выстроена четко, в соответствии с общей логикой исследования поставленных вопросов. К достоинствам монографии следует отнести также хороший научный стиль изложения, делающий материал доступным для широкого круга читателей, основательную эмпирическую базу исследования, отражение в выводах самых последних изменений, произошедших в современном российском обществе.

Выводы автора находят свое отражение в использованных схемах, таблицах и рисунках, что делает работу наглядной и помогает восприятию содержания. Часть I “Методология и методика социологического исследования ощущаемого качества жизни российского населения” состоит из двух разделов. В первом разделе “Методология социологического исследования ощущаемого качества жизни российского населения” автор делает акцент на том, что содержание предмета методологии социологических исследований как отрасли социологии представляет собой определение и обоснование закономерностей и принципов построения теоретико-познавательных конструкций эмпирического исследования социальных явлений. Методологию социологического исследования образуют две взаимосвязанные научные системы, охватывающие социологическое исследование от его замысла до получения научного результата, — система теоретических действий или теоретическое построение социологического исследования и система методических действий или методическое построение социологического исследования.

Ядром методологии социологического исследования является его концепция, которая представляет собой систему теоретических взглядов на способ понимания и объяснения исследуемых явлений. Двудеяная роль концепции социологического исследования — как средства объяснения и как основания для разработки исследовательских инструментов — позволяет ей выступать в качестве основополагающей идеи и объединять в логически связанную последовательность действий теоретические, методические, аналитические и содержательные процедуры исследования, которые строятся в соответствии с определенной системой взглядов, способом понимания и объяснения исследуемого явления. Тем самым концепция социологического исследования решает основополагающую

задачу при разработке его программы – логическое объединение ее составных частей. Концепция социологического исследования лежит в основе построения его концептуальной модели. Построение концептуальной модели социологического исследования опирается на исходные составляющие теории, которая используется для описания и объяснения исследуемого явления: во-первых, на исходную теоретическую основу – совокупность выведенных в теории понятий и утверждений с их доказательствами; во-вторых, на логический аппарат теории – правила логического вывода и доказательства. Эти составляющие теории обуславливают построение концептуальной модели социологического исследования. В настоящее время при исследовании качества жизни используются различные концептуальные подходы.

Автор рассматривает социально-экономический подход к пониманию качества жизни, который начал развиваться с начала XX в., когда английский экономист А. Пигу в работе “Экономическая теория благосостояния” впервые ввел термин “качество жизни” при анализе индивидуального благосостояния, элементы которого образуют качество жизни⁵. В рамках социально-экономического подхода качество жизни понимается как интегрированная характеристика уровня и условий жизни населения⁶. Оно включает в себя совокупность параметров жизнедеятельности человека, обеспечивающих ту или иную степень удовлетворения его материальных и духовных потребностей и интересов с точки зрения соответствия существующим общественным нормам условий труда и отдыха, жилищных условий, социальной обеспеченности, среды обитания и т.д. Качество жизни выражается в количестве и качестве потребляемых человеком благ и услуг.

Однако социально-экономический подход имеет свои ограничения в объяснении состояния качества жизни, так как для ее оценки в рамках этого подхода используются только объективные показатели, характеризующие экономическое и социальное положение индивида. В то же время состояние объективных показателей, характеризующих экономическое и социальное положение индивида, неоднозначно связано с его удовлетворенностью жизнью, они не могут в полной мере объяснить его восприятие качества жизни. В них не учитывается характер стремлений, ожиданий и личных потребностей людей, что особенно важно при оценке характера влияния состояния качества жизни на состояние социаль-

⁵ Пигу А. Экономическая теория благосостояния: В 2 т. М., 1985.

⁶ Политика доходов и качество жизни населения / Под ред. Н.А. Горелова. СПб., 2003. С. 639.

ного порядка в обществе. Социально-психологический анализ свидетельствует о том, что качество жизни индивида таково, каким он его воспринимает и ощущает с точки зрения выполнения своей социальной роли. Социальный порядок в обществе обусловлен, в конечном счете, воспринимаемым и ощущаемым качеством жизни, которое опосредует количество и качество потребляемых человеком благ и услуг. Социальная роль индивида лежит в основе структурно-функционального подхода к пониманию качества жизни. В его рамках качество жизни рассматривается широко – как состояние оптимальной возможности индивида эффективно выполнять свои роли и задачи, для которых он был социализирован. Однако такое понимание носит скорее концептуальный характер и требует специального теоретического наполнения, необходимого для разработки концептуальной модели социологического исследования качества жизни.

В снятом виде характер стремлений, ожиданий и личных потребностей людей учитывается в рамках концепции “ощущаемого” качества жизни. Причем она опирается на концепцию структурного функционализма для определения общего критерия оценки качества жизни. Концепция “ощущаемого” качества жизни рассматривает его как субъективное состояние индивида, являющееся результатом существующих условий для удовлетворения его потребностей. Качество жизни индивида таково, в какой мере ощущаемые им физические, интеллектуальные, эмоциональные и волевые возможности позволяют ему трудиться и общаться, т.е. не препятствуют выполнению социальной роли. При этом восприятие таких возможностей определяется с точки зрения самого индивида, т.е. субъективно.

Основным понятием при определении качества жизни в рамках данной концепции является понятие ощущаемых возможностей для выполнения социальной роли. Качество жизни тем выше, чем большими возможностями обладает индивид для выполнения своей социальной роли. Достоинства концепции ощущаемого качества жизни следующие. Ее использование для теоретического построения социологического исследования позволяет получить: во-первых, результирующую оценку восприятия индивидом своего качества жизни, так как эта оценка является обобщающей, “вбирает в себя” объективные условия жизнедеятельности человека и его восприятие этих условий; во-вторых, индивидуализированную оценку восприятия качества жизни для различных социальных групп общества (социально-демографических, территориальных и др.).

Однако оценка на основе концепции ощущаемого качества жизни имеет свои ограничения. Оценка ощущаемого качества жизни

не позволяет определить состояние объективных параметров жизнедеятельности индивида, обуславливающих его ощущение, и, следовательно, не дает возможности управлять состоянием этих параметров, влиять на изменение качества жизни людей.

Соединение социально-экономической концепции и концепции ощущаемого качества жизни в рамках единой концептуальной модели позволяет использовать достоинства и устранить ограничения каждой из двух концепций. Объединение ощущения и объективных параметров качества жизни в рамках единой концептуальной модели социологического исследования позволяет выявить те состояния объективных параметров качества жизни, которые вызывают у индивидов “болезненные ощущения”. Тем самым, полученные в ходе социологического исследования оценки данных параметров дают возможность адресно влиять на состояние социального порядка в обществе, вызываемое этими ощущениями, посредством изменения состояния “болезненных” параметров качества жизни.

Достоинством интегральной концептуальной модели социологического исследования качества жизни является то, что в ней объединяются объективные компоненты качества жизни, рассматриваемые в рамках социально-экономической концепции, с его ролевым субъективным наполнением, присутствующим в рамках концепции ощущаемого качества жизни.

Во втором разделе “Методика эмпирического исследования качества жизни российского населения” автор обосновывает методику социологического исследования применительно к изучаемой теме, обосновывает вид и структуру выборочной совокупности, географию исследования, метод анализа полученных данных.

Для оценки состояния ощущаемого качества жизни российского населения применялся метод анкетного квартирного опроса. При этом в основу содержания анкеты был положен общий вопросник качества жизни – SF-36, построенный на основе теоретико-методологического подхода к оценке качества жизни, предложенного J.E. Ware (русскоязычная версия, прошедшая полный цикл культурной адаптации в НИИ пульмонологии МЗ РФ).

Выборочная совокупность численностью 1500 человек была сформирована методом квотно-случайного отбора и обеспечивала представительность результатов исследования ко всему взрослому населению России от 18 лет и старше, во-первых – по полу, во-вторых – по возрасту, в-третьих – по социальному статусу, в-четвертых – по территориальному расселению, а именно в региональном разрезе, в разрезе город–село и в разрезе четырех типов городских поселений (1 млн человек и больше, от 500 до 999,9 тыс. человек, от 100 до 499,9 тыс. человек, меньше 100 тыс. человек).

В структуру выборочной совокупности вошли 22 области, края, республики и города Российской Федерации, – Москва, Санкт-Петербург, Московская, Смоленская, Ярославская, Липецкая, Томская, Иркутская, Новосибирская, Свердловская, Волгоградская, Самарская, Нижегородская, Саратовская, Ростовская, Мурманская области, Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Ставропольский края, республики Башкортостан и Татарстан, – представляющих ее основные территориальные зоны.

В каждом субъекте России опрос проводился в соответствии с его социально-поселенческой структурой: в центральном городе, в районном городе и в сельских населенных пунктах. Районные города и сельские населенные пункты отбирались случайным образом. Таким образом, обеспечивался высокий уровень представительности ко всему взрослому населению России.

Как уже было сказано выше, всего было опрошено 1500 человек взрослого населения России. В масштабах России данный объем выборки обеспечивает необходимую представительность результатов исследования с учетом социального многообразия населения России ($\pm 3,5\%$).

Статистическая обработка данных была проведена с использованием компьютерных программ, разработанных на основе СУБД Excell и специального пакета программ SPSS (Statistical Package for Social Sciences), являющегося международным стандартом обработки социологической информации.

На основе представленной выше методики под руководством Ю.П. Аверина проведены три эмпирических исследования – в 2002, 2008 и 2012 гг.⁷

Результаты исследования позволили, во-первых, проследить изменение состояния ощущаемого качества жизни российского населения за данный период; во-вторых, раскрыть характер влияния социально-демографических и социально-экономических факторов на состояние ощущаемого качества жизни; в-третьих, определить характер влияния состояния российской экономики на состояние ощущаемого качества жизни российского населения.

Вторая часть “Изменение ощущаемого качества жизни взрослого населения России в XXI веке и факторы его формирования” состоит из девяти разделов, в каждом из которых проанализированы полученные эмпирические данные, исходя из цели исследования.

⁷ В 2002 г. исследование финансировалось компанией GLAXOSMITHKLINE. В 2008 и 2012 гг. исследование финансировалось социологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова.

Результаты исследования ощущаемого качества жизни российского населения показывают, что с 2002 по 2012 г. оно постоянно росло. В целом, уменьшилось расслоение по ощущаемому качеству жизни среди российского населения, при этом для групп населения с низким и очень низким ощущаемым качеством жизни по большинству его составляющих оно или не менялось, или ухудшалось. Эти группы населения ниже опускались на “дно” по состоянию ощущаемого качества жизни. С возрастом расслоение по ощущаемому качеству жизни российского населения росло. Это расслоение также увеличилось в связи с экономическим кризисом в России, начавшимся в 2008 г. Расслоение по ощущаемому качеству жизни определялось не только возрастными изменениями среди российского населения, но и различием в воздействии социальных факторов на людей. В целом, расслоение по качеству жизни на протяжении десяти лет у женщин было выше, чем у мужчин.

Изменение ощущаемого качества жизни российского населения существенно различалось в зависимости от его социально-демографических и территориальных характеристик. У женщин ощущаемое качество жизни росло быстрее, чем у мужчин, хотя всегда оставалось ниже, чем у мужчин, и ниже среднего значения по России. Существенное ухудшение ощущаемого качества жизни у мужчин и у женщин начиналось после 44 лет, при этом по ряду составляющих у женщин это ухудшение начинается раньше, чем у мужчин (после 34 лет по общему здоровью, объему субъективных болевых ощущений, жизненному тону, социальной активности). В городе ощущаемое качество жизни российского населения выше, чем на селе. При этом место проживания влияет на состояние качества жизни только женщин. Женщины тяжелее переносят неблагоприятные социальные условия жизни. К 2012 г. влияние места проживания женщин на уровень их ощущаемого качества жизни снизилось. Условия жизни на селе стали улучшаться.

Увеличение значения всех параметров, составляющих ощущаемое качество жизни, происходило во многом в соответствии с характером увеличения средней заработной платы и трудовой пенсии по старости. С 2002 по 2008 г. они увеличились, соответственно, в 4 и 7,7 раза, в то время как с 2008 по 2012 г. они росли значительно медленнее, – соответственно, в 1,5 и 2 раза, – в связи с начавшимся в 2008 г. в России экономическим кризисом. Данная неравномерность предопределила и неравномерный рост ощущаемого качества жизни российского населения на протяжении десяти лет. Наиболее быстро ощущаемое качество жизни росло в период с 2002 по 2008 г., когда улучшалось состояние всех параметров, характеризующих содержание ощущаемого качества жизни. Эти годы были

самыми благополучными с точки зрения его повышения. С 2008 по 2012 г. улучшение ощущаемого качества жизни российского населения существенно замедлилось по всем характеризующим его параметрам. Не все люди одинаково перенесли экономический кризис 2008 г.

Улучшение параметров, характеризующих содержание ощущаемого качества жизни российского населения, в течение десяти лет происходило неравномерно. Наибольший вклад в повышение ощущаемого качества жизни российского населения внесло уменьшение роли физических проблем в ограничении его жизнедеятельности, т.е. улучшение физического состояния людей. При этом, оно стало сильнее зависеть от уровня дохода по сравнению с тем, что было десять лет назад. Это вызвано не в последнюю очередь повышением уровня коммерциализации здравоохранения.

Один из самых больших вкладов в повышение ощущаемого качества жизни российского населения внесло уменьшение роли эмоциональных проблем в ограничении его жизнедеятельности, т.е. эмоциональные проблемы стали меньше ограничивать повседневную деятельность людей. Они стали более эмоционально устойчивыми.

Повышение уровня влияния таких составляющих ощущаемого качества жизни, как физическая активность, социальная активность, общее здоровье и жизнеспособность, в течение десяти лет происходило намного медленнее, чем двух рассмотренных выше составляющих. Главным образом, в докризисный период – с 2002 по 2008 г.

Наименьший вклад в повышение ощущаемого качества жизни российского населения внесло улучшение его психического здоровья, положительное изменение которого происходило медленнее всех других составляющих качества жизни. Чувство спокойствия и умиротворенности у российского населения росло намного медленнее, чем рост заработной платы и трудовой пенсии. Рост их размера не является определяющим фактором в улучшении психического здоровья населения России. Нет группы населения в России, ни мужчин, ни женщин, которая чувствовала бы себя полностью спокойной и умиротворенной.

Также очень маленький вклад в повышение ощущаемого качества жизни российского населения внесло уменьшение объема его субъективных болевых ощущений, которое происходило медленнее почти всех других составляющих качества жизни. С 2002 по 2012 г. объем субъективных болевых ощущений у женщин уменьшился, у мужчин остался практически таким же. При этом у женщин объем субъективных болевых ощущений все равно остается боль-

шим, чем у мужчин, и его увеличение начинается с более раннего возраста (с 35 лет) по сравнению с мужчинами (с 45 лет).

На состояние ощущаемого качества жизни населения воздействует ряд социальных факторов, характеризующих социальное положение людей. Чем выше уровень дохода на одного члена семьи, тем выше ощущаемое качество жизни населения России. Влияние уровня дохода на состояние ощущаемого качества жизни к 2012 г. заметно увеличилось по сравнению с 2002 г. Оно стало сильнее зависеть от уровня дохода по сравнению с тем, что было десять лет назад. Одной из причин этой зависимости является повышение коммерциализации здравоохранения, образования, постоянный рост цен на товары и услуги. Влияние дохода на одного члена семьи на ощущаемое качество жизни женщин сильнее по сравнению с мужчинами. Бедность тяжелее переносят женщины, она сильнее сказывается на их здоровье, приводит к его ухудшению. Для мужчин она означает увеличение физической нагрузки, которая подрывает их здоровье.

У неработающих людей качество жизни ниже по сравнению с качеством жизни работающих людей. Влияние профессиональной занятости на состояние качества жизни российского населения существенно уменьшилось в 2012 г. по сравнению с 2002 г. Среди населения России появилась группа людей, материальные возможности которых не зависят от профессиональной занятости и тем самым она не влияет на состояние ощущаемого ими качества жизни.

Чем выше уровень образования людей, тем выше их ощущаемое качество жизни, причем его влияние в течение десяти лет возрастало. Уровень образования стал все больше обуславливать содержание работы, физические нагрузки, уровень заработной платы и доход на одного человека в семье. С ростом цен на товары и услуги, который происходил с 2002 по 2012 г., их доступность для людей с низким доходом стала ниже, и, как следствие, это привело к увеличению влияния уровня образования на ощущаемое качество жизни российского населения. У женщин с высшим образованием ощущаемое качество жизни более высокое, чем у женщин со средним образованием, в то время как на состояние ощущаемого качества жизни мужчин уровень образования не влияет.

У женатых людей ощущаемое качество жизни выше по сравнению с холостыми людьми, причем эта связь существует только для мужчин. Наличие детей в семье повышает качество жизни женщин сравнению с женщинами, у которых нет детей, живущих в семье. В то время как на качество жизни мужчин наличие детей в семье практически не влияет.

Зависимость ощущаемого качества жизни взрослого населения России от уровня дохода, образования, профессиональной занятости, места проживания, семейного положения обусловлена влиянием данных факторов на полноту удовлетворения жизненных потребностей людей. Чем более полно удовлетворяются жизненные потребности людей, тем выше ощущаемое качество жизни. При этом, более сильное влияние оказывает полнота удовлетворения жизненных потребностей на уровень ощущаемого качества жизни женщин по сравнению с мужчинами. Женщины более чувствительны к полноте удовлетворения их жизненных потребностей, чем мужчины.

Проведенный анализ результатов исследования показывает, какие первоочередные задачи необходимо решить для повышения ощущаемого качества жизни российского населения в настоящее время и в ближайшей перспективе.

В первую очередь необходимо повысить уровень психического здоровья российского населения, создать условия для появления у него чувства спокойствия. Для решения данной задачи требуется обеспечить политическую и экономическую устойчивость в развитии российского общества и государства, повышение уровня его духовного и материального благополучия. Это снизит уровень психического напряжения в обществе, беспокойство людей за свое настоящее и будущее.

Не менее важно снизить объем субъективных болевых ощущений российского населения. Эти ощущения возникают у людей в связи с низким доходом на одного члена семьи, неуверенностью в сохранении своей работы. Повышение уровня заработной платы, пенсий в настоящее время и обоснованных ожиданий этого в перспективе позволит во многом уменьшить объем субъективных болевых ощущений людей. Наряду с этим требуется повысить уровень медицинского обслуживания в России, уменьшить коммерческую медицинскую нагрузку на людей.

Повышение уровня психического здоровья и снижение объема субъективных болевых ощущений российского населения позволяют снизить роль ощущаемых физических и эмоциональных проблем в ограничении его жизнедеятельности, повысить его физическую и социальную активность, общее здоровье и жизнеспособность, тем самым обеспечит повышение ощущаемого качества жизни в целом.

Монография Ю.П. Аверина содержит уникальную систематизацию полученных данных, имеющих важное и научное и практическое значение.

Общее представление о структуре рецензируемой монографии по исследованию качества жизни населения в XXI в. позволяет высказать несколько дискуссионных моментов, касающихся как самого труда, так и тех проблем, которые стоят перед отечественными социологами при исследовании качества жизни населения в разные годы XXI в. в России. Хотя автор указывает в своей монографии, что в своем исследовании опирается главным образом на концепцию ощущаемого качества жизни, но в нем отчасти присутствуют и результаты социально-экономического анализа. В связи с этим было бы интересно рассмотреть подход американской некоммерческой организации “Комитет по демографическому кризису”, ведущей оценку качества жизни в крупнейших городах по следующим показателям: стоимость питания, жилищные условия, связь, образование, здравоохранение, тишина, уличное движение, чистота воздуха, общественная безопасность — и включить данные показатели в проведенные исследования. С методологической точки зрения важно было бы сравнить показатели, которые использует британская организация “Форум будущего”, определяющая устойчивое развитие качества жизни населения как динамический процесс с возможностью реализации человеческого потенциала и улучшения качества жизни, с защитой и улучшением природных жизнеобеспечивающих систем. Политическая цель устойчивого развития, установленная Мировой комиссией по окружающей среде и развитию, — это повышение качества жизни всего населения планеты без увеличения масштабов использования природных ресурсов до степени, превышающей возможности Земли как экологической системы. Все это обогатило бы содержание монографии.

В целом, рецензируемая монография представляет достаточно большой интерес как с точки зрения ее содержания, поскольку она может служить “справочным изданием” для всех, кто интересуется динамикой изменения качества жизни в нашей стране, так и с позиции обобщения опыта подготовки работ монографического плана.

Работа, несомненно, представляет интерес не только для экспертного и научного сообщества, студентов и аспирантов, занимающихся данной тематикой, но и для широкого круга читателей, которых волнуют современные процессы, происходящие в российском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1994.

Пигу А. Экономическая теория благосостояния: В 2 т. М., 1985.

Политика доходов и качество жизни населения / Под ред. Н.А. Горелова. СПб., 2003.

Что такое децильный коэффициент? Децильный коэффициент дифференциации доходов // Businessman.ru. URL: <http://vse-temu.org/new-cto-takoe-decilnyj-koefficient.html> (дата обращения: 05.12.17).

REFERENCES

Parsons T. Sistema koordinat deystviya i obschaya teoriya sistem: kultura, lichnost i mesto sotsialnyih system [The coordinate system of action and the general theory of systems: culture, personality and place of social systems] // Amerikanskaya sotsiologicheskaya myisl: Teksty / Pod red. V.I. Dobrenkova. M., 1994.

Pigu A. Ekonomicheskaya teoriya blagosostoyaniya: V 2-h t. [Economic welfare theory]. M., 1985.

Politika dohodov i kachestvo zhizni naseleniya [Policy of incomes and quality of life of the population] Pod red. N.A. Gorelova. SPb., 2003.

What is the decile coefficient? Decile coefficient of income differentiation // Businessman.ru. URL: <http://vse-temu.org/new-cto-takoe-decilnyj-koefficient.html> (accessed: 05.12.17).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Общие требования к рукописям, предлагаемым для опубликования в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”

Материалы, представленные на рассмотрение для публикации в журнале, обязательно должны соответствовать тематике журнала (основные тенденции современного социального развития и изменения, методологические и теоретические проблемы современной социологии и политологии, конкретные области социологического и политологического анализа, исследования проблем и специфики современного общества и институционального порядка, политических процессов, вопросы социальной и государственной политики, социального и организационного менеджмента). Все материалы должны представлять собой самостоятельное научное исследование (то есть должны содержать вклад автора в постановку и разработку выбранной для научного исследования проблемы). В целях обеспечения качества публикуемых материалов и соблюдения авторских прав все поступающие статьи проходят проверку через систему “Антиплагиат”. Материалы должны быть актуальными (содержать элементы научной и информационной новизны). Рукопись обязательно должна соответствовать принятым в журнале техническим требованиям к оформлению.

В случае соответствия требованиям предлагаемая статья может быть рассмотрена в редакции и отправлена на рецензирование (экспертную оценку), а при необходимости может быть обсуждена на редколлегии. В последующем будет принято решение о возможности/невозможности публикации рукописи с учетом публикационных планов журнала. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. По вопросам, связанным с публикацией представленных в редколлегию материалов, необходимо обращаться по электронной почте vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru, а также по телефону ответственного секретаря журнала Ильиных Ольги Владимировны +7 (903) 268-89-69.

Желающие опубликовать статью в журнале “Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология”, могут присылать материалы

- в № 1 (январь–март) – до 20 августа,
 - в № 2 (апрель–июнь) – до 20 ноября,
 - в № 3 (июль–сентябрь) – до 20 февраля,
 - в № 4 (октябрь–декабрь) – до 20 мая
- каждого года.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи не возвращаются. Гонорар авторам за публикацию рукописей не выплачивается. Плата с авторов (в том числе с аспирантов) за публикацию рукописей не взимается.

**Рукописи, подаваемые в журнал,
должны соответствовать следующим требованиям**

Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде (в том числе рисунки (диаграммы, графики, схемы и т.п.)).

Все предоставляемые в редколлегию материалы должны содержать:

1) название статьи на русском и английском языках;
2) сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора, город, страна, индекс. Авторская транслитерация ФИО должна учитывать то обстоятельство, что ее изменение, возможно, затруднит поиск прежних публикаций автора, которые перестанут учитываться в перечне его работ (то есть необходимо транслитерировать ФИО так, как в загранпаспорте или в предыдущих работах, т.е. унифицировать).

3) аннотации на русском и английском языках (не менее 200–250 слов каждая);

4) ключевые слова (6–8 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;

5) основной текст. К рассмотрению принимаются материалы и статьи преподавателей и научных сотрудников объемом от 1 авторского листа (40 тыс. знаков) до 1,3 авторского листа (приблизительно 53 тыс. знаков). Объем аспирантских статей от 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков). (Указано общее число знаков вместе с пробами, знаками рисунков, оформительскими страницами);

6) список литературы в конце статьи (число русскоязычных работ + число работ на иностранных языках = 20–30). Отсутствие пристатейного списка литературы может стать причиной отказа в рассмотрении статьи.

Список литературы помещается после основного текста статьи, и оформляется следующим образом:

а) список литературы на русском языке (по алфавиту (кириллическому) без нумерации). Этот список имеет подзаголовок “Список литературы”;

б) Второй список имеет подзаголовок “References”. Этот список в свою очередь включает в себя транслитерацию (по системе BSI. При создании транслитерации возможно использование программы транслитерации текста, к примеру, translit.net) и перевод на английский язык вышеприведенного списка литературы на русском языке, а также список литературы на иностранных языках (транслитерация русскоязычных работ + список работ на иностранных языках, все общим списком по алфавиту (латинскому)).

Более подробно требования к оформлению статей представлены на сайте журнала <http://vestnik.socio.msu.ru/jour> Там же можно посмотреть образцы оформления ссылок, списков литературы и т.п. Кроме того, на сайте есть электронная форма, с помощью которой необходимо подать статью в редколлегию.

*С уважением,
редколлегия журнала “Вестник Московского университета.
Серия 18. Социология и политология”*

Адрес редколлегии:

*119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ,
3-й учебный корпус, социологический факультет, каб. 514*
(e-mail: vestnik@socio.msu.ru, ilinih@socio.msu.ru),
тел.: (495) 939-08-54, 8 (903) 268-89-69.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телевидения и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 012687 от 21 июня 1994 г.

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 60×90/16. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж экз.
Изд. № 11043. Заказ № .

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>